

№2
2019

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

- СОЦИОЛОГИЯ
- ПОЛИТОЛОГИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
- ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИЯ
- СЛОВО МОЛОДЫМ
- ЮБИЛЕИ

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Научный журнал
Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)
Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№2' 2019

Москва ♦ ИСПИ РАН

2019

Редакционный совет

Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук **С.В. Рогачев**

Члены редакционного совета:

Академик НАН Беларуси **Е.М. Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н. Бабурин**, доктор социологических наук, профессор **Х.В. Дзущев**, академик РАН **А.Л. Журавлев**, доктор социологических наук **В.В. Локосов**, действительный член Российской Академии социальных наук **Э. Лозаннский**, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук **С.В. Рязанцев**, доктор политических наук **Л.Е. Ильичева**, доктор политических наук **В. Пророк**, политолог **Ли Фэнлинь**, политолог **Ли Цзинцзе**, доктор наук **Синтия Пизарро**, доктор наук **Маю Митигами**, доктор наук **Алексис Дантас**, доктор наук **Данг Нгуен Ань**, доктор наук **Ван Сяоцзюй**

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н. Иванов** (главный редактор) (ИСПИ РАН, г. Москва, РФ), доктор социологических наук, профессор **Ю.А. Зубок** (ИСПИ РАН, г. Москва, РФ), доктор социологических наук, профессор **В.К. Левашов** (ИСПИ РАН, г. Москва, РФ), доктор политических наук, профессор **В.В. Мартыненко** (первый заместитель главного редактора) (ИСПИ РАН, г. Москва, РФ), доктор философских наук, профессор **И.Б. Орлова** (ИСПИ РАН, г. Москва, РФ), доктор политических наук, профессор **Л.Н. Алисова** (ВИЭСУ, г. Воронеж, РФ), доктор философских наук, профессор **И.В. Орлова** (РАНХиГС, г. Москва, РФ), доктор социологических наук, профессор **Г.И. Осадчая** (ИСПИ РАН, г. Москва, РФ), доктор социологических наук, профессор **Л.С. Рубан** (ИСПИ РАН, г. Москва, РФ), доктор социологических наук **Т.К. Ростовская** (ИСПИ РАН, г. Москва, РФ), кандидат экономических наук **Е.П. Сигарева** (заместитель главного редактора) (ИСПИ РАН, г. Москва, РФ), кандидат экономических наук **В.А. Безвербный** (ИСПИ РАН, г. Москва, РФ), ответственный секретарь **Н.А. Безвербная**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);

Структура статьи предполагает:

- индекс универсальной десятичной классификации (УДК) — слева;
- название статьи — на русском языке, строчные буквы, по центру полужирным начертанием;
- фамилия и инициалы автора(ов) — на русском языке
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на русском языке;
- ключевые слова и аннотация — на русском языке
- название статьи на английском языке;
- Фамилия и инициалы автора(ов) на английском языке;
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на английском языке;
- ключевые слова и аннотация на английском языке
- текст статьи;
- библиографический список;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;

Аннотация — не более 50 слов; *Ключевые слова*: слова и словосочетания — не более 10.

MSWord, формат страницы А-4, кегль 14, шрифт TimesNewRoman, все поля — 2,0 см, интервал 1,5 см., выравнивание — по ширине; одинарный интервал; здесь и в тексте автоматический отступ («красная строка») — 1.25 см.

В тексте ссылки на литературные источники приводятся в квадратных скобках (например: [1], [1–5; 9]). *Они расставляются в порядке их упоминания в тексте.*

В тексте статьи не используются «полужирный» шрифт и подчеркивания, допускается курсив.

Рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией. Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Коршунов Г.П.

Участие Республики Беларусь в интеграционных процессах: перспективы и установки общественного мнения (по данным мониторинга Института социологии НАН Беларуси)

5

Талынев В.Е., Хвоин Н.Н.

Социально-адаптивное пространство бездомных: проблемы системы социального обслуживания

9

ПОЛИТОЛОГИЯ

Кареева С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н.

Великобритания: опыт борьбы с коррупцией на законодательном уровне

26

Каримова А.Б.

Стратегема Ломоносова: Арктика в движении к глобальной арене

39

Лисичкин В.А., Ранцев-Кртинов В.А.

Освоение Арктики, Дальнего Востока и Сибири как общенациональная идея и экономическая стратегия развития Российской Федерации

52

Шушпанова И.С.

Евразийская информационная интеграция в эпоху постправды

62

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Арпентьева М.Р.

Евразийская интеграция: проблемы межкультурных отношений

73

Голубицкий Ю.А.

Критика советской действительности постсталинского периода посредством изобразительных артефактов и аудиовизуальных систем (от лояльности к власти к диссидентству)

81

Рубан Л.С.

Формирование культуры межнационального общения школьной молодежи в полиэтничных регионах

100

ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИЯ

Деловарова Л.Ф.

Миграционные процессы как фактор интеграции, сотрудничества и укрепления Евразийского экономического союза

110

СЛОВО МОЛОДЫМ

Рязанцев Н.С.

Демографический кризис и роботизация в Японии

118

ЮБИЛЕИ

Поздравления

127

Коршунов Г.П.

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ: ПЕРСПЕКТИВЫ И УСТАНОВКИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (ПО ДАННЫМ МОНИТОРИНГА ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ НАН БЕЛАРУСИ)

PARTICIPATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN INTEGRATION
PROCESSES: PERSPECTIVES AND ATTITUDES OF PUBLIC OPINION
(ACCORDING TO MONITORING OF INSTITUTE
OF SOCIOLOGY OF NAS OF BELARUS)

Коршунов Геннадий Петрович, директор Института социологии НАН Беларуси, кандидат социологических наук, доцент (Минск, Беларусь), e-mail: isst@socio.bas-net.by

Gennady P. Korshunov, Director of the Institute of sociology, NAS of Belarus, candidate of sociological Sciences, associate Professor (Minsk, Belarus), e-mail: isst@socio.bas-net.by

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы участия Республики Беларусь в интеграционных инициативах таких, как Союзное Государство, ЕАЭС, ОДКБ с точки зрения установок массового сознания белорусских граждан. Выводы опираются на данные мониторинга Института социологии НАН Беларуси.

Abstract. The article discusses the prospects of participation of the Republic of Belarus in integration initiatives, such as the Union State, the EAEU, the CSTO from the point of view of the mass consciousness attitudes of Belarusian citizens. The conclusions are based on the monitoring data of the Institute of sociology of NAS of Belarus.

Ключевые слова: Беларусь, евразийская интеграция, Союзное государство, ЕАЭС, ОДКБ, выбор вектора развития, массовая поддержка, социологический мониторинг.

Key words: Belarus, Eurasian integration, Union state, EEU, CSTO, choice of development vector, mass support, sociological monitoring.

Наблюдаемая в последние десятилетия эволюция мировых политических и социально-экономических отношений со всей очевидностью позволяет констатировать усиление интеграционных процессов. Новые геополитические условия привели к росту взаимосвязей между странами, интенсификации сотрудничества в экономической, политической, образовательной и других сфе-

рах, определению новых взаимовыгодных рамок и направлений сотрудничества. Иными словами, интеграционные процессы в современном мире выступают в качестве одного из факторов качественного развития социальной системы.

Республика Беларусь принимает активное участие в деятельности интеграционных объединений, что является одним из направлений ее внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности. В настоящее время Беларусь является членом таких организаций, как Содружество Независимых Государств (СНГ), Союзное государство России и Беларуси (СГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и др. Вместе с этим белорусское государство, являясь участником интеграционных объединений постсоветского пространства, осуществляет сотрудничество не только с ведущими международными организациями и структурами (Международным валютным фондом, Европейским банком реконструкции и развития и др.), но и с динамично развивающимися странами Азии, Латинской Америки и арабских государств.

На международной арене важнейшим партнером Республики Беларусь является Российская Федерация. Теснота связей между нашими странами определяется общностью исторического прошлого, близкими политическими интересами и взаимодополняемостью экономических систем.

Интеграционные процессы Беларуси и России развиваются динамично, но нелинейно. Ускорения и замедления этих процессов находят свое отражение в оценке направлений сотрудничества наших стран со стороны массового сознания. Если в начале 2000-х гг. приоритетным вектором развития отношений между Беларусью и Россией белорусы видели партнерские отношения в рамках союза двух равных государств, то в течение последних 9–10 лет ситуация несколько изменилась. Основной стратегией, которую сейчас поддерживают белорусы, является ориентация на независимую позицию страны на международной арене и выстраивание отношений с Россией на основе международных договоров. Это мнение характерно более чем для половины населения Республики Беларусь.

Динамика привлекательности идеи вступления Беларуси в Европейский союз также отличается определенной вариативностью. Если, например, в начале 2010-х гг. число сторонников евроинтеграции почти в 2 раза превышало число противников вступления Беларуси в ЕС (порядка 40% против 20%), то после 2014 г. ситуация меняется почти зеркально — противников объединения с Европой становится почти в два раза больше, нежели сторонников [1]. В по-

следние годы отмечается легкая тенденция к снижению числа противников и росту числа сторонников вхождения в Евросоюз.

Интеграционные установки жителей Беларуси имеют достаточно прагматическую окраску экономического характера, при которой всевозможные объединительные интенции предполагают взаимовыгодное сотрудничество, прежде всего, в социально-экономической сфере. Поэтому при скорее положительной динамике оценок евроинтеграции прожективные перспективы вхождения в НАТО в основном не встречают большой поддержки со стороны белорусов. Правда, здесь нужно иметь в виду тот факт, что порядка четверти населения страны пока не имеет сформировавшегося мнения относительно вступления Беларуси в НАТО [1].

В целом, можно сказать, что относительно реализации внешней политики Беларуси жители страны высказываются вполне в духе той стратегии, которой придерживается руководство Республики Беларусь: «Россия является нашим стратегическим союзником, но мы выстраиваем партнерские отношения со всеми странами, нацеленными на сотрудничество» [1]. При этом доминирующим вектором сотрудничества для населения страны все еще остается Россия.

Именно так можно интерпретировать полученные данные, которые говорят, что индекс поддержки процессов сотрудничества в рамках Союзного государства составляет (по данным 2016 г) +0,691, СНГ — +0,415, ЕАЭС — +0,376, Европейский союз — +0,326. Индекс поддержки сближения Беларуси с Китаем составляет +0,302, с Украиной — +0,149, с другими странами — +0,149 (см. рис. 1).

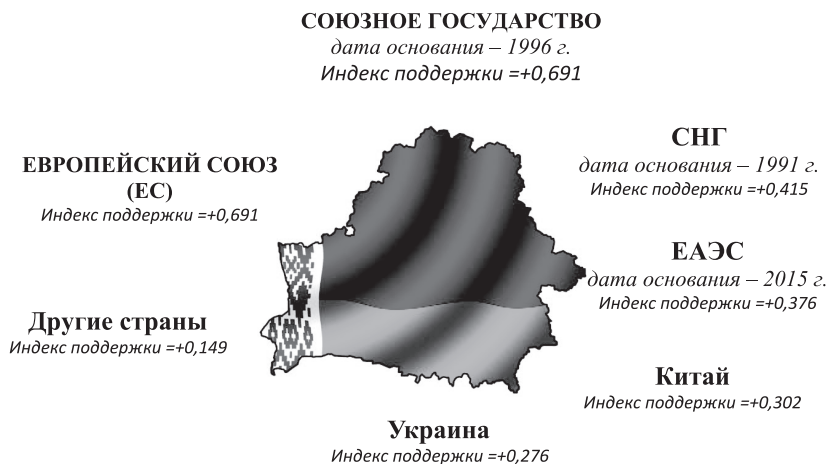

Рис. 1 Индексы поддержки населением Беларуси процессов сотрудничества с основными внешнеполитическими партнерами

В числе эффектов создания СНГ, значимых для развития Беларуси, одним из главных результатов признается налаживание экономических связей, разорванных в ходе распада СССР. Такие позиции, как сохранение культурных и образовательных связей или координация усилий по защите границ и коллективной безопасности признаются второстепенными (в массовом сознании белорусов их важность практически в два раза ниже).

Основными носителями «восточного вектора» интеграции в Беларусь являются люди старших возрастных групп, на которых достаточно существенное воздействие оказывает наличие друзей и родственников в России и странах СНГ (факты наличия близких людей в России отмечает больше трети белорусов, в Украине — практически четверть, в Казахстане они есть у каждого двадцатого; в качестве мест проживания родственников и друзей иные страны СНГ отмечались значительно реже) [1].

Родственные связи являются вторым по значимости моментом, который объединяет белорусский народ с украинским, и четвертым в иерархии факторов связи белорусов и россиян. Первое место в том и ином случае занимает позиция общее «историческое прошлое». В рамках оценки факторов связи белорусского народа и с украинским, и с российским эта позиция оказывается значимой как минимум для половины белорусов.

Однако нужно иметь в виду, что у старшего поколения и у современной молодежи несколько различное понимание этого «исторического прошлого»: с одной стороны, опыт личного проживания у тех, кто был рожден в СССР, с другой — практики постсоветского взросления и пребывания в глобальном информационном пространстве, что с необходимостью формирует свои оригинальные стратегии культурной идентификации и интеграционные установки.

Это значит, что сегодня происходит смена поколений, и просто политическими решениями интеграционные процессы оптимизировать уже не представляется возможным. В актуальных условиях развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве требует серьезного социально-философского осмысления и социогуманитарной проработки.

Библиографический список

1. Социологический альманах Национальной Академии Наук Беларуси [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://socio.bas-net.by/wp-content/uploads/2018/06/Sots-Almanah_-9.pdf (дата обращения: 10.03.2019).

Талынев В.Е.,
Хвоин Н.Н.

СОЦИАЛЬНО-АДАПТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЗДОМНЫХ: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

SOCIALLY ADAPTIVE AREA FOR THE HOMELESS:
SOCIAL AID SYSTEM CHALLENGES

Талынев Валерий Егорович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России (Воронеж, Россия), e-mail: v.talynyov@yandex.ru

Хвоин Николай Николаевич, ведущий специалист отдела мониторинга, систем оплаты труда и ведомственного контроля Комитета по труду и занятости населения г. Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: khv-nikolai@yandex.ru

Valery E. Talynyov, Doctor of Social Sciences, Department of Humanities and Social Sciences, Associate Professor, Voronezh Institute of the Russian Interior Ministry, e-mail: v.talynyov@yandex.ru

Nicholay N. Hvoyn, Leading specialist of the monitoring, remuneration systems and departmental control unit of the Committee on labour and employment of St. Petersburg, e-mail: khv-nikolai@yandex.ru

Аннотация. В статье на результатах эмпирического исследования проанализированы актуальные проблемы методологии социологических исследований социально-адаптивного пространства бездомных. Рассмотрены особенности функционирования системы социального обслуживания учреждений социальной помощи бездомным в г. Москве, г. Санкт-Петербурге и определены основные направления деятельности по ее упорядочению. В статье предлагается модель реабилитации бездомных в социально-адаптивном пространстве.

Abstract. This article analyses the acute methodological problems of sociological researches of the socially adaptive area for the homeless based on empirical study results. It gives a view on particulars of the activities of the system of the social aid institutions for the homeless in Moscow and Saint-Petersburg and distinguishes basic activity directions towards its structuring. The article offers the homeless rehabilitation model in the socially adaptive area.

Ключевые слова: бездомные, социально-адаптивное пространство, приют, профилактика бездомности.

Key words: homeless, social-adaptive area, shelter, homelessness prevention.

Постановка проблемы. В последние три десятилетия существенная часть научной дискуссии о бездомности связана с социальными процессами в форме исключения представителей этой категории граждан из общества. В противоположность этим процессам исследуются особенности формирования социально-адаптивного пространства, куда перемещаются указанные категории российского населения в переходный для них период, а также эффективность деятельности органов социальной защиты по минимизации «издержек» бездомных граждан в процессе последующей социализации в российском обществе.

Ныне категории «социальное исключение», «социальное перемещение», «социальное пространство», «социально-адаптивное пространство», «бомж», «бездомный», «изгой» и др. все больше внедряются [5] в научную дискуссию о социальной справедливости, эффективности системы деятельности различных государственных органов по социальному обслуживанию различных групп населения и др. [16, с. 45–52]. Аксиоматическое построение подобного рода взглядов определяет, что каким бы индивидам или социальным группам, категориям граждан не присваивались в качестве идентификации эти определения становится ясно, что они направлены на выявление более широкого круга проблемных вопросов, чем, например, принятые в обиходе средний прожиточный уровень, абсолютный и относительный уровень доходов, благосостояние, обычно ассоциирующиеся с дискуссией о бедности, а также формировании удовлетворительного по качеству социального пространства.

Основные понятия. Для большей части населения социальное пространство личности представляет собой наличие необходимых условий развития и бытия человека, которые законодательно, эмоционально-психологически определяют индивиду место и сферу его жизнедеятельности, права и обязанности, стиль и содержание коммуникации в контексте общественной культуры, а также формируют внутреннюю позицию самого человека по отношению к самому себе, истории своего этноса, культуре как целостному, исторически обусловленному явлению. В научной практике имеет место ряд определений понятия «социальное пространство». Например, «социальное пространство — абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях» [6; с. 54–55].

В широком смысле социальное пространство представляет собой многомерное, но ограниченное определенными рамками, область социальных практик, процессов и институтов, отношений, позиций и ролей, системно и структурно-функционально связанных между собой и действующих в отдельно взятом социуме.

В узком смысле социальное пространство бездомных представляет собой сложившиеся неравнозначные условия жизнедеятельности, определяющие социальную дистанцию между субъектами, т. е. для бездомных эти конструкты выходят на первое место, а социальное пространство становится порядком стратификации социальных групп в обществе, иерархическим размещением, согласно специфическому статусу и содержанию социальной деятельности и т. д.

Следовательно, в качестве доминантных составляющих социально-адаптивного пространства бездомных могут выступить социальная структура и социальная стратификация. Социальная структура категории бездомных, помимо отдельно взятой личности, на наш взгляд, представляет собой межгрупповую общность и дифференциацию, и включает в себя: 1) скопление или конгломераты; 2) группы; 3) социальный институт.

Если скопления (конгломераты) бездомных характеризуются чисто пространственной близостью случайных людей (бывшие соседи, земляки, родственники и др.), то группы образуются на основе какого-либо признака (например, причинно-следственная связь попадания в категорию бездомных — криминальное прошлое, т. е. лица, отбывшие наказание в местах лишения свободы, семейные проблемы, спекуляция или мошенничество с недвижимостью, алкоголизм, наркотики и т. д.). Последние объединения могут создаваться на основе одного или сочетания ряда признаков.

Если с первыми двумя составляющими социального пространства более-менее все понятно, то в отношении социального института бездомных, ученые, специалисты и, особенно, политики предпочитают отмалчиваться. На наш взгляд, социальный институт бездомных отличается от конгломерата и группы тем, что он функционирует в более масштабном пространстве и представляет собой образования, которые характеризуются:

1) наличием нескольких социальных групп, имеющих общие ценности и удовлетворяющие схожие потребности, к которым следует отнести бездомных, которых не следует путать с категорией бродяг, попрошаек, тунеядцев и др.;

2) единым этосом (духовной культурой), где в каждой группе бездомных «свои» ценности, традиции, обряды, нормы и правила существования и коммуникации;

3) наличием материальной культуры (это может быть отношение к городским свалкам, мусоросборникам, а также к заброшенным жилищным постройкам, вокзальным территориям, территориям возле метро и т. д.);

4) специальными социальными действиями в рамках этого института, например, борьба за передел имущественных, властных полномочий применительно к вышеперечисленным объектам и т. д.

Таким образом, социальный институт бездомных, на наш взгляд, это исторически сложившаяся форма организации совместной жизнедеятельности людей, оставшихся без собственного жилья, характеризующаяся наличием специфических социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок, существование которой (форма организации) диктуется необходимостью удовлетворения элементарных социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей этой общественной группы в целом или его части, основной целью которой является приобретение собственного жилья, как главного условия успешной социальной адаптации.

Указанные характерологические особенности социального пространства относятся к большинству категории бездомных граждан, которая по ряду причин, например, утрата жилья — определяющий в нашем случае фактор, потеря работы, временно выпадает из социального пространства, и для них возникает отличающаяся по многим параметрам от большинства членов общества болезненная проблема ресоциализации, социальной адаптации. Именно поэтому особая роль в решении проблемы бездомных отводится организационно-техническим мероприятиям на государственном и общественном уровнях, например, социальной защите, учету данной группы граждан.

Методология исследования. Получить многоаспектную оценку условий формирования социально-адаптивного пространства, системы социального обслуживания, процедуры количественно-качественного учета бездомных позволяет методология социологических исследований. «Усиливающиеся в последнее время интегративные процессы в науке позволяют поставить вопрос о комплексном рассмотрении данного феномена и о выделении особого вида приспособления — социальной адаптации. Тем самым адаптация превращается из понятия специфически биологического в категорию общенаучную» [14, с. 21].

Рассматривая концептуальные подходы к социальной адаптации лиц категории «бездомные», специалисты отмечают мно-

гоплановость проблемы. «В соответствии с одной из концепций ученые придерживаются мнения о том, что главным фактором для решения проблем бездомных граждан является трудовая реабилитация. Представители другой концепции придерживаются мнения о том, что «помощь бездомным должна осуществляться не только государством, но и обществом в целом» [15, с. 198]. Другими словами, не только за счет бюджетного финансирования, но и за счет благотворительных и иных фондов, а также различных видов спонсорской помощи.

Указанные теоретические представления легли в основу социологического исследования по проблеме социально-адаптивного пространства бездомных, функционирования системы социального обслуживания, а также анализа действующей системы учета указанной категории граждан, проводившегося в несколько этапов. Также теоретико-методологическими основами исследования стали отечественные и зарубежные концепции исследования процесса социализации личности, причинно-следственных связей возникновения маргинальной группы граждан — бездомные, а также особенностей функционирования указанной группы в современных условиях развития российской государственности.

В рамках исследования развивались идеи о социально-неопределенном положении человека или группы граждан, не имеющих своего жилища, отсюда государственной регистрации, вследствие интенсивных социальных потрясений (разгула криминальных явлений, мошенничества, миграции, нисходящей мобильности и т. д.), различных типах маргинальности, в том числе социальной (структурной) [18, с. 124–135] и последующей адаптации, которая осуществляется по особым нормам в социально-адаптивном пространстве.

Очевидно, бездомный, попадая в несколько иное социальное образование (пространство), которое на первых порах с учетом ранее усвоенных, но изменившихся условий взаимодействия и взаимоотношений, как правило, воспринимается им достаточно болезненно. Это социально-адаптивное пространство бездомных, представляя собой специфическую нормативную модель общества, предполагает в идеале возврат этой особой категории граждан к общественно-полезной деятельности, усвоению (восстановлению) основ социализации при помощи (воздействия) государственных и других органов опеки.

Эмпирическая база исследования. Основным источником сведений о состоянии и уровне жизни населения являются официальные статистические данные, представляемые Федеральной

службой государственной статистики (Росстат), Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, здравоохранения, правоохранительными органами и др., которые, мало того, что они считаются то по персональному уровню, по количеству обращений в учреждения социальной защиты или медицинского направления, то по количеству домохозяйств, так еще и не отличаются объективностью, точностью и заметно отличаются друг от друга. Весьма неточно обозначаются категории населения, подвергнутые социальной эксклюзии и относящиеся к социальным аутсайдерам, а именно: бездомные, бедные (малоимущие), нищие, бродяги, которые, кроме малоимущих граждан, зачастую вообще не фиксируются в статистических отчетах, поэтому нами предпринята попытка обобщить данные, как полученные самими авторами, так и данные от независимых источников.

Вообще практика Росстата вести учет бездомных граждан, используя как единицу подсчета — «домохозяйство», не выдерживает никакой критики. Мало того, что людей подсчитают «домохозяйствами», так еще и попытка учитывать бездомных из этих домохозяйств только посредством подсчета их обращения в органы социальной защиты приносит весьма поверхностные, неточные статистические результаты, т. к. по утверждению самих респондентов-бездомных, во-первых, далеко не все обращаются в учреждения социальной помощи, а, во-вторых, более половины из них обращаются к органам социальной помощи по несколько раз, особенно за получением медицинской помощи, бесплатного питания и др., при этом называя себя каждый раз при представлении новыми вымышленными именами.

Для сбора данных о социальном пространстве, системе социального обслуживания и учета, обеспечения достоверности, валидации и верификации компонентов процесса бездомности, с учетом особенностей генеральной совокупности, точности полученных результатов исследования применялся комплекс теоретических (стратификация, анализ, синтез, моделирование, абстрагирование и др.) и эмпирических (анализ документов, опрос, интервью, экспертная оценка, беседа, описание, базирующееся на результатах наблюдения (качественное) и измерения (количественное) и др. методов.

На начальном этапе (ноябрь 2016 — декабрь 2017 г.) был проведен экспертный опрос в форме полустандартизованного интервью и применен сравнительный метод по проблеме комплексной помощи и защиты прав бездомных и граждан без регистрации, с привлечением руководителей учреждений социальной защи-

ты и социального обслуживания различного уровня, находящихся в ведении Комитета по социальной политике (3 учреждения), районных администраций г. Москвы и г. Санкт-Петербурга (всего 18 учреждений), а также благотворительных организаций «Ночлежка», «Армия Спасения» и др. Данные по г. Москве получены в основном из массива официальной статистики.

На втором этапе (декабрь 2017 — июль 2018 г.) осуществлялись анкетирование руководителей и специалистов учреждений социального обслуживания разных типов, опрос граждан в местах оказания социальной и юридической благотворительной помощи бездомным людям, проживающим (находящимся на территории) в г. Санкт-Петербурге. В квотную выборку были отобраны представители 8 учреждений различного уровня: всего 43 специалиста, из них — 7 руководителей и 36 специалистов. Опрошено 173 человека, что позволило соблюсти требование 5% ошибки репрезентативности. Почти две трети респондентов проживают в г. Москве и г. Санкт-Петербурге свыше 10 лет (63,8%), пятая часть (21,8%) — от 3 до 10 лет; 14,4% — менее 3-х лет.

Также проведены мониторинг статистических данных, сплошной анкетный опрос специалистов в очно-заочной форме по проблеме эффективности процесса оказания социальной помощи бездомным в новых условиях социально-адаптивного пространства. Результаты исследования дополнены данными устного опроса в виде формализованного интервью бездомных по разработанному инструментарию с последующим анализом полученной информации, проводимого в местах выдачи горячего питания, социального консультирования, пунктах обогрева (сезонный проект), реабилитационных приютах и др. В целях обеспечения безопасности интервьюеров из опроса исключались бездомные, находящиеся в состоянии алкогольного (наркотического) опьянения, а также проявляющие агрессивное поведение в ходе подготовки и проведения процедуры исследования. Отбор респондентов среди бездомных носил случайный характер, с соблюдением квоты по полу и возрасту. Помимо этого, проводилось наблюдение за бездомными в местах их случайных заработков.

Характеристика социально-адаптивного пространства бездомных. На рубеже 1990-х гг. категория бездомных людей стала особенным показателем и следствием резкой трансформации социальной структуры российского общества, которая привела к массовой нисходящей социальной мобильности, небывалому ранее росту, особенно в крупных населенных пунктах, количества попрошаек, бомжей, безработных, бродяг, которые оказались в си-

туации неопределенной социальной идентификации. Сложившаяся на тот момент после распада Советского Союза ситуация, когда значительная часть населения оказалась в депривированном состоянии, резко контрастировала с советским периодом, что вынудило руководство правопреемника СССР — Российской Федерации в «целях оказания социальной, медицинской и иной помощи лицам без определенного места пребывания или жительства, обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и укрепления общественного порядка» издать Указ Президента № 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества» [1].

В середине 1990-х гг. подобное социальное явление стали называть безнадзорностью, с чем авторы статьи категорически не согласны. Ведь ранее безнадзорными называли людей, не имеющих постоянного места жительства; детей, живущих в асоциальных семьях, детей-сирот, т.е. находящихся как бы вне общества лиц [4, с. 40–45], детей, сбежавших из родного дома, детских домов-интернатов, приемников-распределителей, а также лиц, вернувшихся из мест лишения свободы и по ряду причин потерявших свой дом, лечебниц для душевнобольных [19, с. 137] и др. И ведь данным термином оперировали сотрудники учреждений Министерств социальной защиты населения и труда РФ (до 1996 г., после чего они были объединены в Министерство труда и социального развития РФ), правоохранительных органов, с чем опять же трудно согласиться по следующим основаниям.

Учитывая основные положения 2-й главы Конституции РФ, которая закрепляет гарантии защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, определяет обязанности органов государственной власти в этой области [11], следует, что все указанные лица не могут находиться без так называемого надзора (социального, правоохранительного, медицинского и др.), чтобы их свобода в области человеческой жизнедеятельности ущемлялась в форме отсутствия перспектив на официальную трудовую деятельность, пенсионное обеспечение, приобретение собственного жилья и т. д.

Масштаб этих процессов потребовал обратить внимание ученых на такие явления, как маргинальность [8, с. 118–123], систему учета и особенности социально-адаптивного пространства бездомных. Результаты исследования показывают, что в онтогенезе бездомного человека, несмотря на социальную помощь, социально-адаптивное пространство осваивается им весьма проблематично, и, как считают практически 100% специалистов, только через лич-

ностное стремление субъект сможет реализовать свои притязания на общественное признание, повышение уровня социального статуса и др. Как показали результаты опроса, возвращаясь в процессе социальной адаптации к освоению обязанностей и правовым нормам, вспоминая и осваивая определенные знания о них, сам бездомный продолжительное время не может в полном объеме осознать их значение для себя как члена общества, принадлежащего к определенной культуре, современной цивилизации. Здесь фактор стажа бездомности играет решающую роль. К сожалению, ситуационно складывается так, что права и обязанности для бездомного психологически отчуждены от его личности, существуют вне его, при этом более 75% респондентов обозначили свою личную позицию: обязанности представляются в его сознании как акт социального насилия, а права растворены где-то в социальном пространстве и существуют как некая абстракция.

Анализируя данные опроса бездомных, можно сделать вывод, что большинство из них практически не осознает основные изменившиеся в последнее время принципы, определяющие место российского гражданина в социальном пространстве, основополагающие достижения в сфере прав и обязанностей (так отметили 62,4%, при этом почти 20% — затруднились с ответом на этот вопрос). При этом ущемление прав и свобод может вызывать со стороны бездомного человека агрессивное сопротивление, стремление занять протестную позицию в отношении тех, кто имеет собственное жилье (39,2%), занимающих более высокое положение в обществе (53,8%), владеющих правом обладать всей совокупностью гражданских прав и свобод (84,0% респондентов к таким гражданам отнесли представителей чиновничьего аппарата).

Группа экстремально бездомных (склонные к алкоголизму, наркомании, лица, прибывшие из мест заключения и др.: всего 61,4% респондентов, г. Санкт-Петербург) считает, что в настоящее время обладает весьма призрачными шансами повысить свой социальный статус, поскольку, с одной стороны, они не располагают, как правило, необходимыми для этого ресурсами (а иногда и необходимой мотивацией к вертикальной мобильности), и, с другой стороны, предлагаемые государственные адресные программы, как по предотвращению, так и по преодолению экстремальной бедности и бездомности, не отличаются полнотой и качественным уровнем, поэтому не имеют перспектив.

При исследовании структуры социально-адаптивного пространства бездомных, отмечается, что работодатели подчеркивают отсутствие у более чем 60% граждан со «стажем бездомно-

сти» наличие мотивации в трудоустройстве, отсутствие желания менять свой образ жизни, к которому они успели адаптироваться, проживая на «улице», что может служить показателем эффективности процесса адаптации бездомных, а также предпосылкой к проведению дополнительных мероприятий по их ресоциализации. При этом обеспечение постоянной работой в границах социально-адаптивного пространства рассматривается как приоритетный метод преодоления проблем бездомного.

Далее, одной из основных причин формирования бездомности являются многообразные семейные обстоятельства негативного плана. В качестве непосредственных семейных причин бездомности могут быть:

1) разрушение семейных связей, смерть родственников, в результате чего наиболее беспомощные члены общества (дети, пожилые, инвалиды и др.) оказываются предоставлены сами себе;

2) неумение решать семейные конфликты с сохранением самоуважения, уважения личности других, учетом прав и законных интересов всех членов семьи, что приводит к тому, что кто-либо из ее членов, не выдержав конфликтной ситуации, уходит из семьи, впоследствии утрачивает право на жилье;

3) внутрисемейное хищничество, когда одни члены семьи, преследуя свои корыстные цели, разными способами умышленно вынуждают других покинуть жилье и/или передать им свои права на него иным способом, например, отчуждают его через суд [3, с. 220–224].

Анализ данных последней переписи населения (2010 г.) показывает, что к лицам, не имеющих собственного жилья, были отнесены следующие категории и количество граждан:

1) 1,8 млн российских граждан, проживающих в детских домах, школах-интернатах для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, стационарных учреждениях социального обслуживания, казармах, местах лишения свободы, монастырях и тому подобных специализированных учреждениях, в том числе, проживающих в тюрьмах, исправительно-трудовых и исправительно-воспитательных колониях, колониях-поселениях, домах инвалидов и престарелых, психоневрологических лечебных учреждениях закрытого типа, в воинских казармах и монастырях.

2) 404 тыс. россиян, проживающих на постоянной основе в чумах, ярангах, юртах, кибитках, а также в вагончиках, баржах. Еще 31 тысяча россиян проживает в гостиницах, отелях и мотелях. Из них — половина в г. Москве [7].

3) 64 тысячи россиян, не имеющих крыши над головой и проживающих в уличных условиях и различной формы ночлежках.

Большое количество бездомных, как правило, размещаются в больших городах, мегаполисах: г. Москва, г. Санкт-Петербург, и др. Ни для кого не будет секретом, что столица и г. Санкт-Петербург, как самые «дорогие» города России, на протяжении десятилетий развитостью инфраструктуры, более высоким уровнем развития экономики и потенциалом для дальнейшего развития, привлекают россиян из даже самых отдаленных регионов страны, для решения своих насущных проблем, в первую очередь, в поиске хорошо оплачиваемой работы. При этом сумма заработка, как правило, в этих городах, в разы превышает заработок в сравнении с местами, откуда прибыл гражданин. При этом следует отметить, что «варяги» не платят налогов и лишены большинства социальных гарантий.

Обсуждение результатов исследования. Решая задачи социальной помощи, на территории г. Москвы и Подмосковья в круглосуточном режиме работают Мобильная служба помощи бездомным гражданам «Социальный патруль», созданная на базе Центра социальной адаптации им. Е. Глинки, «Центр социальной адаптации для бездомных граждан при ГБУ г. Москвы «Психоневрологический интернат №5», а также функционируют стоянки Мобильных пунктов обогрева в дневное и ночное время около железнодорожных вокзалов.

По информации Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы в 2016 г. официально на улицах было выявлено около 13 тысяч бездомных, что несколько больше в сравнении с прошлым годом. Из них 3885 человек были доставлены в социальные учреждения, 801 — экстренно госпитализирован, 402 человека отправлены по прежнему месту жительства, 101 — вселен в свои квартиры, при этом найдено 166 человек, находившихся в розыске родственниками, отработано 3815 вызовов, поступивших в диспетчерскую, и это на 15% меньше, чем за тот же период в 2016 г. Только за 10 месяцев 2017 г. в Московском метрополитене было выявлено 4135 бродяг, из них 2040 человек получили санитарно-гигиенические услуги, 1819 человек доставлено в Центр социальной адаптации, 69 человек отправлено к постоянному месту жительства, 212 человек экстренно госпитализированы. На территории столицы «Социальным патрулем» также было выявлено 57 заброшенных зданий и 55 мест поселения бродяг: подвалы, теплотрассы, чердаки и др.

Следует отметить, что при этом всего 14,2% бездомных от общего количества выявленных, прошли процесс ресоциализации, т. е. вернулись к нормальной жизни и ушли с улицы, трудоустроены 130 бездомных.

В отличие от Департамента, по данным правоохранительных структур в г. Москве насчитывается от 30 до 50 тысяч бездомных. При этом у лиц без определенного места жительства при сборе статистических данных гражданство не учитывалось, а большая часть этих граждан — представители стран постсоветского пространства. Более высокую цифру (до 100 тыс. человек) называют представители некоммерческих организаций, среди которых, что вызывает интерес, лишь 9% «коренных» москвичей. Из общего количества «обитателей дна» около 80% составляют мужчины, чуть более 20% — женщины и молодые девушки в возрасте до 30 лет, чья судьба, как они считают, выплеснула на обочину жизни.

Добавим к этому, что на протяжении четверти века в столичном регионе работает православная служба оказания помощи бездомным людям «Милосердие». Волонтерами и работниками службы реализуется несколько проектов, направленных на оказание помощи бездомным людям и тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации.

Ситуация с бездомными в столице на протяжении многих лет остается напряженной. Особенно много бездомных на кольцевой линии, где расположены все железнодорожные вокзалы, являющиеся главным их пристанищем, а также местом приложения «сил и талантов». Гостей, прибывающих в столицу железнодорожным транспортом, встречают всегда на вокзалах. Только вид грязного и обросшего бомжа, растянувшегося в вагоне метро «вечно» пьяного сравнительно молодого человека, вызывает брезгливость и животный страх, впрочем, не только у гостей. Пассажиры инстинктивно отодвигаются на безопасное расстояние!

Система социального обслуживания бездомных (г. Санкт-Петербург). Анализируя численность бездомных, отметим, что в г. Санкт-Петербурге действует двухуровневая система учреждений социального обслуживания населения городского и районного подчинения. Комитет по социальной политике г. Санкт-Петербурга осуществляет межведомственное взаимодействие и координацию деятельности по социальной адаптации бездомных граждан.

По состоянию на 01.01.2018 в 18 районах Санкт-Петербурга действовало 15 учреждений (отделений), которые учтены в форме 4 собес (сводная). Только на учете в СПб ГКУ «Центр учета и социального обслуживания граждан РФ без определенного места жительства» состояло 2921 бездомных граждан (см. рис. 1) из них: мужчин — 1723 (59,0%); женщин — 1198 (41,0%); детей — 367, в том числе: граждан трудоспособного возраста 1157 чел. (39,6%), пенсионеров — 1205 чел. (41,3%), инвалидов — 559 чел. (19,1%) [13].

В 2017 г. в учреждениях социальной помощи бездомным фактически развернуто 379 коек и обслужено 1328 бездомных граждан, из них лиц, освободившихся из мест лишения свободы — 197 чел. (14,8%). По количеству обратившихся преобладают мужчины 1190 чел. (89,6%), количество обратившихся женщин составило 138 чел. (10,4%). В 2017 г. трудоустроено — 327 чел. (24,6%), направлено в дома-интернаты 43 чел. (3,2%).

Предоставление услуг бездомным осуществляется не только государственными учреждениями, но и некоммерческими организациями. Например, благотворительная общественная организация помощи бездомным «Ночлежка» (г. Санкт-Петербург) реализует следующие проекты: реабилитационный приют, «ночной автобус», пункты обогрева, консультационные пункты, «дом на полдороги», культурная прачечная и др. В период 2013–2017 гг. в «Ночлежку» ежегодно за различной помощью обращалось от 7 968 до 10 789 бездомных. «Ночлежка» ведет собственный учет бездомных, согласно которому в г. Санкт-Петербурге проживает около 60 тысяч бездомных [12], количество, которое значительно превышает официальные данные Росстата. Безусловно, с учетом этой разницы численности, государственные учреждения социального обслуживания пока не в состоянии предоставить социальную помощь всем нуждающимся.

В целях решения проблемы системного сопровождения адаптационного периода бездомных в городе организуются ярмарки вакансий рабочих мест для жителей, испытывающих трудности в поиске работы, в том числе лиц, освобожденных из мест лишения свободы, условно осужденных. Цель мероприятия — оказание содействия в трудоустройстве указанных категорий граждан, привлечение работодателей к сотрудничеству, получение полной ин-

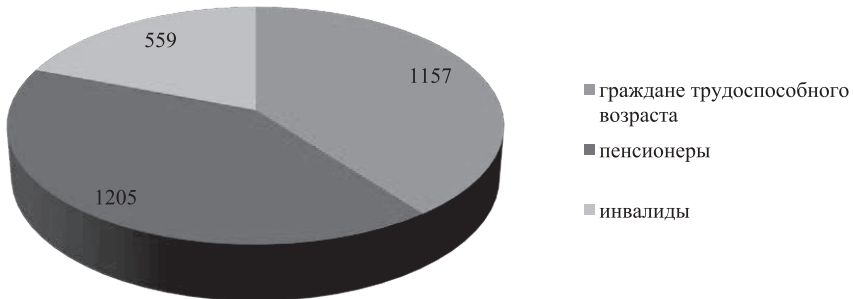

Рис. 1. Категории бездомных граждан, стоящих на социальном учете в г. Санкт-Петербурге в 2017 году

формации о рынке труда и предприятиях, испытывающих потребность в работниках.

Деятельность учреждений социальной помощи бездомным, как систему, сложно оценить, как успешную с позиции проводимых мероприятий по адаптации и ресоциализации, поскольку стандартный набор услуг, предоставляемый в этих учреждениях, сводится к предоставлению койко-места и горячего питания, содействию в оформлении документов, удостоверяющих личность (паспорт, пенсионное удостоверение, СНИЛС, ИНН и др.), и не включает в себя мероприятия социализирующей направленности.

На наш взгляд, в социально-адаптивном пространстве система отношений «социальный работник — клиент» и «социальный работник — окружение клиента» играет важнейшую и сложную роль. Так, специалист, помогая клиенту адаптироваться в социальном пространстве, «одновременно выполняет общественную задачу сохранения равновесия в обществе, в то же время работает в тех рамках, которые ему задает государство» [16, с. 364]. В том числе в финансовом плане. Так, в 2017 году общественным организациям г. Санкт-Петербурга были предоставлены государственные субсидии в объеме 10 623,96 тыс. руб. на реализацию общественно полезных программ: «Срочная социальная помощь бездомным гражданам в рамках программ «Пункты обогрева», «Ночной автобус», «Благотворительная столовая», «Медико-социальная поддержка бездомных граждан пожилого возраста и инвалидов», «Социальная адаптация бездомных», «Транзит» [17].

Вместе с тем существует мнение, например, экспертов «благотворительного центра Weingart» которые полагают, что разовая помощь или материальная поддержка бездомным лишь вредит. Люди получают деньги, пропивают их или тратят на еду, а их положение не меняется. Желания что-то менять в своей жизни у них нет» [9]. С этим мнением согласны и российские волонтеры, которые считают, что милостыня на улицах — это впустую потраченные деньги. Хотя, в том числе, следует отметить, что голодный человек представляет существенный риск для общества, и на этом этапе вряд ли без широко доступных благотворительных столовых можно осуществлять какую-то более долгосрочную работу.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что социально-адаптивное пространство для бездомных определяется как:

— демократическая или правовая система, обеспечивающая гражданскую интеграцию бездомных граждан;

— рынок труда, обеспечивающий экономическую интеграцию в обществе;

- система социального обеспечения, обеспечивающая социальную интеграцию;
- семья и сообщества, которые обеспечивают межличностную интеграцию.

С учетом того, что Указ Президента РФ № 1815 был отменен в 2004 году [2], назрела ситуация, когда необходимо законодательно признать существование в стране сотен тысяч граждан, не имеющих жилья и лишенных, в связи с отсутствием регистрации, возможности реализовать основные права на трудовую деятельность и дифференцировать категории «бездомные граждане» — «лица без определенного места жительства и занятий» — «бездомные граждане».

Согласимся с предложением [10], что в целях повышения эффективности социального обслуживания, профилактики бездомности необходимо проведение ряда мероприятий таких, как организация сотрудничества со СМИ, распространение информации о доступности мест в ночлежках, развитие системы социального патронажа неблагополучных семей, бесплатных юридических консультаций, осуществление юридического сопровождения граждан без регистрации по месту жительства, информирование групп риска о последствиях утраты регистрации, а также о том, как можно получить регистрацию.

Вывод: в системе социального обслуживания бездомных, на наш взгляд, должны разрабатываться индивидуальные программы с учетом стажа «уличной жизни» бездомного и содержать комплекс социализирующих мероприятий, после которого бездомные смогли бы получить жилье и найти работу. При этом предоставление субсидий некоммерческим организациям позволит создать низкопороговые службы при предоставлении услуг, где бездомные могли бы удовлетворить элементарные потребности в пище, одежде, ночлеге и т. д.

Необходимо усовершенствовать систему регистрационного учета граждан по месту жительства и по месту пребывания, скоординировать действия организаций, ведущих учет количества бездомных, при этом социальные работники должны оказать помощь в форме проведения информационной части этой деятельности: информирование бездомных и населения через СМИ, посредством осуществления рейсов, распространения листовок, буклетов и т. д.

Диверсификация работы по профилактике бездомности и ресоциализации бездомных невозможна без соответствующего кадрового, материально-технического, научного и финансово-

го обеспечения. Таким образом, на наш взгляд, модель реабилитации бездомных в социально-адаптивном пространстве можно представить по следующим направлениям:

— социальное (предоставление продуктовой, вещевой помощи, ночлега, проведение информирования, социальных консультаций и др.);

— социально-трудовое (консультирование по вопросам труда, занятости и профориентации);

— социально-реабилитационное (патронаж, восстановление семейных связей, документов, трудовой занятости и др.);

— социально-информационное (работа в контакте со СМИ, распространение листовок, буклетов и др.);

— социально-психологическое (психологическое консультирование и коррекция, помощь в социально-психологической адаптации);

— социально-правовое (нормативно-правовое сопровождение бездомных, предоставление информации об их правах и обязанностях и др.);

— социально-медицинское (оказание доврачебной медицинской помощи, контроль за соблюдением норм индивидуальной гигиены, направление в специализированные медицинские учреждения) и др.

Библиографический список

1. Указ Президента от 2 ноября 1993 г. № 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества». Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1993, № 45, ст. 4327.
2. Указ Президента Российской Федерации от 6 февраля 2004 г. № 151 «О признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. N 1815 «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества». Российская газета — Федеральный выпуск № 3401 (0) 10 февраля 2004 г.
3. Антонова Н.С. К характеристике причин бездомности в современной России. / Актуальные проблемы теории и технологии социальной работы. // Вестник Бурятского Государственного Университета, 2009. № 5. С. 220–224.
4. Бахматова Т.Г., Чусова Ю.А. Социальная эксклюзия сирот на региональном рынке труда: опыт Иркутской области // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 40–45.
5. Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения: Вестник Межрегиональной Сети «За преодоление социальной исключенности»: Вып. 1. Сборник / Сост. А. Варсопки, Е. Ринн. СПб. 2007.

6. *Бурдые, Пьер* Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
7. Вот какие мы — россияне. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Российская газета — 22.11.2011. Федеральный выпуск № 5660 (284)
8. *Дадаева Т.М., Спиридонова К.М.* На обочине жизни: феномен маргинала в городской среде // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 118–123.
9. *Ерохина В., Тараханова О.* «Нужно ли подавать бездомным?» от 09.06.2015 // Официальный сайт журнала «Большой город» URL: http://bg.ru/society/nuzhno_li_pomogat_dengami_bezdomnym-22837 (дата обращения 25.05.2016).
10. *Коваленко Е., Строкова Е.* «Бездомность: «Есть ли выход?». Фонд «Институт экономики города», Москва, 2010. — 128 с.
11. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2009. — № 4. Ст. 445.
12. «Ночлежка» сайт благотворительной организации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://homeless.ru/> (дата обращения: 28.12.2018).
13. Отчет о результатах работы Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Центр учета и социального обслуживания граждан Российской Федерации без определенного места жительства» за 2017 год // Данные предоставлены директором СПб ГКУ «Центр учета» Доржиевой Б.Б.
14. *Ромм М.В.* Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2002. — 275 с.
15. *Соколова В.Ф.* Концептуальные подходы к социальной работе с лицами категории божж / В.Ф. Соколова, М.А. Мирюкова // Интеграция науки и практики как механизм эффективного развития современного общества: материалы XIV международной научно-практической конференции, 25–26 декабря 2014 г. — Москва, 2014. — С. 194–198.
16. *Трохирова У.В., Зимина Е.В.* Профессионализация социальной работы в регионе: проблемы и перспективы (на примере Иркутской области) // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 45–52.
17. *Халилова Р.Р.* Роль личности социального работника в эффективном взаимодействии с клиентом // Специфика профессиональной деятельности социальных работников. Сб. труд. конференции. Н. Новгород, 2015. С. 362–366.
18. *Шляков А.В.* Бродяжничество как социальное явление // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 124–135.
19. *Юликова Е.П., Скляр В.Ф.* Социальная защита божжей // Факты, комментарии, заметки. Социология. — М., 1994. — № 17.

Кареева С.Г.,
Некрасов С.В.,
Пинчук А.Н.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ

GREAT BRITAIN: THE EXPERIENCE IN FIGHTING CORRUPTION
AT THE LEGISLATIVE LEVEL

Кареева Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия), e-mail: Svetlran@mail.ru

Некрасов Сергей Владимирович, научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия), e-mail: sv_79@inbox.ru

Пинчук Антонина Николаевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия), e-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Institute for Social and Political Research, Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: Svetlran@mail.ru

Sergey V. Nekrassov, Researcher of the Institute for Social and Political Research, Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: sv_79@inbox.ru

Antonina N. Pinchuk, Candidate of Sociological Sciences, Researcher of the Institute for Social and Political Research, Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена законодательному опыту борьбы с коррупцией в Великобритании. Авторами рассматривается современный транснациональный контекст развития феномена, детерминированный процессами развивающейся экономической глобализации, а также спецификой современной социальной реальности, в рамках которой особую актуальность приобретает изучение и применение зарубежного правового опыта противодействия коррупции и Великобритании, как страны антикоррупционного «флагмана», в частности. Подробно изложены достижения программного подхода и Британские законодательные акты, регулирующие антикоррупционную политику в сфере взяточничества: Закон «О коррупционных практиках в государственных органах 1889 г.», Закон «О предупреждении коррупции 1906 и 1916 гг.», «Закон о народном представительстве 1983 г.», Закон «О взяточничестве 2010 г.», обеспечивающие эффективное совмещение правового и социально-психологического уровней предотвращения коррупции.

Abstract. This article is devoted to the legislative experience against corruption in Great Britain. The authors consider the modern transnational context of developing this phenomenon determined by the processes

of a developing economic globalization and by the specificity of social reality as well, within which a special topicality is given to develop and use a foreign legal experience in fighting corruption and the experience of Great Britain as the country of an anticorruption «standard-bearer» particularly. The article presents the achievements in a program approach and the British legislative instruments, which regulate the anti-corruption policy on bribery: Public Bodies Corrupt Practices Act 1889, Prevention of Corruption Act 1906, 1916, Presentation of the People Act 1983, The Bribery Act 2010 that provide a better reconciliation between the legal and socio-psychological levels against corruption.

Ключевые слова: коррупция, феномен, глобализация, современная социальная реальность, транснациональный уровень, законодательный уровень, закон, международный опыт, Великобритания, меры, превентивный.

Key words: corruption, phenomenon, globalization, modern social reality, transnational level, legislative level, act, international experience, Great Britain, measures, preventive.

Современный контекст развития коррупции. Социальная реальность начала третьего тысячелетия характеризуется процессами активно развивающейся экономической глобализации, ведущей к формированию взаимозависимого всемирного рынка, стимулирующего многоуровневые социетальные интеграционные процессы. В рамках существенного возрастания политического, экономического, культурного взаимодействия между странами, коррупция [3, с. 60] приобретает формат международного явления. Ни одно национальное государство не существует в вакууме, оно априори включено в глобальную мировую систему социально-экономических и социально-политических отношений. Речь идет о том, что любой разновидности коррупции, включая внутригосударственный уровень, присущ международный характер «...никакая страна не в состоянии отгородиться от воздействия коррупции, имеющей место за ее пределами» [11, с. 85–90].

В этом контексте глоболизирующийся мир, активное становление внешних социально-политических, социально-экономических, культурных связей, а также развитие соответствующих международных институтов послужили основой для возникновения новых форм и разновидностей коррупции. В соответствии с этим целесообразно констатировать тот факт, что коррупция, будучи социальным феноменом, находится в стадии активного «эволюционного развития», приобретая транснациональные, по сути, выходящие за пределы нации, страны, на международный уровень качественные характеристики, где технический прогресс и глобализация открывают дополнительные широкие возможности для осуществления преступной деятельности.

Как следствие, разрушительные социально-экономические экстерналии коррупции для России усиливают необходимость ее эффективного правового регулирования на глобальном и локальном государственных уровнях. Для предупреждения возникновения коррупционных отношений и во избежание угрозы национальной безопасности страны [5, с. 35–43, 4, с. 31–40] требуется принятие комплекса мер как правовых, так и административных, включая уже имеющийся опыт зарубежных стран «...коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней» [6].

Современный формат феномена, преодолевающий любые границы государств и имеющий как сходную внутреннюю структуру, так и схожие схемы осуществления ставит общие задачи для решения перед законодательными системами всех государств. Выход на законодательный уровень обусловлен включением в антикоррупционную практику эффективной системы инструментальных мер. Речь идет о законах, подзаконных, нормативно-правовых актах, которые на практике позволяют перейти через правовое поле к конструированию желательной для общества и человека социальной реальности с пресечением коррупциогенного «онтогенеза».

В данном контексте особую актуальность приобретает изучение и применение зарубежного опыта, что, на наш взгляд, позволит России более эффективно и комплексно проводить антикоррупционную политику в ключевых социетальных сферах жизнедеятельности общества, с использованием положительно зарекомендовавших себя практик. «...Суть такой политики заключается в разработке и осуществлении разносторонних и последовательных мер по устранению причин и условий, порождающих и стимулирующих коррупцию в различных сферах жизни, а также мер по привлечению коррупционеров к гражданско-правовой и уголовной ответственности» [1]. В данном контексте интегративная экономическая глобализация и актуализация новых международных форм коррупции закономерно ведет к объединению усилий стран в рамках «правовой глобализации» и акцентирует аспект введения в практику антикоррупционной борьбы в России эффективных и проверенных временем законодательных инициатив. Вполне вероятно, что «правовая глобализация», детерминируемая спецификой современной социальной реальности, станет основой ряда интеграционных процессов, отражающихся во всех отраслях пра-

ва, сущностью которого станет «...установление единых правовых норм и стандартов правоприменения, а также создание наднациональных правоохранительных структур экстерриториальной юрисдикции» [10, с. 160].

Опыт правового регулирования коррупции в Великобритании: ключевые законодательные акты. Актуальным и интересным для изучения и практического использования представляется законодательный опыт в построении антикоррупционной политики тех стран, которые «...по своим количественным и качественным характеристикам аппарата государственных служащих, а также по своим управленческим традициям и культурным особенностям близок России» [1, с. 27]. К числу таких стран можно отнести Великобританию, Германию, Францию, США и ряд других государств.

В рамках традиционных правовых систем с эффективным локальным опытом борьбы с коррупцией на законодательном уровне наиболее интересен опыт Великобритании, характеризующийся системным подходом, включающим государственный и международный регулятивные уровни.

Английское законодательство достаточно консервативно и емко по количеству продуцируемых в сфере противодействия коррупции нормативно-правовых актов. Оно базируется на трех основных нормах, к ним относятся: Закон «О коррупционных практиках в государственных органах 1889 г.» (Public Bodies Corrupt Practices Act 1889), Закон «О предупреждении коррупции 1906 и 1916 гг.» (Prevention of Corruption Act 1906, 1916) и Закон «О народном представительстве 1983 г.» (Presentation of the People Act 1983).

Целесообразно рассмотреть обозначенные законы в контексте их хронологии, эволюции детерминированных ими антикоррупционных практик, действующих институтов и акторов, частично системы наказания.

Особое внимание в законодательстве Великобритании в рамках борьбы с коррупцией отведено противодействию взяточничеству, как наиболее опасному преступному деянию. На протяжении всего временного континуума законодательное понимание взяточничества в английском своде законов эволюционирует, углубляется, «обрастает» правовыми уточняющими нюансами, включающими локальный и глобальный государственный и международный уровни, а также степень усугубляющейся ответственности взяточника перед законом. Согласно обозначенным нормативно-правовым актам, категория «взяточничество» отражает процедуру дачи взятки с целью «... склонить должностное лицо действовать вопреки своим служебным обязанностями или выразить благосклонность,

либо удержаться от выражения благосклонности при исполнении этих обязанностей, а должностное лицо принимает с этой целью взятку» [10]. Данный вид преступной деятельности напрямую соотносится с определенной сферой деятельности, речь идет о системе государственной службы.

В Законах 1889–1916 г. понимание взяточничества полностью увязывается с ответственностью государственных служащих. Преступлением считаются действия физических или юридических лиц, которые совместно «с другим лицом с целью подкупа вымогают или получают, либо соглашаются получить для себя или другого лица подарок, ссуду, гонорар, вознаграждение или преимущество как средство побуждения государственного служащего сделать что-либо или воздержаться от действия в отношении какого-либо вопроса и сделки реальных или предполагаемых, относящихся к компетенции государственного учреждения» [10]. По английскому законодательству лицо, которое получает подарок, участвует в коррупционной сделке и подлежит наказанию, так же, как и лицо, дающее взятку. Таким образом, в систему наказания включается не только сам взяткополучатель, но и иницирующий коррупционный процесс взяткодатель, а также не имеет никакого значения, были ли у потенциального взяткополучателя намерения выполнить условия этой сделки. Данный подход позволяет осуществить выход на превентивный локальный межличностный социально-психологический уровень предотвращения цепочки коррупционных действий на начальном этапе.

В Законе «О народном представительстве» изданном в 1983 г. система контроля и наказаний распространяется на глобальный уровень института власти, где рассматриваются положения об уголовной ответственности за взяточничество при проведении выборов в парламент или в местные органы власти. «...Преступлением считается прямая или косвенная дача взятки в денежной форме избирателю с целью получения какой-либо должности. Конечная цель взяткодателя заключается в том, чтобы избиратель отдал свой голос или воздержался от голосования в пользу взяткодателя или другого лица» [10].

В 2010 г. на смену двум первым законам, упомянутым выше, приходит совершенно новый профильный по своему содержанию Закон «О взяточничестве 2010 г.» (The Bribery Act 2010), выводящий на новый системный уровень понимания классификацию как самого преступления, так и наказания за содеянное. Закон был принят Парламентом Англии после долгих прений и вступил в силу

только 1 июля 2011 года. По своей сути, он меняет устаревшее английское законодательство и выходит на международный уровень контроля не только чиновников, но деятельности бизнес структур Великобритании. Закон начинает включать в себя экстерриториальный ареал действия, распространяемый на организации, которые «ведут бизнес или имеют часть своего бизнеса на территории Великобритании, при этом не имеет значения, где совершались коррупционные действия» [8, с. 27]. В рамках системной атрибуции взяточничества в правовом поле закон обладает четкими структурными характеристиками данного вида преступления и инновационными решениями по их искоренению.

Формальные характеристики закона таковы, что первые пять разделов трактуют общие параметры и характеристики «морфологии» преступления. Толкование осуществляется в контексте как общественного, так и частного секторов экономики, а также деятельности, осуществляемой за пределами Великобритании и подчас не связанной с ней.

По сути, содержательно закон выходит на социально-психологический уровень борьбы с коррупцией и требует системной работы с лицами, наделенными властными полномочиями, для того, чтобы те осуществляли их добросовестно и беспристрастно, в соответствии с рабочим уставом «...ненадлежащим является такое осуществление функций, когда нарушается ожидание добросовестности или беспристрастности или когда функция осуществляется не так, как это ожидается от лица, выполняющего определенные должностные обязанности» [7, с. 101]. Интересным в социально-психологическом контексте является раздел 5, устанавливающий в качестве стандарта этого ожидания перечень фактологических подтверждений, что собственно любой человек в Великобритании вправе ожидать от лица, исполняющего данные должностные обязанности. Если нарушение происходит за пределами британской юрисдикции местные практики или обычаи не принимаются во внимание за исключением тех случаев, когда они являются частью «писаного права» [7, с. 101].

Выход на уровень «глобализирующегося права» Великобританией осуществляется в части сопряжения усилий в борьбе с коррупцией на международном уровне и отмечен особым разделом закона, в соответствии с Конвенцией против взяточничества ОЭСР о подкупе иностранных государственных служащих. В отличие от общих преступлений, связанных с взяточничеством, в этой правовой норме нет необходимости доказывать ненадлежащее исполнение чиновником своих обязанностей и преступником счита-

ется именно взяткодатель, а не чиновник, получивший или согласившийся получить взятку.

Инновационным и превентивным в плане антикоррупционного законодательства является раздел 7, криминализирующий неприятие организациями мер по предупреждению взяточничества. Это относится к любым коммерческим организациям, осуществляющим свою деятельность в Великобритании. Организация признается виновной также в том случае, если уличенным во взяточничестве оказывается ее филиал, сотрудник, агент или другое лицо, ассоциированное с этой организацией, причем независимо от его местоположения. Как отмечается, санкциям в соответствии с законом может быть подвергнута, например, немецкая компания, имеющая розничные торговые точки в Великобритании, и которая платит взятки в Испании. Но закон освобождает от ответственности организацию, которая сможет доказать тот факт, что несмотря на имевший место случай взяточничества она располагает процедурами предотвращения подобных случаев [7, с. 100–101].

Предусмотренные законом санкции распространяются на все преступления, совершенные в Великобритании или за ее пределами. Однако в последнем случае преследованию подвергаются лишь лица или организации, «тесно связанные» с Великобританией, т. е. ее граждане, резиденты или лица, пользующиеся ее защитой, а также зарегистрированные в ней компании.

В руководстве по применению данного Закона «О взяточничестве», выпущенном Министерством юстиции Великобритании, сформулированы шесть системных ключевых принципов, которыми должны руководствоваться организации в целях предупреждения взяточничества. К ним относятся [15]:

1. *Надлежащие процедуры предупреждения риска взяточничества:*

— контроль над подарками, представительскими расходами, благотворительными и политическими взносами, требованиями «облегчающих» платежей;

— контроль за постоянной и временной занятостью, включая условия найма, дисциплинарные взыскания и вознаграждение;

— контроль деловых отношений со всеми ассоциированными лицами, включая предконтрактные и постконтрактные соглашения;

— финансовый контроль, включая надлежащую бухгалтерскую отчетность, аудит и одобрение расходов;

— прозрачность транзакций и раскрытие информации;

- контроль над принятием организационных решений (передача полномочий, разделение функций и предупреждение конфликта интересов);

- принятие подробных дисциплинарных регламентов и введение санкций за нарушение антикоррупционных правил;

- введение процедур информирования о рисках и случаях взяточничества;

- принятие подробного плана введения антикоррупционных процедур;

- обнародование политики и процедур организации в области взяточничества и соответствующее инструктирование персонала (принцип 5);

- мониторинг и оценка процедур предупреждения взяточничества (принцип 6).

2. Приверженность высшего руководства борьбе с взяточничеством:

- внутреннее и внешнее обнародование позиции организации в отношении взяточничества;

- участие высшего руководства в борьбе со взяточничеством: отбор и инструктаж высшего звена руководителей, «кодекс поведения», контакты с внешними организациями и СМИ для отражения позиции организации, оценка рисков коррупции, общий надзор за соблюдением антикоррупционных процедур.

3. Оценка риска коррупции:

- надзор высшего руководства за оценкой риска;

- наличие необходимых ресурсов оценки рисков в зависимости от размера организации;

- определение внешних и внутренних источников информации;

- четкое документирование оценки рисков и заключений.

- Руководство также выделяет различные типы внешних и внутренних рисков. *К внешним рискам относятся:*

- риск страны (связанный с особенностями ведения дел в той или иной стране);

- риск отрасли (связанный с особенностями ведения дел в той или иной отрасли);

- транзакционные риски (к рискованным транзакциям относятся, например, благотворительные взносы или политическое финансирование, получение лицензий и разрешений, а также транзакции, связанные с госзакупками);

- проектные риски (возникают обычно в проектах с высокой или заниженной стоимостью, включающих много подрядчиков или посредников, не имеющих обоснованных целей);

— риски партнерства (транзакции через посредников с иностранными госслужащими, деловые отношения с известными политиками).

К внутренним рискам руководство относит:

- недостаточное инструктирование персонала;
- культуру премий, ориентирующую на чрезмерный риск;
- отсутствие четкости в процедурах представительских расходов, благотворительных и политических взносов;
- отсутствие надлежащего финансового контроля;
- отсутствие четких антикоррупционных сигналов от высшего руководства.

4. *Должная осмотрительность.* Целью данного принципа является побуждение коммерческой организацией применять необходимые меры для предупреждения случаев взяточничества со стороны ассоциированных с ними лиц от их имени.

5. *Коммуникация и инструктаж.* Внутренняя коммуникация предполагает обнародование руководством организации политики в области взяточничества и процедур по его предупреждению. Важной частью внутренней коммуникации является также установление надежных, конфиденциальных и доступных средств информирования о рисках и случаях взяточничества.

Внешняя коммуникация предполагает обнародование «кода поведения» компании с целью предупреждения случаев взяточничества со стороны внешних агентов.

Инструктаж должен предполагать информирование об угрозах взяточничества вообще и в конкретной отрасли, а также о способах противостояния им. Возможно разделение инструктажа на общий и специальный, из которых первый обязателен для всех новых сотрудников или агентов, а второй — только для занимающих определенные должности. Возможно также введение добровольного инструктажа для ассоциированных лиц.

6. *Мониторинг и оценка.* Необходимость постоянных мониторинга и оценки коммерческой организацией своих антикоррупционных процедур обусловлена изменением характера деятельности компании и природы рисков. Кроме того, эти процессы могут отражать реакцию организации на действие других факторов, например, политические изменения в странах, где компания оперирует, или негативные оценки в СМИ.

Помимо внутренних источников информации, которая может иметь форму периодических докладов высшему руководству, организация может также использовать информацию контролирующих или регулирующих органов. Кроме того, с целью получения

независимой оценки эффективности антикоррупционных процедур коммерческие организации могут проходить специальную сертификацию, осуществляемую отраслевыми ассоциациями или многосторонними органами.

Таким образом, новый действующий закон (The Bribery Act 2010), о котором идет речь может обеспечить Великобритании один из самых строгих в мире режимов, при котором именно компании будут нести ответственность за совершение взяточничества в государственном и частном секторе их работниками и агентами. Данной нормой также предусмотрены соответствующие меры ответственности за его нарушения. К ним можно отнести «лишение свободы на срок до десяти лет для физических лиц, крупные штрафы, размер которых не ограничен законом и которые могут применяться как к физическим, так и юридическим лицам, конфискация незаконно полученной прибыли, компания может быть исключена из списка поставщиков государственных органов, у компании возникнут серьезные репутационные риски, которые могут оказать влияние на рыночную стоимость компании» [8, с. 28].

Опыт программного подхода Великобритании к борьбе с коррупцией. В рамках противодействия коррупции в Британии также действует «Программа по утверждению принципов честности и неподкупности во всех сферах жизнедеятельности общества, включая государственную службу» [2]. В рамках которой было инициировано создание «Комитета по стандартам в общественной жизни 1994 г.» (Committee on Standards in Public Life 1994).

В функциональные обязанности Комитета входит: рассмотрение текущих проблем, связанных с нормами поведения всех государственных должностных лиц, в том числе соглашения, относящиеся к финансовой и коммерческой деятельности; выработка рекомендаций в отношении любых изменений в действующие соглашения для обеспечения высоких норм порядочности в общественной жизни; рассмотрение вопросов, касающихся финансирования политических партий и выработка рекомендаций в отношении любых изменений в действующие соглашения» [14].

На основании практической деятельности, Комитетом также были разработаны семь главных принципов, которые стали теоретико-практическим фундаментом «Кодекса поведения государственных служащих — чиновников». К указанным принципам можно отнести:

1. *Преданность.* Государственные должностные лица должны действовать исключительно в интересах общества.

2. *Принципиальность.* Государственные должностные лица не должны быть обязаны сторонним лицам или организациям,

которые могут пытаться повлиять на выполнение ими своих служебных обязанностей, не должны действовать или принимать решения с целью получения финансовой или материальной выгоды для себя, своей семьи и друзей.

3. *Объективность.* Государственные должностные лица должны действовать и принимать решения беспристрастно, справедливо и по существу с применением правдивых доказательств, без дискриминации или предвзятости.

4. *Подотчетность.* Государственные должностные лица подотчетны общественности за принятые ими решения и действия и должны проходить необходимую проверку соответствия занимаемой должности.

5. *Открытость.* Государственные должностные лица должны действовать и принимать решения открыто и гласно. Информация не должна быть скрыта от общественности, если для этого нет четких и законных оснований.

6. *Честность.* Государственные должностные лица должны проявлять честность при исполнении своих служебных обязанностей.

7. *Лидерство.* Государственные должностные лица должны придерживаться этих принципов в своих решениях и действиях. Они должны активно пропагандировать принципы и твердо их поддерживать, а также быть готовыми противостоять любому недисциплинарному поведению, где бы оно не происходило [15].

Следует отметить, что на практике, по результатам внедрения, «Кодекс поведения государственных служащих — чиновников» полностью оправдал себя и сыграл огромную роль сдерживающего фактора в предотвращении коррупционных преступлений в Великобритании.

Заключение. Таким образом, можно отметить, что законодательное регулирование коррупции в Великобритании нацелено на кооперацию правового и социально-психологического уровней предотвращения преступных деяний, поскольку компаниям для демонстрации своей приверженности противоправной деятельности следует внедрять адекватную современным реалиям корпоративную политику как в контексте межличностных отношений, так и подарков, представительских расходов, основных платежей и т.д. Также Британское законодательство логически выводит государственные и коммерческие организации на персональный уровень работы со служащими в части письменных разъяснительных процедур в отношении подарков, приемов, платежей и расходов, которые не должны выходить за рамки организационной по-

литики. Все действия, связанные с расходами и принятиями подношений, должны соответствовать здравому смыслу, разумности и разрешенным законом страны параметрам. Все расходы, как организации, так и физических лиц, действующих в рамках представительской деятельности, должны быть письменно зафиксированы. Особое внимание справедливо уделено независимой проверки деятельности сотрудников, структурных подразделений, филиалов и внедрению системы финансового контроля, а также проведению, в случае необходимости, внутренних расследований. Речь идет о важнейшем факторе противодействия коррупции — наличие в компании эффективной системы внутреннего контроля, аудита и несение ответственности организациями за непринятие мер по предупреждению взяточничества.

Целесообразно учитывать и тот факт, что вследствие сложности современной модификации феномена коррупции, особенно на транснациональном уровне, для борьбы с ней в дальнейшем потребуются многоплановый комплекс правовых, экономических, административных мер. Противодействие коррупции будет принимать самые разные формы и Великобритания как «флагман», является страной, успешно поддерживающей антикоррупционный уровень и имеющей опыт эффективного законодательного преодоления коррупции.

На перспективу для всех стран, встанет вопрос отказа от узких рамок решения отдельных проблемных аспектов коррупции и формирования глобальной антикоррупционной стратегии на международно-правовом уровне, позволяющей не только выйти на иное качество прозрачности осуществления государственной службы и ведения бизнеса, но и на иной масштаб превентивности, основанной на международной консолидации стран, ключевых социальных институтов, акторов, заинтересованных в искоренении коррупции.

Примечание. В рамках корректного оперирования термином целесообразно использовать авторское определение коррупции, под которой далее будем подразумевать «...социальные действия субъектов, взаимодействующих в контексте незаконных латентных отношений, направленных на нелегитимное использование формально-делегированных полномочий, прав и ресурсов должностного положения в личных или групповых целях на основе взаимовыгодных или выгодных для одной из сторон условий».

Библиографический список

1. *Аринин А.* Коррупция — это болезнь общества // Стратегия России. 2005. № 1. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1106733804&archive=1106734997&start_from=&ucat=14&.
2. *Бочарников И.В.* Зарубежный опыт борьбы с коррупцией // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. URL: <http://nic-pnb.ru/articles/zarubezhnyj-opyt-protivodejstviya-korruptcii/>.
3. *Каропова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н.* К интерпретации понятия «коррупция»: социетальные и социально-психологические аспекты // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 60.
4. *Каропова С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В.* Исторический и современный контекст становления концепта национальной безопасности страны как отражение динамики социальной реальности России: актуальное направление развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 31–40.
5. *Каропова С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В.* Национальная безопасность: тенденции, перспективы, научно-практическая основа для укрепления — система показателей и индикаторов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 35–43.
6. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принятая в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/8dd76fa744c4a215c388d6a7b97017be1e8fe80d/ (дата обращения: 15.05.2019).
7. Коррупция: социально-психологическое измерение. М.: ИСПИ РАН, 2015. 230 с.
8. *Крестьянская Е.А.* Организация борьбы с коррупцией в зарубежных странах. Опыт США и Великобритании // Право и управление. XXI век. 2013. № 3. С. 24–31.
9. *Кули-заде Т.А.* Правовая глобализация: понятие и содержание // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1 (67). Часть 2. С. 160.
10. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. — М.: Юрид. лит., 1994. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=908>.
11. Пять снарядов вице-президента Гора. (О борьбе с коррупцией) // Чистые руки: Будущее без коррупции. М.: Изд. Клуба юристов, 1999. № 3. С. 85–90
12. *Шишкарёв С.Н.* Законодательное обеспечение борьбы с коррупцией. Международный и российский опыт: Монография / С.Н. Шишкарёв. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. С. 27.
13. Committee on Standards in Public Life: Terms of references. URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/the-committee-on-standards-in-public-life/about/terms-of-reference>.
14. Committee on Standards in Public Life: The 7 principles of public. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-7-principles-of-public-life/the-7-principles-of-public-life--2>.
15. Ministry of Justice. The Bribery Act 2010 Guidance (Section 9 of the Bribery Act). URL: www.justice.gov.uk/guidance/bribery.htm.

Каримова А. Б.

СТРАТАГЕМА ЛОМОНОСОВА: АРКТИКА В ДВИЖЕНИИ К ГЛОБАЛЬНОЙ АРЕНЕ

STRATAGEM OF LOMONOSOV: THE ARCTIC MOVING
TOWARDS THE GLOBAL ARENA

Каримова Алла Бекмухамедовна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия), e-mail: albecar@yandex.ru

Alla B. Karimova, Doctor of Political Sciences, Prof., Principal Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Prof. of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation), e-mail: albecar@yandex.ru

Аннотация. В глобально-региональной конструкции международных отношений Арктика выступает фактором влияний на будущее мировой политической архитектуры и экономики. Опираясь на исторический опыт, раскрывая потенциал пространственного преимущества арктической державы, Россия осуществляет стратегию освоения Арктики, придавая все большее значение социальному фактору. В представленной статье акцентируется необходимость ориентации на человеческое измерение. Предложен подход для разработки модели управления, включающей в себя всю совокупность жизненных процессов в Российской Арктике с учетом тенденции трансрегионализации Арктического региона. Проанализированы новые явления в Арктическом регионе, вызванные системной сменой модели проецирования компонентов реальной силы моделью распределения компонентов технологической силы. Доказательством этому служит событийная повестка Российской Арктики, кульминацией которой является ввод в круглогодичное действие Северного морского пути — трансрегионального проекта, замысел которого родился 250 лет назад. Для определения модельной специфики жизненных процессов автор рассматривает базовые среды — природную (изменение климата), цивилизационную (расширяющаяся урбанизация и миграция), а также международную (влияние кооперации и переход к новой модели безопасности).

Abstract. In the global-regional structure of international relations, the Arctic acts as a factor of influence on the future of world political architecture and economy. Drawing on historical experience, revealing the potential of the territorial advantage of the Arctic power, Russia is implementing a strategy for the development of the Arctic, giving ever more importance to the social factor. The presented article emphasizes the need to focus on the human dimension. An approach is proposed for the development of a management model that includes the entire set of life processes in the Russian Arctic, taking into account the trend of the transregionalization of the

Arctic region. New phenomena in the Arctic region caused by a systematic change in the model of the projection of the components of real force by the model of the distribution of the components of the technological force are analyzed. This is evidenced by the event agenda of the Russian Arctic, culminating in the introduction to the year-round operation of the Northern Sea Route, a transregional project, the concept of which was born 250 years ago. To determine the model specificity of life processes, the author considers basic environments — natural (climate change), civilizational (expanding urbanization and migration), as well as international (the impact of cooperation and the transition to a new security model).

Ключевые слова: Арктический регион, человеческое измерение, глобальное потепление, изменение климата, природная среда, цивилизационная среда, социальная среда, международная среда, циркумполярная цивилизация, стратегема Ломоносова.

Key words: Arctic region, human dimension, global warming, climate change, natural environment, civilizational environment, social environment, international environment, circumpolar civilization, stratagem of Lomonosov.

Введение. В глобальной и региональной конструкциях международных отношений Арктика обозначилась как фактор влияний на будущее мировой политической архитектуры и экономики. В этой связи явственнее обозначился контур общего видения развития, вскрылись старые и наметились новые точки разногласий между циркумполярными государствами, международными институтами и внешними относительно региона акторами.

Вместе с тем созрела новая тенденция: Арктический регион стал частью социального мира, в котором меняются условия жизни, происходят трансформации, открывающие его для осуществления хозяйственно-рыночной деятельности, организации жизненных процессов в условиях высокого холода. Для определения специфики выделенный фактор проанализирован в контексте глобальных трансформаций, вызвавших расширение урбанизации и международной миграции, рост влияния экологической составляющей международной кооперации. Предположения о том, что изменения арктического климата скорректируют геополитические стратегии, были выдвинуты в начале XXI в. Однако исход геополитического перехода пока неясен. Вместе с тем открытие новых судоходных маршрутов указывают на увеличение военно-стратегического значения региона.

Данный подход обусловил структурное распределение наблюдаемых *изменений* по трем средовым кластерам:

- природном (акцент на изменение климата);
- цивилизационном (выделяя особенности урбанизации и миграции);

— международном (влияние кооперации и переход к новой модели безопасности).

С позиций выделенных критериев изменения в Арктике сравнимы с явлениями этих рядов в других регионах мира, включая переход к цифровой экономике. Однако для Российской Арктики еще не разработан механизм управления изменениями, в котором в должной мере был бы предусмотрен характер модификаций в его важнейшем компоненте — человеческом измерении.

Обзор выступлений на VII Международном форуме «Арктика: настоящее и будущее» (Санкт-Петербург, 2017) показывает необходимость работы над формированием общего видения перехода в новое состояние на всех этапах территориальной власти и ячейках общества; на страновом, циркумполярном (цивилизационном) и международном уровнях.

В большинстве случаев прогнозные характеристики выявляются с помощью вычислительной техники или с учетом внедрения информационных технологий. Такие модели не пригодны для прогнозирования развития не только сырьевых секторов экономики (сельское хозяйство), но и социального сектора. Они эффективны для отраслей, критически зависимых от точных наук. В то же время эмпирические причины исключают социальные эксперименты и ограничивают применимость экономических моделей для измерения всего спектра изменений [8, с 354]. Западная эконометрия человеческого поведения в сложных системах развивается в виде 3D гипотез с проверкой через опросы или в общественных дискуссиях. Поэтому следует обратить внимание на архитектуру образа Арктики, сложившегося у коренного населения. Без закаченной в модель социальной информации, собранной из сообщений людей, ни одна конструкция не сможет решить задачу создания желаемого будущего. Модель без измеренных и понятых фактов жизни — является частной абстракцией ее исполнителя.

Природная среда: «друг ведет себя странно». Обилие экстремальных фактов изменений природной среды обобщены в генеративной гипотезе о глобальном потеплении¹. Зарубежные эксперты уверены, что быстрое и исключительное потепление Арктики является главным драйвером экономических, социальных преобразований [20]. По их мнению, освоение «Арктики может иметь глубокие последствия для энергетической безопасности, торговой политики, властных отношений и экологических проблем нескольких стран, внутри и за пределами самого региона» [18, р. 3].

¹ Арктика может лишиться морских льдов в летнее время к 2040 году / Сайт ТАСС. Доступ: <http://tass.ru/наука/3985150> (дата обращения 01.12.2017).

В отличие от западного дискурса в России сформулирован более широкий подход к оценке климатического феномена:

— «наблюдаемое потепление находится в пределах естественной изменчивости климата и не нуждается в отдельном объяснении;

— потепление является результатом выхода из холодного Малого ледникового периода;

— потепление наблюдается слишком непродолжительное время, поэтому нельзя достаточно уверенно сказать, происходит ли оно вообще» [11].

Вместе с этими обоснованными сомнениями в научной среде и СМИ постепенно актуализировался термин *изменение климата*, позволившего видеть включенность Арктики в планетарную сложность изменений, уточняя их региональный рельеф.

Для получения новых знаний исследователи все чаще обращаются к мифам, историческим сведениям и более ранним научным представлениям об Арктике. В прогнозных моделях российских климатологов на свет появилась Берингия [Каменев, 2011]. В миграционных исследованиях профессора Мерилендского университета (США) Т. Хеленайка [17, р. 393–493] фигурирует природная страна Фенноскандия².

К концу первого десятилетия нынешнего столетия американский исследователь арктической безопасности Б. Зеллен выдвинул гипотезу о геополитическом переходе к модели обеспечения экологической безопасности, который придется совершить ведущим арктическим державам в ближайшем будущем [22].

Природоохранный тренд обрел международно-правовой статус с началом экологической глобализации. Однако исход смены геополитической парадигмы пока неясен.

Словом, процесс идет, региональная среда меняется, неизменными остаются картинки расширяющихся трещин в арктических льдах, закрепившись в общественном сознании как негативный бренд Арктики. Германский исследователь глобализации У. Бек утверждает: «публично обсуждаемые опасности представляют собой «негативную валюту». Это деньги, которые никому не нужны,

² Фенноскандия (фин. Fennoskandia) — физико-географическая страна на северо-западе Европы общей площадью около 1,88 млн. км² (включая площадь моря; площадь суши — свыше 1,5 млн. км²). Выделена финским геологом Вильгельмом Рамзаем в 1898 году в составе Норвегии, Швеции, Финляндии и западной части бывших Олонекской и Архангельской губерний России. Названа по преобладающему на территории историческому расселению скандинавов и финно-угорских народов. Отделена от других физико-географических стран Европы Белым, Баренцевым, Норвежским, Северным и Балтийским морями. На территории России имеет сухопутную границу с Русской равниной. По версии В. Рамса, к российской Фенноскандии отнесены территории Карелии и Мурманской области, левобережье рек Онега и Кена в Архангельской области, северная часть Андомской возвышенности, правобережье рек Свирь и Нева в Ленинградской области, а также прилегающие к этим территориям моря. Общая площадь российской Фенноскандии составляет около 400 тыс. кв. км, население — около 4,5 млн. человек, включая правобережную часть Санкт-Петербурга.

но проникают повсюду, требуют к себе внимания, вводят в заблуждение, подрывают устои, ставят на голову то, что, казалось бы, прочно стояло на ногах». С политической точки зрения — способны породить «общую судьбу» [1, с. 74–75].

Предложенные отечественные и зарубежные геоматические модели до сих пор не могут выявить источник и цель происходящих трансформаций. Аборигены Арктики говорят: «оогинакту-ук» — «друг ведет себя странно», транслируя не только свои переживания, но и необходимость социального приспособления к меняющейся среде. Часть ученых задаются вопросом: как быть с Антарктидой, которая не становится теплее?

На этом фоне вполне допустимы как минимум две альтернативы:

— рассматривать феномен изменения климата как свидетельство «существования переломных моментов в истории органического мира» [6, с. 7].

— видеть в феномене потепления Арктики естественный процесс совершенствования природной среды.

Оба подхода нацеливают на проектирование жизненных процессов, извлечение из времени и пространства удачных практик адаптации к среде, стремление к исключению повторов негативного опыта, исправлению «безупречности» математических расчетов современными резонами природно-социальной сложности.

Практики приспособления к арктической природной среде богаты мудрыми подсказками. Например, прежде чем отправиться в опасное путешествие, русские первопроходцы жили в ярангах и чумах, перенимая у местных обитателей накопленный столетиями опыт передвижения, охоты, питания, постройки жилищ, приемы выживания и правила общения с животными³. М.В. Ломоносов находил «достаточное пространство» «к корабельному ходу севером в Японию и в Ост-Индию» в сказках «сибирских промышленников» и «бессловесных животных» [10, с. 478; 480–481]. Эти правила исследований арктической среды не потеряли своей актуальности и в эпоху беспилотников.

Исландский исследователь арктических процессов В. Ингимундарсон приводит примеры использования укоренившихся исторических мифов в целях «создания жизнеспособных политических интерпретаций в настоящем». Ссылаясь на официальных лиц, он отмечает готовность Исландии встроиться в изменившуюся модель «мировой торговли и связи Северной Атлантики с Тихим

³ Человек и холод: как выживают в вечной арктической войне / Сайт образовательного ресурса Arctica.info / URL: <http://arctica.info/stati/chelovek-i-xolod-kak-vyzhivayut-v-surovyix-usloviyax-krajnego-severa> (дата обращения 05.12.17).

океаном», в качестве трансарктического узла по приему, распределению и перегрузке [4], выявляя желание малых циркумполярных стран воспользоваться возникающими в климатических изменениях пространственными преимуществами.

Цивилизационная среда: метафоры и управление

Смыслом циркумполярной цивилизации было и остается создание социальной среды в условиях высокого холода.

Доказано, работа в Арктике увеличивает расход энергии в 1,5–2 раза; таяние льдов происходит в два раза быстрее, чем в других районах планеты. Экспериментальные данные специалистов Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе показывают двойное возрастание КПД солнечных электростанций, построенных на Севере. В этих условиях они не только более экологичны и рентабельны, чем любые другие, но и балансируют холод и тепло жизненных процессов. Есть другие примеры фактора удвоения энергетических обращений, требуя технологического решения схем удвоения выработки и расхода энергии. Поэтому внесение акцентов *холода* взамен превратившихся в штамп антропогенных нагрузок в повестку понимания Арктики представляются уместным. Для Природы, «предусмотревшей» Жизнь в Холоде, Человек не может быть нагрузкой.

В середине прошлого века теоретик цивилизации, германский социолог Н. Элиас пришел к выводу, что эталоны цивилизованного поведения «окончательно сформировались» уже к XIX в. Однако постиндустриальная экологическая экспертиза внесла средовые требования в цивилизационный кодекс поведения, акцентируя проблему интеллектуализации хозяйственного освоения, введения социального, культурного кластера в развитие территорий. И, прежде всего, в Арктике. Следовательно, проблемы холодной цивилизации могут быть разрешены институциональными решениями в форме «специфического порядка», наделенного «принудительной силой» [14, с. 336].

На международном форуме «Человек в Арктике» (2017) прозвучала такая метафора «самый базовый стандарт — научить компании жить на земле и делать ее родной»⁴. А кто будет учить? Компании заточены на рентабельность и получение прибыли от своей деятельности. В подавляющем большинстве их забота о социальной

⁴ Экологическая ответственность в Арктике: стандарты поведения и ведения бизнеса / Сайт Международного арктического форума «Арктика — территория диалога». Доступ: <http://forumarctica.ru/news-from/ekologicheskaya-otvetstvennost-v-arktike-standarty-povedeniya-i-vedeniya-biznesa> (дата обращения 08.01.2018).

среде выражается объемом социального пакета и измерительными приборами. Однако такой ресурс не покрывает всю сложность потребностей социума, погруженного в сложную и меняющуюся природную среду. Поэтому в сопряжении живого с неживым должны участвовать не только программисты, не только люди науки, но и представители гражданского сектора, обладающие практическими навыками, поколенческими и интуитивными (неопосредованными) знаниями о социальных процессах. Компаниям нужны люди, всматривающиеся в средовые изменения, подмечающие их социальную начинку. Только так промышленные производства могут получить «социальную лицензию» на свою деятельность.

В то же время метафорический термин может быть интерпретирован через множество переменных жизненных процессов, складываясь в модель опыта и компетенций, стать механизмом управления изменениями. И тогда появятся предложения не только по созданию главков, но и реальная деятельность по созданию относительно безопасной комфортизации социальной среды арктических территорий.

В циркумполярном регионе проживает около 4 млн чел., при этом население российской части полярных территорий («11 зон циркумполярного мира», 69% территории РФ [15, р. 86]) составляет 2,4 млн чел., большинство из которых — городские жители. Однако эта категория в последнее десятилетие дополнилась новой для российской части Арктического региона социально неоднородной группой жителей пригорода. В западном обществе этот феномен был выявлен в XX в. под названием «suburban reople», а субурбии — «буржуазным кошмаром» [16; 21]. По свидетельству исследователей, в настоящее время проживающих в «буржуазном кошмаре» американцев больше, чем жителей городов и деревенской местности вместе взятых. К сожалению, эти явления проникли и в российские арктические города.

Например, такая агломерация структурировалась из внутренних переселенцев бурятской глубинки. Не имея возможности купить жилье, они расселяются в домах, построенных собственными руками. Журналисты подметили: «...Улан-Удэ оброс гигантской субурбией, не подключенной к центральным сетям и отапливаемой преимущественно дровами и углем. Восемь месяцев в году над городом царит ни с чем не сравнимый стойкий аромат русской бани...» [7], запахи которой смешаны с дымом из промышленных труб.

Однако в арктических субурбиях находят пристанище не только внутренние переселенцы, но и выходцы из Молдовы, Украины, постсоветских республик Центральной Азии и др. Медийную из-

вестность получил «арктический маршрут», по которому граждане из Афганистана, Сирии, Ирака и Ирана перебирались из России в Норвегию⁵. Растет сообщество ближневосточных мигрантов в канадских арктических территориях⁶. Этот же процесс характеризует абсолютно все северные регионы Европы.

В то время как миграция между странами Северной Европы практически сошла на нет, увеличился поток переселенцев из Восточной Европы. Крупнейшим донором арктических территорий ЕС стала Польша [17, р. 399]. Как показал В.П. Семенов-Тянь-Шанский, восточноевропейское движение в Арктику является одной из закономерностей геополитических процессов овладения мировыми путями, один из которых начинается и заканчивается в Арктике. Дело в том, что циркулярный пояс суши держит в «постоянной и полной зависимости» все остальные массы земной суши [12, с. 169–171].

Человеческое измерение международной миграции [5] может многое сказать о влиянии глобальных трансформаций на развитие регионов Арктики. Появился новый тренд — правовое вытеснение с рабочих мест трудовых мигрантов, не проживающих в странах-участницах интеграционных формирований⁷. Именно в эту сторону меняется миграционное законодательство в Швеции, Финляндии, Дании, Канаде, России. Однако в заполярных округах России усиливается потребность в людях, обладающих высокой профессиональной подготовкой. Есть основания прогнозировать снижение маятниковой (вахтенной) миграции. Вместе с тем уже сейчас необходимо разработать северную логистику потоков международной миграции, поскольку объекты судоходной инфраструктуры Северного морского пути стали каналами, системно обеспечивающими функционирование мировой торговли, подтягивая в эту сферу все Приморье и материковые регионы, расположенные от него через несколько границ.

⁵ Нурматова О. «Арктический поток» мигрантов из России в Норвегию иссяк / Доступ: <https://www.kompravda.eu/daily/26552.4/3568587> (дата обращения 10.12.2017).

⁶ Выстрелы в Канаде. Кому мешает политика мультикультурализма и что она несет канадскому обществу? 31 января 2017 / Доступ: <http://geo-politica.info/vystrely-v-kanade-komu-meshaet-politika-multikulturalizma-i-chto-ona-nesyot-kanadskomu-obschestvu.html> (дата обращения 18.06.2018).

⁷ Барсуков Д. ООН просит Норвегию не отправлять беженцев обратно в Сомали. Доступ: <https://www.kompravda.eu/daily/26608.4/3624822>; Михайленко Л. Дания «вытрясла» из беженцев за обустройство в стране около 16 тыс. евро. Доступ: <https://www.kompravda.eu/daily/26603/3619329>; Асхатов Д. Шведских чиновников критикуют за допросы беженцев, принявших христианскую веру. Доступ: <https://www.kompravda.eu/daily/26678.5/3701099> (дата обращения 13.12.2017); Около 1500 таджикских мигрантов в Якутии могут остаться без работы. 23 ноября. Доступ: <http://news.tj.ru/news/tajikistan/society/20171123/okolo-1500-tadzhijskih-migrantov-v-yakutii-mogut-ostatsya-bez-raboti> (дата обращения 09.12.2017); Баева Е. Укажут место / Сайт газеты «Российская газета — Экономика Дальнего Востока» №7443 (277). 07.12.17. Доступ: <https://rg.ru/2017/12/07/reg-dfo/vlasti-sahalina-zapretili-migrantam-rabotat-na-strojkah.html> (дата обращения 09.12.2017).

Циркумпольярная статистика перемещения позволяет видеть: в крупных поселениях Российской Арктики происходит такое же движение в города, как и в других арктических регионах циркумпольярных государств, с теми же колебаниями, зависящими от условий жизни, стоимости труда, иерархии рабочих мест, экономической ситуации в стране или регионе исхода. Поэтому представляется важным намерение России принять на себя миссию разработчика стандартов циркумпольярного поведения и контроля над их соблюдением. Однако нормотворческое лидерство требует образцового порядка и в хозяйстве регулятора.

Мировая тенденция к урбанизации коренным образом меняет человеческую и природную среду Арктического региона, не отменяя фундаментальные принципы цивилизационной жизни.

Древние и средневековые авторы отмечали, цивилизация зиждется на дисциплине, выделяя в ней параметр *социальной сплоченности*, что, по-видимому, и является важнейшим нематериальным ресурсом выживания и развития общества. Регулятором дисциплины выживания и развития является государство. «Civile» Цицерона и «асабийя» Ибн Халдуна — это многоуровневые модели гибнущей (недисциплинированной) и устойчивой (социально сплоченной) цивилизаций, в которых характеристики естественной и социальной реальностей либо поддерживают, либо уничтожают друг друга. Они не существуют отдельно. В случае постсоветской Арктики функции выживания и развития вплетены в жизненный процесс, который имеет свое продолжение в международной среде. В моделировании жизненных процессов Арктического региона должны быть использованы все смыслы социального тела дорожных конструкций. Они могут быть информационной артерией, инструментом проецирования глобальной мощи, создавать конкурентные преимущества, привлекать инвестиции, производить услуги, распределять человеческие и товарные потоки. Но основная функция дорог — организация пространства (М.В. Ломоносов, Ф. Ратцель, В.П. Семенов-Тянь-Шанский).

В этой оптике обустройство Северного морского пути — дороги между Тихим и Атлантическим океанами — для международного торгового судоходства является генерирующим фактором реализации национальной стратегии освоения Арктической зоны и самым значимым событием мировой экономики в XXI в.

Резонансные публикации в зарубежной прессе подчеркивают: американские санкции сработали в интересах производства российского сжиженного природного газа. Однако — это лишь экономический бонус дляящейся 250 лет операционализации страта-

гемы⁸ М.В. Ломоносова, сформулированной в записке, адресованной российскому престолонаследнику Павлу Петровичу [10, с. 498].

Международная среда: Арктика в движении к глобальной арене. Российская морская Арктика стремительно вписывается в глобальную экономику, создавая принципиально новую социально-политическую ситуацию на сибирском побережье, в мировом судоходстве, в отношениях с соседями и торговыми партнерами по всему миру.

Движение Арктики с позиций периферийного региона на мировую арену сопровождается системной сменой модели проецирования компонентов реальной силы моделью распределения компонентов технологической силы, требующей больших знаний, большей компетенции, более сложных инструментов, а, следовательно, больших объемов и видов человеческого капитала.

В нынешней мировой ситуации циркумполярные отношения балансируют между двумя противоположностями — нарождающимся сотрудничеством и остатками прошлого военно-политического противостояния⁹, не стершего вероятность межгосударственного конфликта в Арктике, связанного с пограничными вопросами. Однако глобальная повестка изменила порядок приоритетов безопасности. Объединенные сходством средовых и цивилизационных изменений в моделях Арктика-5¹⁰ и Арктика-8¹¹ страны-участницы разрабатывают общий подход к тенденции освоения бассейна Северного Ледовитого океана нециркумполярными государствами, которые руководствуются собственными притязаниями на ресурсы арктического шельфа.

В этой связи демаркация континентальных шельфов и контроль арктических морских маршрутов [13] становятся пунктами глобальной и региональной повесток, отсвечивая сложный дизайн политического маневрирования региональных, внерегиональных участников и акторов без суверенитета в борьбе за ресурсы и доступ к мировому пути.

⁸ Подытоживая свой труд «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1764 г.), М.В. Ломоносов вывел знаменитую формулу, которая была решена в декабре 2017 г.: «Таким образом, путь и надежда чужим пресеется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке».

⁹ Чувакин О. Арктический пирог: кусков много, но всем не хватит // Военное обозрение, 27 января 2017. Доступ: <https://topwar.ru/107987-arkticheskiy-pirog-kuskov-mnogo-vo-vsem-ne-ivatit.html> (дата обращения 22.06.2018).

¹⁰ Неформализованная конструкция, в которую включены государства, имеющие доступ к Северно-Ледовитому океану: Россия, Дания, Норвегия, США и Канада, на качество отношений которых влияет фактор отсутствия окончательно сформированных границ.

¹¹ В 1996 г. семь государств Полярного Севера (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия) и Швеция создали Арктический совет.

В этот рисунок вплетено (вектор США) стремление закрепить за Арктикой статус международного морского района, «максимально открытого для всех государств мирового сообщества».

Среди таких проектов особо выделяются предложения заключить отдельное международное соглашение по Арктике, подобное Договору об Антарктике 1959 г., а также распространить на весь этот регион статус Общего наследия человечества» [2, с. 55]. В числе инициаторов отмены «секторной теории Арктики»¹², на которой построены позиции России и Канады, особо выделяется Германия. В число государств, поддерживающих вопрос о пересмотре правового режима Арктики и условных границ Севера, входит и Япония, проявляющая интерес к Северному морскому пути и разработке арктического шельфа.

Среди международных институтов за отмену секторального раздела выступает Европейская комиссия. В ходе дорожного спора¹³ с Канадой Соединенные Штаты выработали диалектическую позицию: непризнание секторного деления Арктики, но и не оспаривание его правомерности.

Все эти политические подходы подтверждают: «построение пространства Арктики не статично, отражает характер самой территории; подвергается модификациям и переоценке» [4].

Выявляя динамику политического «расширения» Арктического региона, финские исследователи определили потенциалы эндогенного и экзогенного конфликтов. На их взгляд, наиболее вероятный источник конфликта в Арктике находится за пределами региона [18, р. 8].

Количество международных акторов, претендующих на *постоянное присутствие* в регионе, растет: Великобритания, Бельгия, Ирландия, Нидерланды, Латвия, Литва, Эстония, Польша, ФРГ, Италия, Франция, Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Сингапур, Испания, ЕС и др. О своей готовности к разработке арктического шельфа заявляют десятки государств, рассчитывая на возобладание принципа открытости глобальной экономики. Именно поэтому арктические государства уделяют большое внимание институту наблюдателей в Арктическом совете, настоятельно рекомендуя государствам, наделенным этими правами, не стремиться к полу-

¹² Секторальная теория Арктики — международно-правовая доктрина, «в соответствие с которой каждое приарктическое государство обладает особыми правами в определенном полярном секторе — треугольнике, основой которого является побережье соответствующего государства, а сторонами — линии, проходящие по северным меридианам до Северного полюса» [Дудин, Иващенко, 2015: 108].

¹³ Канада считает Северо-Западный морской проход принадлежит ей, тогда как Соединенные Штаты рассматривают его международным морским путем. В 1998 г. между США и Канадой было достигнуто соглашение, в котором США обязались не использовать СЗП без канадского согласия. Канада обещала давать свое согласие на проход американских судов всегда.

чению членства в этой международной организации, а сосредоточиться на расширении двустороннего сотрудничества.

Судя по тому, что поведение Южной Кореи (наблюдатель в Арктическом Совете) оценивается западными аналитиками модельным, ей отводится роль своеобразной стены, сдерживающей «арктический» натиск Китая и Японии. Как отмечает гонконгский исследователь взаимодействия Азии с Арктикой М. Косса: занятая Южной Кореей «позиция может быть аналогична роли этой страны в «двадцатке», где Южная Корея участвует в обмене информацией и определении повестки дня между «большой семеркой» и растущей БРИКС» [19].

Человеческое измерение происходящих в природной, цивилизационной и международной средовых зонах Российской Арктики деактуализирует модель *неопределенного будущего* (глобальное потепление). Под воздействием обновленного кодекса цивилизационного поведения развивается язык описаний изменений, вместе с которым появляются переменные, позволяющие:

- использовать фактор удвоения;
- применить смысловой «крепезж» дорожных конструкций;
- операционализировать фактор пространственного преимущества стратагемы Ломоносова;
- спроектировать арктическую средовую сложность как жизненный процесс.

Библиографический список

1. Бек У. Что такое глобализация / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
2. Гудев П. Арктика как «global commons»? // Пути к миру и безопасности, 2016, № 1 (50), сс. 53–69.
3. Дудин М.Н., Иващенко Н.П. Мировой опыт и тенденции инновационного освоения арктических территорий // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие), 2015. Т. 6. № 4, сс. 107–117.
4. Ингимундарсон В. Глобализация Арктики и «идеология возвращения» / Доступ: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2014_Sbornik/2014_Dokladi/2014_plen/2014_plen_015.pdf (дата обращения 28.01.19).
5. Каримова А.Б. Постсоветский дизайн человеческой мобильности // Мировая экономика и международные отношения // Мировая экономика и международные отношения, 2017, том 61, № 8, сс. 85–95.
6. Колчинский Э.И. Неокатастрофизм и селекционизм: Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука. 2002. 554 с.
7. Курячий А., Ермак С. Заложники / Доступ: <http://expert.ru/expert/2017/49/zalozhniki> Москва, 07.12.2017 (дата обращения 08.02.19).

8. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 464 с.
9. Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 1. Естественные науки и философия. М.: Наука. 1986. 536 с.
10. Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. Прибавление. О Северном мореплавании по Сибирскому океану. Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов Американских и по вопросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина / М.В. Ломоносов // Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952, сс. 417–514.
11. Макеев А.О. Берингийская Атлантида — ретроспективный и перспективный анализ климатических изменений на основе ледово-лёссово-почвенного комплекса / Доступ: <http://www.dokuchaevskie.ru/wp-content/uploads/2016/11/A.O.-Макеев.pdf> (дата обращения 02.01.2019).
12. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Теория района. 1928. Государственное издательство. Москва-Ленинград.
13. Фененко А.В. Военно-политические аспекты российско-американских отношений в Арктике: история и современность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2, сс. 129–157.
14. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 382 с.
15. Crate S., Nuttall M. The Russian North in Circumpolar Context // *Polar Geography*, 2003, 27, No. 2, pp. 85–96.
16. Fogelson R.M. *Bourgeois Nightmares: Suburbia, 1870–1930*, New Haven: Yale University Press, 2005. 272 p.
17. Heleniak T. International migration into the Arctic / In: Robert W. Orttung and Marlene Laruelle (ed.). *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges*. Washington DC: IERES, 2017, p. p. 393–493.
18. Kämpylä J., Mikkola H. Arctic Conflict Potential towards an Extra-Arctic Perspective / FIIA Briefing Paper 138. September 2013.
19. Kossa M. South Korea's positioning in the Arctic. September, 30, 2015. Available at: <https://worldpolicy.org/2015/09/30/south-koreas-positioning-in-the-arctic> (accessed 29.11.2018).
20. Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development. 2017. Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (accessed 28.10.2018).
21. Vichino T.J. *Transforming Race and Class in Suburbia: Decline in Metropolitan Baltimore*. N.-Y. Palgrave Macmillan, 2008. 226 p.
22. Zellen B.S. *Arctic Doom, Arctic Boom: The Geopolitics of Climate Change in the Arctic*. Santa Barbara: Praeger, 2009. 236 p.

Лисичкин В.А.,
Ранцев-Картинов В.А.

ОСВОЕНИЕ АРКТИКИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СИБИРИ КАК ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC, THE FAR EAST AND SIBERIA
AS A NATIONAL IDEA AND ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Лисичкин В.А., д. э. н., проф., действ. чл. РАЕН, заведующий сектором
Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия),
e-mail: futurum@mail.ru

Ранцев-Картинов В.А., к. ф-м. н., член Экспертного совета по актуальным
социально-экономическим и научно-техническим проблемам фракции
ЛДПР Государственной Думы (Москва, Россия), e-mail: rankarva@mail.ru

Vladimir A. Lisichkin, Doctor of economics, Prof., full member of Russian Academy
of Natural Sciences, Head of Sector, Institute for Social and Political Studies,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: futurum@mail.ru

Valentine A. Rantsev-Kartinov, Candidate of physical and mathematical sciences,
Member of the Expert Council on current socio-economic and scientific and
technical problems of the LDPR faction of the State Duma (Moscow, Russia),
e-mail: rankarva@mail.ru

Аннотация. Вопросы освоения Арктики, Дальнего Востока и Сибири в настоящее время представляются чрезвычайно перспективными и своевременными как с точки зрения определения эффективной стратегии экономического развития Российской Федерации, так и с позиций сплочения российского общества на основе глобальной общенациональной идеи.

Abstract. Issues of the development of the Arctic, the Far East and Siberia are currently extremely promising and timely both from the point of view of defining an effective strategy for the economic development of the Russian Federation, and from the standpoint of rallying Russian society on the basis of a global national idea.

Ключевые слова: Программа развития России, Новая общенациональная идея.

Key words: Russia Development Program, New nationwide idea.

В начале 1990-х гг. XX в. продолжавшаяся несколько десятилетий «холодная война» завершилась поражением Советского Союза. Страна распалась на пятнадцать самостоятельных государств.

Такой результат во многом явился следствием целенаправленной и планомерной работы правящих кругов Соединенных Штатов Америки по подрыву и решающему ослаблению идеологических и экономических основ СССР.

Однако, вроде бы достигнув поставленных задач, и обеспечив себе статус единственной в мире «сверхдержавы», США отнюдь не сбавили обороты своей агрессивной деятельности, и центр тяжести усилий перенесли теперь на Россию, как крупнейшую и стран постсоветского пространства, обладающую к тому же львиной долей природных ресурсов «канувшего в лету» государства.

Стратегия США направлена на установление мирового господства. Важнейшие задачи на этом пути — формирование «нового порядка» в мировой экономике, включающее в себя экономическое и финансовое подчинение всего остального мира, а также захват ключевых ресурсов планеты (или установление контроля над ними). Это, в частности, иракская и каспийская нефть, но главное — Россия.

Каковы же дальнейшие планы действий США?

Либеральное правительство России в 1990-е гг. под руководством американских советников провело большую подготовительную работу. Была специально разрушена армия. Население вымирало. Проводилась зачистка Севера, Сибири и Дальнего Востока от русского населения. Люди стремились оставить свои дома, нажитое имущество, и уехать в центральные районы [3].

В США начала разворачиваться подготовка к агрессии против России с целью захвата Сибири, Дальнего Востока и Русского Севера, о чем говорится, в частности в статье А. Кравчинского [1]:

«Сторонники приобретения для Америки Сибири, в первую очередь, начали хорошо спланированное массированное наступление на умы и сердца своих соотечественников. Конгрессменам пишутся письма с деловыми предложениями, промышленникам и предпринимателям по факсу рассылаются географические карты Сибири с нанесенными на них «кладовыми недр», военным доходчивым языком объясняется стратегическое значение будущих американских военно-морских баз во Владивостоке и Диксоне. Для этого необходимо создавать такие условия, при которых экономическое положение России должно еще более ухудшиться, что неминуемо приведет к политической и социальной нестабильности.

В печати обсуждался сценарий, который дал бы дорогу расчленению России на множество мелких государств, примерно следующим образом:

Рис. 1. Программа расчленения России

В западных странах в 1990-е гг. неоднократно публиковались карты расчлененной России, в которых Чукотка и Камчатка отходили к США, Приморский край и Курилы — к Японии, Забайкалье и Хабаровский край — к Китаю, территория Западной Сибири и Ямала отдавались под протекторат международному консорциуму по эксплуатации ресурсов Западной Сибири и крайнего Севера, создавались независимые «Сибирская», «Уральская», «Якутская» республики и суверенная республика «Коми». Собственно России оставалась территория нынешнего Центрального федерального округа.

Данные тенденции в мировой политике, наметившиеся на исходе минувшего века, во многом сохранили свою актуальность и в наши дни.

Сегодня вопрос стоит о глобальной безопасности России, сохранении ее суверенитета и территориальной целостности. Если наше поколение самостоятельно не освоит Арктику, Дальний Восток и Сибирь, то их освоят другие страны.

I. Освоение АДВС было и является вековой мечтой народов России, населявших ее территорию раньше и населяющих ее сейчас. В современных условиях роль проекта, претворяющего в жизнь эту мечту, настолько выросла, что при соответствующем его наполнении социальными программами, гарантированными соответствующими федеральными законами, может стать (так недостающей нашему обществу) общенациональной идеей России (ОНИР), являющейся основой активного патриотизма россиян, способного объединить их вокруг этой действующей идеи и привести страну к ее благополучию и оздоровлению.

Учитывая современную международную обстановку, очевидно, что в первую очередь будут осваиваться углеводородные месторождения шельфов рассматриваемых нами регионов страны. Это объясняется тем, что в этом секторе промышленного производства наиболее высокие показатели возврата затраченных денег. В центральной и восточной Арктике мы имеем дело с мощными дрейфующими льдами, а на севере Дальнего Востока — с толстыми льдами при высоких уровнях приливов и присутствии тайфунов, поэтому бурение скважин и добычу газа/нефти в этих регионах безопаснее, а потому и предпочтительнее, вести с подводных буровых и добывающих площадок. Следовательно, для создания комфортных условий отдыха персонала необходимо спроектировать унифицированный подводный РП на якорных растяжках, имеющий тоннельное сочленение с рабочей площадкой подводного объекта [2]. Работа на таких буровых и добывающих площадках должна вестись вахтами, в перерыве между которыми рабочий персонал должен жить со своей семьей в комфортабельных ГП на материке или ближайших крупных островах. Таким образом, для обслуживания буровых и добывающих площадок на северном и восточном шельфе необходимо построить 40–50 новых ГП в условиях полного бездорожья, численностью вплоть до 50–100 тысяч человек через каждые 500 км соответствующих побережий не более чем за 30–35 лет, т. е. за одно поколение. Начало строительства таких ГП и глобальной МРТС фактически будет рассматриваться россиянами, как начало претворения в жизнь их ОНИР.

Регионы АДВС помимо их площадей и леса обладают несметными природными богатствами, заключенными в их недрах и на шельфах, а также биоресурсами принадлежащих им морей и природных заповедников. Для освоения всех этих богатств помимо финансов необходимо обладать ресурсом рабочей силы. Средняя же населенность этих регионов не превышает 1 человек/км². Это является следствием их сурового климата и очень тяжелых условий проживания в них, что обусловлено вечной мерзлотой, занимающей большую часть площадей этих регионов. Поэтому для освоения АДВС необходимо, с одной стороны, привлечь в эти районы часть населения РФ из ее центральных и западных регионов, а, с другой, как можно больше разработать автоматизированных и роботизированных процессов строительства и обслуживания промышленных объектов и, в частности, городов и транспортной сети, а для этого привлекаемому населению нужно гарантировать, что на освоенных территориях ими для самих себя будут созданы комфортные условия проживания. Для этого им необхо-

димо на законодательном уровне гарантировать, что в запланированных городах, ГП и РП будут:

1. Построены настолько дешевые, комфортабельные коттеджи, что город будет в состоянии сдавать их в наем семьям своих работников только за квартплату и коммунальные услуги.

2. Построены такие межрегиональные транспортные сети (МРТС), которые позволят жителям рассматриваемых регионов иметь комфортную транспортную связь со всеми регионами страны и ее центром.

3. Созданы такие базы для откорма крупного рогатого скота, свиней, птицы, рыбы и выращивания овощей, которые позволят полностью удовлетворять потребности жителей этих городов в полноценных и дешевых основных продуктах питания.

4. Созданы такие современные и высокотехнологичные предприятия промышленного производства, работа на которых будет полностью удовлетворять материальные потребности населения, и станет особенно престижной для молодежи.

5. Созданы такие сети детских, образовательных и медицинских учреждений, которые полностью снимут проблемы образования, демографии и медицинского обслуживания населения.

6. Созданы такие условия культурного обслуживания населения (современные спортивные и культурные заведения), которые полностью удовлетворят его культурные запросы (особенно молодежи).

II. Чтобы выйти из создавшихся за последние годы тяжелых экономических и политических условий, Россия должна направить все свои усилия на эффективное претворение в жизнь долгосрочных национальных задач, направленных на укрепление ее позиций как в сфере управления глобальной экономикой, так и в разработке мер, стимулирующих ее собственный экономический рост и создание рабочих мест. Для этого ей необходимо стремиться к достижению соглашений по:

1. Обеспечению уверенного, сбалансированного роста и объединения ее межрегиональной экономики, энергетики, торговли, транспортной системы, трудовой занятости, направленной на интенсивное развитие межрегиональных и международных отношений, и политики.

2. Заключению долгосрочных, крупных инвестиционных проектов.

3. Обеспечению стабильности глобальных рынков углеводородного сырья.

4. Реформированию межрегиональной банковской и мировой валютной системы.

5. Созданию прозрачной межрегиональной банковской системы и системы финансового регулирования и надзора.

6. Противодействию различным проявлениям местной, межрегиональной и международной коррупции.

III. Предлагается рассматривать возможность выполнения крупных межрегиональных инвестиционных проектов, основанных на новых импортозамещающих нанотехнологиях, как способ реализации всех перечисленных выше пунктов, определяющих долгосрочные национальные задачи РФ:

1. Создание сети новых коттеджных городов, городов-портов (ГП) и рабочих поселков (РП), в том числе и подводных, решающих как проблему освоения Арктики, Дальнего Востока и Сибири (АДВС), так и проблему жилья рабочих в зонах действия этих долгосрочных инвестиционных проектов.

2. Создание межрегиональной и межконтинентальной транспортной сети, включая прибрежные и подводные морские коммуникации.

3. Создание общей межрегиональной энергетической сети всех крупных электростанций, охваченных проектом.

4. Приобретение неоценимого опыта консолидации межрегиональных усилий районов страны, прилагаемых для реализации крупных долгосрочных инвестиционных проектов по:

- концентрации межрегиональных финансовых инвестиций;
- объединению промышленных потенциалов участвующих в проектах регионов;
- объединению трудовых резервов участвующих в проектах регионов;
- установлению многосторонних межрегиональных соглашений;
- выработке прозрачных методов межрегионального управления;

5. Подготовка населения страны к переходу в эру сосуществования в агрессивном окружении и угроз терроризма.

6. Подготовка населения страны к решению самой крупной его проблемы — созданию глобальной надежной защиты государственного суверенитета от внешнего вторжения.

7. Выработка единой общенациональной идеи глобального развития России на основе новейших достижений науки и импортозамещающих технологий как основы решения задач ее экономической стратегии.

В настоящий момент современная Россия не имеет достаточно опыта выполнения таких крупных межрегиональных проектов,

каковым, в свое время был в СССР «Атомный проект», и который (в то время) оказался проектом по созданию глобальной надежной защиты государственного суверенитета от внешнего вторжения. Осуществление же крупных долгосрочных инвестиционных проектов по освоению АДВС и созданию межрегиональных энергетических и транспортных сетей нашей страны могут явиться своеобразной подготовкой необходимого в будущем тесного межрегионального сотрудничества внутри страны, направленного, в конце концов, на защиту мира и самой государственности РФ, как таковой.

IV. Предполагается, что такая программа развития России, основанная на новых НТ, фундаментом которых является применение агрегатов типа УММ, может стать крупным межрегиональным и общенациональным проектом, рассчитанным на многие десятилетия и требующим федеральных и инвестиционных вложений. Выполнение этого проекта, при соответствующем его наполнении социальными программами, гарантированными соответствующими федеральными законами, может стать общенациональной идеей России, способной объединить все населяющие ее народы, и привести страну к ее благополучию и оздоровлению.

Что же это может дать, в конце концов? Это может:

- дать дополнительный вклад в ДЧНБ России ~30% только от применения УММ в новых НТ;
- дать рабочие места безработным и военным запаса;
- привести к созданию сети железнодорожных и бетонных высококачественных дорог;
- дать дополнительную электросеть в труднодоступных районах АДВС РФ;
- создать условия для развития предприятий по наработке радиоактивного топлива;
- создать условия для освоения природных богатств АДВС;
- создать сеть высокоэффективных предприятий для получения новых композитных наноматериалов;
- решить жилищную проблему в стране;
- занять молодежь грандиозным делом, оздоровить психологический климат молодежной среды и наполнить сердца молодых людей гордостью за свое отечество (что немаловажно);
- привести к благополучию всю страну;
- обеспечить надежную защиту наших территориальных вод и шельфов по всему протяжению морской границы и т. д.

По проекту ГП нужно построить через каждые 500 км. северного и восточного побережья России. Зона строительства ГП должна

быть объявлена особой зоной с особым статусом. В ней должны быть:

— созданы специальные, комфортабельные условия проживания, которые делали бы возможность жить и работать в ней особо престижной (комфортабельные 3-х этажные коттеджи должны сдаваться городской администрацией в наем семьям всех работников, занятых на их строительстве, обслуживании потребностей городов-портов, обеспечивающих нормальную эксплуатацию их коммунальных хозяйств);

— приняты законы о переходе такого жилья в собственность работника по истечении 15-ти — 20-ти летнего стажа его работы на предприятиях ГП или его строительства;

— установлены достойные зарплаты, удовлетворяющие материальные потребности граждан;

— введены особые, льготные условия начисления специальных коэффициентов за дальность при начислении зарплаты, трудового стажа и т. д.

Престижность этой зоны должна выражаться также в том, что она должна быть, до некоторой степени, закрытой, т. е., въезд в нее должен осуществляться по особым пропускам. В ней должны быть разработаны специальные законы местного и административного управления (не противоречащие Конституции), нарушение которых приводило бы к выселению нарушителей из этой зоны в районы, оговоренные с работником при его найме на работу.

В процессе осуществления данного проекта будут задействованы многие отрасли промышленного производства. Так, например, для каждого такого порта потребуется создание:

1. Своей стационарной атомной электростанции, энергию которой нужно будет ввести в единую энергетическую сеть, связанную с общей энергетической системой России, что должно загрузить производство такого объединения, как Росатом и предприятия Министерства энергетики.

2. Своего грузового, паромного и пассажирского флота с припиской к данному порту, что оживит промышленное производство морского флота.

3. Своего парка газогенераторных агрегатов, для разработки лесного массива, и, следовательно, дополнительной загрузки предприятий машиностроения.

4. Предприятий по выпуску бетонных блоков, плит, столбов, плит жилых блоков из арболита, что должно привести к оживлению производства соответствующей строительной техники и горной обрабатывающей промышленности.

5. Своих промышленных предприятий, изготавливающих энергосберегающую строительную фурнитуру (пластиковые окна, двери) из новых высокопрочных композитных материалов с малой величиной теплопроводности, что приведет к развитию новых нанотехнологий и т. д.

6. Школ профессионального обучения новым технологиям и комплексному решению сложных задач, что всегда ведет к высокой культуре производства и проектирования, а, следовательно, и к его высокой эффективности.

7. Сети бетонных двухэтажных тоннелей железных и шоссейных дорог, расходящихся как в радиальном направлении от ГП вглубь лесных массивов Сибири, так и вдоль побережья для обеспечения междугородных коммуникаций.

8. Широкого поля для внешних инвестиций, поскольку его цели прозрачны, они долгосрочны и дают возможность в ближайшие десятилетия начать освоение наших богатых различными залежами шельфов, участие в освоении которых весьма интересно инвесторам.

V. Финансовые затраты на осуществление такого проекта могут составить несколько десятков триллионов рублей, что для бюджета России на 30 лет не является очень тяжелым бременем.

Если мы не начнем делать все это в ближайшие годы, то мы рискуем потерять не только шельфы, но и Курильские острова с Сибирью. Если же мы начнем их активно и эффективно осваивать уже сейчас, и вовлечем в инвестиции этого проекта другие страны, то они останутся достоянием России навсегда.

P.S. Строительные технологии, связанные с приготовлением дешевого, прочного, стойкого в морской воде щелочного цемента/бетона из металлургических шлаков и горных пород без отжига клинкера, можно предварительно опробовать на строительстве волнорезов, пирсов, мостов, шоссейных дорог и спортивных сооружений городов Крыма, а также спортивных сооружениях других регионов страны.

Библиографический список

1. Кравчинский А. «Что за безумная идея, Богатства США Сибирью прирас- тать будут», газета «Правда», № 123, 12.11.1998 г.
2. Кулаков А., Ранцев-Картинов В. «Новая нанотехнология — основа ком- плексного развития и обороны приморских территорий и акваторий РФ», Экономические стратегии, стр. (22-33), №9 (125) 2014 г.

3. Лисичкин Л., Шелепин Л. «Третья мировая информационно-психологическая война», Издательство Российской академии социальных наук, Москва, 1999 г. стр. 286.

Список употребляемых сокращений

АДВС — Арктики, Дальнего Востока и Сибири;
ДЧНБ — доходная часть национального бюджета;
ГП — город-порт
ДПТ — донные подводные тоннели
ЛБ — лесные бригады
МГВП — местные горные/вулканические породы;
ММШ — местные металлургические шлаки;
МКУ — модифицированный каменный уголь;
МРТС — межрегиональная транспортная сеть;
МТВ — многослойные телескопически вложенные;
НБ — нанобетон;
НППТ — нейтральной плавучести подводные тоннели
НТ — новые технологии
НЦ — наноцемент;
ОНИР — Общенациональная идея России
ПАЭС — подводная атомная электростанция;
ПВЭС — приливно-волновая электростанция;
ПКТ/С — подводные крупнотоннажные танкеры/сухогрузы
ПТ — прибрежные тоннели
ПТАСУ — подводная транспортная атомная силовая установка;
ПЭС — приливная электростанция;
РП — рабочий поселок
ССО — скелетные структуры океана
СЭБ — стандартный энергетический блок, стандартные энергетические блоки
УММ — универсальный многоцелевой модуль;
УНТ — углеродные нанотрубки;
ФКНС — фрактальные каркасные наноструктуры;
ТХРЭТ — тихоходный роботизированный электротранспорт;
3D-П — 3D-принтер, 3D-принтование.

Шушпанова И.С.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

THE EURASIAN INFORMATION INTEGRATION IN THE ERA OF POST-TRUTH

Шушпанова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН (Москва, Россия), i.s.shushpanova@mail.ru

Irina S. Shushpanova, Candidate of sociological sciences, Assistant Professor, Leading Researcher of the Center for Strategic social and socio-political research of the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), i.s.shushpanova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможные проблемы и факторы риска, с которыми могут столкнуться государства ЕАЭС с целью сформировать эффективную систему информационной интеграции в эпоху политики «постправды». Автор дает ряд рекомендаций, которые будут полезны странам-членам ЕАЭС в процессе создания современной системы «информационной интеграции», поддержания ее целостности и противодействия угрозам в условиях распространяющейся культуры «постправды».

Abstract. The article discusses the possible problems and risk factors that the states of EAEU may face in order to form an effective system of «information integration» in the era of «post-truth» politics. The author gives a number of recommendations that will be useful to the EAEU in the process of creating a modern system of «information integration», maintaining its integrity and countering threats in the conditions of the spreading «post-truth» culture.

Ключевые слова: постправда, система информационной интеграции, фэйк, средства массовой информации, Россия, Евразийский экономический союз, государство, достоверная информация, интернет

Key words: post-truth, information integration system, fake, media, Russia, Eurasian economic Union, state, reliable information, Internet

Публикация подготовлена на основе исследований, проведенных при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00289 и РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук), грант № 17-03-00557-ОГН.

Единое экономическое пространство между Россией, Беларусью и Казахстаном, созданное в 2011 г., послужило отправной точкой для легитимации дальнейших социально-экономических отношений. В 2015 г. вступил в свои законные права Евразийский экономический союз (ЕАЭС), членами которого стали республика

Армения, республика Беларусь, республика Казахстан, Кыргызская республика и Российская Федерация.

К 2019 г. в рамках ЕАЭС были реализованы ряд мероприятий, направленных на стабилизацию развития экономик в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов данного объединения. Например, завершено создание общих рынков лекарств и медицинских изделий, реализуется согласованная агропромышленная и транспортная политика, в режиме единого рынка работает 43 сектора услуг и другие [1]. В перспективе планируется ввести единую валюту в странах ЕАЭС, разрешить свободное передвижение граждан внутри Союза с возможностью жить, работать, учиться и вести бизнес где угодно в странах ЕАЭС, расширить ЕАЭС путем включения других стран, заключить соглашения о свободной торговле и инвестициях между странами ЕАЭС и ЕС, создать общую телерадиовещательную компанию.

Практика европейской интеграции показала, что демократические либеральные основы Союза могут быть подорваны политикой «постправды», как особым видом политической культуры. В основе политики «постправды» лежат преднамеренные действия субъекта по созданию, распространению и доведению до глобального и локального общества недостоверной информации, полностью или отчасти не соответствующей действительности, посредством прямого интенсивного воздействия на эмоции и личные убеждения граждан, игнорируя факты и мнения экспертов, с целью сформировать определенное общественное мнение. Распространение лживых, фейковых новостей может нанести угрозу гражданским обществам государств-членов ЕАЭС и поставить Союз в кризисное положение.

Просветительская деятельность в странах ЕАЭС предполагает ведение слаженной информационной политики в пространстве Союза и формирование современного механизма «информационной интеграции». Особенно это актуально при создании единой телерадиовещательной компании, как части общей евразийской информационной структуры. По данным Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, в 2017 году большинство граждан региона ЕАЭС положительно оценили создание общей телерадиовещательной компании стран ЕАЭС (см. табл. 1) [2, с. 23]. В Кыргызстане 64% респондентов имели такую точку зрения, Казахстане — 62%, России — 62%, Беларуси — 55% и Армении — 50%. Противоположных взглядов придерживались 35% граждан Армении, 28% — Кыргызстана, 23% — Беларуси, 22% — России и 20% — Казахстана.

Таблица 1.

**Динамика распределения ответов респондентов стран ЕАЭС на вопрос:
«Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия объединились
в Евразийский экономический союз и обсуждают дальнейшие
совместные действия. Каково ваше отношение к созданию
общей телерадиовещательной компании стран ЕАЭС?»
(% от числа опрошенных, по годам и странам)**

Варианты ответов	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан		Россия	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017
За	52	50	59	55	69	62	72	64	67	62
Против	34	35	20	23	18	20	21	28	16	22
Затруднились ответить	14	15	21	22	13	18	7	8	17	16

Источник: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития

В 2017 г. по сравнению с 2016 г. количество граждан стран-членов ЕАЭС, поддерживающих данный проект в рамках евразийской информационной интеграции, снизилось с 72% до 64% — в Кыргызстане, с 69% до 62% — в Казахстане, с 67% до 62% — в России и с 59% до 55% — в Беларуси. Однако в целом в 2016 и 2017 гг. большинство граждан исследованных государств поддерживали создание общей телерадиовещательной компании стран ЕАЭС. В перспективе спад значений индикатора поддержки данного проекта может продолжиться. В первую очередь, на мнение граждан влияет информация, полученная из различных источников, содержащих достоверные, частично достоверные или ложные факты.

На примере России рассмотрим возможные проблемы и факторы риска в эпоху распространения культуры и политики «постправды», с которыми можно столкнуться в процессе формирования и функционирования системы «информационной интеграции» в пространстве ЕАЭС. На фоне низкого уровня доверия населения СМИ и структурам власти нарастает угроза получения информации из других источников — провайдеров культуры «постправды». В России кризис доверия уже начал свое проявление во мнениях граждан. Согласно результатам социологического мониторинга Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН, в декабре 2018 г. Президенту РФ доверяли 57% россиян, Совету Безопасности — 33%, Правительству РФ — 32%, Администрации Президента РФ — 29%, руководителям регионов — 25%, Совету Федерации — 23%, Государственной Думе — 15%, СМИ — 16% [3]. Тенденция снижения уровня дове-

рия граждан вызвана неодобрением обществом проводимой властью социально-экономической политики. Это обстоятельство, в свою очередь, может вызвать усиление критических мнений россиян в отношении других проектов и действий, инициированных государством, в том числе и в рамках ЕАЭС.

Анализ отношения россиян к качеству информации СМИ и взглядов граждан на причины распространения недостоверных фактов позволит спланировать более эффективную систему «информационной интеграции» в рамках ЕАЭС, снизив влияние дисфункциональных элементов. В декабре 2018 г. большинство россиян считали, что на российских радио и телевидении достоверных и недостоверных передач одинаковое количество (51%) (см. рис. 1). «В основном недостоверно, предвзято показывают события» — такую точку зрения имели почти треть граждан (30%). Противоположного мнения придерживались 10% россиян. Затруднились ответить 9% респондентов.

Мониторинговые замеры показали наметившуюся тенденцию увеличения количества граждан, считавших, что СМИ в основном не достоверно и предвзято показывают события. В 2018 по сравнению с 2014 г. число россиян с таким мнением возросло с 20%

Рис. 1. Динамика распределения ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете достоверность информации на российских радио и телевидении о событиях и жизни в нашей стране?» (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

до 30%. С 20% до 10% снизилось число граждан с точкой зрения о том, что в передачах на российских радио и телевидении журналисты достоверно отражают события о жизни в стране. С 46% в июне 2013 года до 51% в декабре 2018 г. возросло число россиян утверждавших, что достоверных и недостоверных передач на российских радио и телевидении поровну. Таким образом, с целью создания эффективной системы «информационной интеграции» на пространстве ЕАЭС, государству необходимо учесть, что на протяжении многих лет в сознании граждан складывался противоречивый образ СМИ как источника достоверной и недостоверной или отчасти недостоверной информации.

В декабре 2018 г., по мнению россиян, основными причинами распространения недостоверной информации через СМИ являлись «замалчивание событий» (39%), «преднамеренное искажение информации властью, негласная цензура» (39%), «зависимость журналистов от «денежных мешков»» (34%) и «неискренность политиков» (31%) (см. рис. 2). «Искажение информации журналиста-

Рис. 2. Динамика распределения ответов респондентов на вопрос: «В чем, на Ваш взгляд, причины распространения недостоверной информации через СМИ?» (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

ми» считали значимой причиной 29% граждан, а 15% респондентов затруднились ответить на вопрос.

С июня 2013 по декабрь 2018 г. наибольший рост значений наблюдался у индикаторов «искажение информации журналистами» (19 п. п.) и «замалчивание событий в СМИ» (17 п. п.). На 14 п. п. и 9 п. п. возросла значимость факторов «неискренность политиков» и «преднамеренное искажение информации властью, негласная цензура». Значение индикатора «зависимость журналистов от «денежных мешков»» выросло на 11 п. п.

На фоне роста числа россиян, считавших, что СМИ в основном не достоверно и предвзято показывают или отчасти недостоверно освещают события о жизни в стране, высока вероятность дальнейшего распространения и поддержания культуры «постправды». Мировая практика показала, что официальная точка зрения власти, распространяемая через СМИ, объективно подвергается сомнению и критике со стороны населения разных стран. Здесь речь идет уже не о дискредитации журналистов, а о тесте на уровень развития демократических процедур и технологий. В основе осознанно создаваемых с целью разжигания конфликта и ненависти информационных сообщений, лежат эмоции, превалирующие над рациональностью. Вытеснив рациональное звено, эмоции стали доминирующим элементом информационных практик современного общества. Другая точка зрения оппонента или эксперта субъектом, проводящим политику «постправды», попросту игнорируется. В эпоху информационной войны фейковые новости, недостоверная информация, основанная на фальшивых данных, преподносится общественности как истина или правда. Такая особенность политики «постправды» кроется в фундаментальных противоречиях функционирующей модели элитарной демократии. Сложившаяся практика политики «постправды» бросает вызов создающейся социально ориентированной евразийской системе «информационной интеграции» ЕАЭС.

Характерной особенностью культуры «постправды» является распространение в СМИ такой новостной информации, которая может содержать разные пропорции правды и лжи, достоверной и недостоверной информации с целью манипуляции общественным мнением. Новые технологические возможности коммуникаций в цифровой реальности ведут к мультипликации культуры «постправды», угрожающей основам системы международной безопасности. Информационная перегрузка, отсутствие времени на проверку фактов и изоляция пользователей от альтернативных фактов позволили повысить эффективность политики «постправды».

В 2012 г. ученый-исследователь в сфере психометрии Стэндфордского университета М. Косински, базируясь на собранных массивах данных, сделал вывод о том, что на основе 68 «лайков» пользователя в социальной сети можно с 95-процентной точностью предсказать его сексуальную ориентацию, цвет кожи, партийную и религиозную принадлежность, уровень интеллекта и другие персональные характеристики. В современном интернет-пространстве сформировалась специфическая культура «лайков». Социальные сети, поисковые системы, сайты, новостные ленты включают в себя ряд алгоритмов, которые собирают информацию о привычках, потребностях, желаниях пользователей по их «лайкам» и поисковому запросу. Персонализация поисковых систем приводит к возникновению «пузырей фильтров». Данный термин был введен интернет-активистом Илаем Парайзером. «Пузырь фильтров» — это персонально настраиваемая информационная среда, составленная поисковой системой с помощью фильтров на основе истории запросов пользователя и другой информации о нем. Такая цифровая реальность, созданная электронными ресурсами, навязчиво предлагает информационную изоляцию, формирующую особенный, личный «мир правды» каждого гражданина с определенной безальтернативной, часто повторяющейся информацией в рекламе, новостях, сообщениях. Пользователь постепенно начинает использовать получившийся закрытый персональный электронный мир, собственный информационный «пузырь», в котором нет другой «правды», других новостей. Вернуться обратно, в другой нефильтрованный мир пользователю невозможно. Отсутствие у граждан культуры проверки фактов, их информационная изолированность и автоматически созданный на основе «цифровых следов» личный безальтернативный «мир правды» пользователей, сформированный в интернет-пространстве, являются рисками развития системы «информационной интеграции» ЕАЭС.

Особое значение в процессе реализации информационной политики о деятельности стран и эффективности реализуемых проектов в пространстве ЕАЭС приобретает интернет. В декабре 2018 г. 41% россиян считали, что интернет наиболее точно и достоверно отражает обстановку в стране (см. рис. 3). Почти треть граждан разделяли точку зрения о том, что таким источником является центральное телевидение (32%). По мнению 13% россиян, точность и достоверность событий характерна для передач местного телевидения. Среди всех СМИ 10% граждан, считали, что наиболее точно и достоверно отражает сейчас обстановку в стране центральная печать, 9% — центральное радио, по 5% — местное ра-

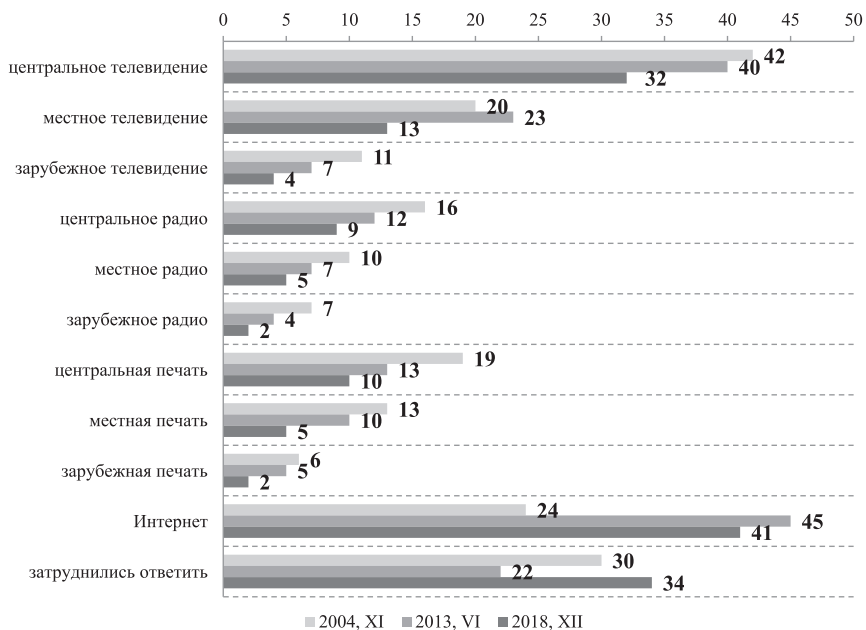

Рис. 3. Динамика распределений ответов на вопрос: «Какие источники массовой информации наиболее точно и достоверно, по Вашему мнению, отражают сейчас обстановку в нашей стране?» (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

дио и местная печать, 4% — зарубежное телевидение, по 2% — зарубежное радио и зарубежная печать. Затруднились ответить 34% респондентов.

Из представленных данных видно, что в период с ноября 2004 по июнь 2013 г. в сознании российского общества выросла почти в два раза (с 24% до 45%) значимость интернета как источника наиболее точно и достоверно, отражающего обстановку в стране. Далее, рост значений данного индикатора сменился несущественным спадом. Число россиян, считавших, что интернет является точным и достоверным источником информации, снизилось с 45% в июне 2013 г. до 41% в декабре 2018 г. Значения индикатора «центральное телевидение наиболее точно и достоверно отражает сейчас обстановку в нашей стране» продолжили тенденцию снижения с 42% в ноябре 2004 г. до 32% в декабре 2018 г.

В рейтинге достоверных источников информации в период с июня 2013 по декабрь 2018 г. местное телевидение снизило свои значения на 10 п. п., местная печать — на 5 п. п. С 22% до 34% возросло число затруднившихся ответить респондентов. С ноября

2004 по декабрь 2018 г. в целом зарубежные СМИ потеряли 7–4 п. п., центральная печать — 9 п. п., центральное радио — 7 п. п., местное радио — 5 п. п. Таким образом, по уровню достоверности и точности преподносимой обществу информации все СМИ снизили свои позиции. Источником информации наибольшей достоверности для россиян остается интернет. Отметим, что в силу этого обстоятельства, интернет содержит в себе высокий риск угрозы распространения фейковых фактов.

Важным аспектом процесса формирования эффективной системы «информационной интеграции» является ответ на вопрос об альтернативном источнике информации в случае противоречивых сведениях о произошедшем событии. В такой ситуации выбора в декабре 2018 года 19% россиян предпочли верить родственникам, друзьям, знакомым и сослуживцам, 17% — интернету (новостным, аналитическим, официальным сайтам), 13% — телевидению, 9% — социальным сетям и блогам в интернете, 3% — газетам, 2% — радио (см. рис. 4). Никому из перечисленных источников не поверят 27% граждан. Затруднились ответить 10% респондентов.

В случае получения противоречивой информации наибольшее число россиян предпочли проверку фактов с использованием нескольких источников, не доверяя полностью ни одному. Почти пя-

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы получаете противоречивую информацию о событиях, какому источнику Вы поверите скорее всего?» (РФ, декабрь 2018. N=1605)

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН

тая часть граждан доверяет информации, полученной посредством коммуникации с родственниками, друзьями, знакомыми и сослуживцами. Однако такая социальная коммуникация может иметь разные формы: разговор при личной встрече или в социальных сетях, по телефону, с использованием коммуникаторов и другие. Доступность интернета и его быстрота позволяют с высокой скоростью передать информацию на любые расстояния. Очень часто для беседы с родственниками, друзьями, знакомыми и сослуживцами используются социальные сети и другие каналы коммуникации. Таким образом, в системе «информационной интеграции» ЕАЭС должны быть заложены механизмы быстрого и оперативного реагирования на поступающую противоречивую информацию с использованием всех доступных информационных средств.

«Постправда» обладает ярко выраженным социально-политическим дисфункциональным воздействием, деформирующим информационное сотрудничество в рамках межгосударственных объединений и региональных обществ. С целью проведения солидарной эффективной информационной политики в пространстве ЕАЭС необходимо сформировать жизнеспособную систему оперативного информационного реагирования. В процессе ее создания у государств могут возникнуть ряд проблем и рисков, связанных с широким распространением культуры и политики «постправды». Во-первых, низкий уровень доверия граждан к СМИ и к структурам власти вызывает угрозу получения недостоверной информации из различных источников, которые являются распространителями культуры «постправды». Во-вторых, функционирование системы евразийской «информационной интеграции» может быть подорвано сформированным у россиян образом СМИ как источника недостоверной или отчасти недостоверной информации. В основу эффективной современной системы евразийской «информационной интеграции» должны быть положены профессиональная этика и ответственность журналистов за распространение недостоверных фактов, а также отсутствие негласной цензуры со стороны властных органов.

Достоверность и качество информации становится все более актуальной проблемой в сетевом обществе. Особое внимание в процессе создания эффективной «информационной интеграции» на пространстве ЕАЭС приобретает интернет. Здесь стабильное функционирование системы может быть нарушено спецификой распространения культуры «постправды», когда у пользователей формируется информационная изолированность и личный безальтернативный «мир правды». По мнению наибольшего числа росси-

ян, именно интернет наиболее точно и достоверно отражает сейчас обстановку в стране. В системе «информационной интеграции» ЕАЭС необходимо предусмотреть создание механизма информационной безопасности, блокирующий ложную информацию, и оперативного реагирования, позволяющей в оперативном режиме предоставить альтернативную и недостающую информацию.

Библиографический список

1. Доклад Евразийской экономической комиссии «Показатели достижения целей в области устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза» 2017 год. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Documents/Издания/OON_Rus.pdf
2. Интеграционный барометр ЕАБР — 2017. — СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. — 108 с.
3. В статье приводятся результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», которые проводятся Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ФГБУН ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга д. соц. н. В.К. Левашов. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступает население России.

Арпентьева М.Р.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

EURASIAN INTEGRATION: PROBLEMS OF INTERCULTURAL RELATIONS

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (РАЕН), профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, (Калуга, Россия), e-mail: mariam_rav@mail.ru, arpentevamr@tksu.ru

Mariam R. Arpentieva, grand doctor (Grand PhD) of psychological Sciences, associate professor, corresponding member of the Russian academy of natural sciences (RANS), professor of the department at the development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga state University, Kaluga, e-mail: mariam_rav@mail.ru, arpentevamr@tksu.ru

Аннотация. Современные модели мультикультурных отношений в мире в целом и в Евразии в частности становятся все более сложными и запутанными. Необходимость упорядочивания огромного количества понятий, теорий и подходов все более очевидна. Современные исследователи, работающие в сфере межкультурных отношений («коммуникаций») активно выстраивают интегративные модели и метамоделю оптимизации взаимоотношений сообществ и людей разных этнических, национальных, религиозных и т.д. групп. Необходимость таких моделей и метамоделей связана с тем, что современный век — век мультикультурных сообществ, активнейших миграций и возрождения кочевого образа жизни в целом.

Abstract. Modern models of multicultural relations in the world in general and in Eurasia in particular are becoming more complex and confusing. The need to order a huge number of concepts, theories and approaches is increasingly evident. Modern researchers working in the field of intercultural relations («communications») are actively building integrative models and metamodels to optimize the relationships between communities and people of different ethnic, national, religious, etc. groups. The need for such models and meta-models is due to the fact that the modern age is the age of multicultural communities, the most active migrations and the revival of the nomadic way of life in general.

Ключевые слова: межкультурные отношения, модели, метамоделю, рефлексия, ценности, присвоение, обмен.

Key words: intercultural relations, models, metamodels, reflection, values, appropriation, exchange.

Современные исследователи, работающие в сфере межкультурных отношений («коммуникаций») в Евразии и во всем мире активно выстраивают интегративные модели и метамоделю оптимизации.

зации взаимоотношений сообществ и людей разных этнических, национальных, религиозных групп. Необходимость таких моделей и мета-моделей связана с тем, что современный век (age of mobility, world restructurization, globalization, ethnical and nomadical renaissances, evolution, co-evolution and involution) — это век интеграции и дезинтеграции, глобализации и этнического реванша, повышенной мобильности, эволюционных переворотов и противостояний, а также реакционных, дисгенических и инволюционных деформаций, век отрицающих границы цифрового и традиционного номадизма и век жестоких сражений стран и народов за постоянство границ. На пороге третьей мировой войны страны и сообщества ищут ненасильственные и/или максимально неразрушительные способы выживания и построения взаимоотношений. К ним относятся и «мягкая сила» (soft power) миграций, и многочисленные мультикультурные программы и проекты со столь разными названиями, что не специалисту порой даже трудно представить, насколько богата феноменология современной теории и практики мультикультурных отношений («коммуникаций»).

Программы мультикультурного типа и миграционные процессы с середины и, особенно, с конца XX века все набирают интенсивность и разнообразие, вместе с ними умножаются и теории мультикультурных сообществ, типов культурных обменов/заимствований и типов миграций. Современные модели мультикультурных отношений становятся все более сложными и запутанными. Необходимость упорядочивания огромного количества понятий, теорий и подходов все более очевидна. Применяя модель развития межкультурной чувствительности (Developmental Model of Intercultural Sensitivity; DMIS) к формированию не межличностных, а межнациональных межкультурных компетенций, можно описать процессы и результаты поступательного и «возвратного» освоения одной культурой ценностей моделей поведения, языка и представлений, бытующих в рамках другой культуры [9]. Согласно М. Беннетту, освоение чужой культуры проходит ряд стадий. Первоначально существование или значимость культурных различий обычно не осознается индивидуальным или групповым субъектом [9]. Затем начинает увеличиваться межкультурная чувствительность, а культура другого этноса, группы начинает осмысляться как один из возможных взглядов на мир. В ходе роста чувствительности субъект полностью осознает и признает существование культурных отличий. Он начинает рассматривать их как компонент собственной идентичности. В итоге возникает новая личность или новая группа, новая культура: сознательно и избирательно интегрирующей

в себе элементы различных культур [9]. Одна из ранних моделей межкультурных отношений — модель культурной диффузии: антропогеографическая школа Ф. Ратцеля, школа «культурной морфологии» Ф.Г. Фробениуса, концепция «культурных кругов» Ф. Гребнера и «культурно-историческая» школа В. Шмидта, диффузионистские идеи У.Х. Риверса, Г. Эллиота-Смита и У.Дж. Перри, стремились описать историю человечества в понятиях контактов и диффузий, столкновений, заимствований и переносов элементов культур, отвергая идеи прогресса и эволюции в целом. По их мнению, культура распространилась из одного центра (на который претендуют вземные цивилизации Созвездия Малого Пса, Ориона, Нибиру, Марса, земные протоцивилизации и государства Лемурия, Гиберборея, Шумер, Египет и т. д.) на весь мир (монистическая модель). Другой подход — эволюционизм и плюралистическая модель (Ф. Клемм, Э. Тейлор, Г. Спенсер, Л. Морган, Дж. Фрейзер, Джон Ф. Мак-Леннан, Дж. Лаббок): он отмечает сходство и/или тождество национально-исторических путей разных этносов и народностей, рассматривая историю как сумму независимых эволюций отдельных элементов культуры и социальных отношений. Интересные подходы даны в школах и исследованиях А.Т. Фоменко, В. Хлебникова, Н. Кондратьева и П. Сорокина, А. Тойнби, О. Шпенглера, многих других мыслителей: это теории циклического повторения истории («исторический циклизм») и «наложений» разных исторических пластов друг на друга. Теориям цикличности противостоят теории модернизации (Г. Гегель и др.), которые в итоге сходятся в «спиральных» теориях эволюции человечества.

На индивидуальном и групповом уровнях также описан целый ряд процессов, в том числе инкультурация и энкультурация, аккультурация, ассимиляция (Дж. Берри, Р. Билз, Р. Линтон, Р. Редфилд, Р. Турнвальд, и М. Херсковиц), отражающих свободное или направленное взаимодействие культур, в том числе на примере отдельных регионов (Дж. Фостер, Дж. Фелан и др.) [18]. Культурные заимствования при этом рассматриваются как отрицательное (ассимиляции и апроприации как заимствования в «колониальной манере», без учета мнения о результате заимствования со стороны культуры-донора) или положительное явление (культурное заимствование как условие повышения качества жизни перенимающей стороны, ее адаптации к изменившимся обстоятельствам жизнедеятельности), в том числе в зависимости от того, насколько «равновесны» обменивающиеся группы и насколько взаимодействующие культуры вовлечены или не вовлечены в исторический,

этнический или расовый конфликт, противостояние. Апроприация как «колониальное заимствование» связано с тем, что фрагмент культуры, языка заимствуется, присваивается без учета сакральности и смысла заимствованного компонента культуры для ее носителей, происходит сведение заимствования к «экзотическому тренду», моде меркантилизация и ненадлежащая культурная интерпретация и т. д. Однако, есть и иной, противоположный эффект: эффект пиццы или пицца-эффект (pizza effect) Л. Фишера (А. Бхарати) — составляющие культуры каких-либо нации или народа, оказавшись в иной этнокультурной или социально-экономической среде, переживают трансформацию в материнскую культуру [10; 11]. То есть «осваивающая культура» повышает ценность фрагмента «материнской культуры» и влияет на культурную самоидентификацию. Й. Боруп отметил наличие «перевернутого эффекта пиццы»: «присваивающая» культура трансформирует часть «материнской» культуры и наслаждается результатом трансформаций, полагая, что эти результаты принадлежат «материнской» культуре [12, р. 477.]. Часто используется понятие Ф. Ортиса транскультурация: оно отражает стремление людей и этносов разрешать конфликты постепенно и по частям, не усугубляя их эскалацией [17]. В эпоху цифровой культуры, а также общей глобализации наблюдается рост проницаемости между культурами и увеличение более или менее массовых миграций, приводящие к «этноконвергенции», а также гомогенизации и культурным компромиссам [8; 20; 21].

Согласно Т.Ф. Кузнецовой и иным исследователям, рассмотревшим наиболее известные теории взаимодействия культур (Н.Я. Данилевского, А.Дж. Тойнби, П.А. Сорокина, С. Хантингтона), можно выделить ряд более или менее пересекающихся и более или менее ненасильственных типов межкультурных отношений [1; 2; 3]:

1. по линии культурных «трансгеографических» ориентаций вестернизация или колонизация (европеизация и американизация), овосточивание культур, существование и формирование «третьих культур» и взаимодействие с ними;

2. по линии модернизации и слияния культур и производства — модернизация, глобализация как мондиализация, и креолизация/транскультурализация.

Все эти процессы взаимного влияния культур характеризуются определенным соотношением насилия и ненасилия [4; 5].

Обсуждение проблемы. Вестернизация как процесс выражено насильственный, колониалистический, предполагает перенос

элементов западной культуры в другую культуру, сопровождающийся подрывом традиционных основ последней («глокализация» как явление, сметающее иные культуры и распространяющее западные институты по всему миру по Э. Гидденсу, «пересадка» — перенесение культур с одного места на другое посредством колонизации и «прививка» развитие новой культуры за счет основной в концепции Н.Я. Данилевского) [6; 13]. Овосточивание культур — влияние культур Востока на культуру Запада, долгое время в XX веке было неагрессивным, в другие века — проникновение восточных культуры шло вместе с завоеваниями, по мере успешности или неуспешности таковых. Такое взаимодействие представляется в целом ненасильственным, в силу незначительного масштаба и изменчивости влияния: проявляется в стилях моды, художественной культуре, в интересе к научным, образовательным взглядам и культурным доктринам, и искусству незападных ученых, писателей, художников и т.д. Однако активные действия многих стран востока на мировой арене (Китай, Индия, Корея, Турция) и массовые миграции из стран цветных революций в начале нынешнего века и превратили третьи страны в конкурентов «первых», а «беженцев» — в захватчиков: наступил культурный реванш колониализма, в том числе связанный с привнесением ограничений и предписаний восточных культур в жизнь европейских народов. Интересно также наличие «третьих культур» по М. Фезерстоуну — или культурных «мостов», культур-маргиналов, культур-эклетик (транскультур), «пограничных цивилизаций», которые нельзя отнести ни к западной, ни к восточной (российская, латиноамериканская, африканская культуры). Взаимодействие с ними выступает продуктивным смешением своего и чужого, в большей степени ненасильственно. Их существование в целом ненасильственно в отношении влияния на соседние и собственные народы и общества.

Модернизация — «вариант развития, совершенствования, накопления позитивных качественных изменений, которые связаны с ростом, накоплением количественных изменений (экономических, социальных, демографических, культурных и других)» как «благодарное воздействие более развитой цивилизации на менее развитую», при котором сохраняется самобытность последней (тип «почвенные удобрения») в теориях Н.Я. Данилевского; взаимодействие по типу «вызов» — «ответ», при котором одна из цивилизаций создает для другой ситуацию уязвимости, а другая способна превратить это негативное влияние в стимул (тип «столкновение цивилизаций-современниц») у А.Дж. Тойнби; тес-

ное объединение разнородных, но находящихся в одном пространстве, элементов культуры, связанных не только этим пространством (тип «косвенная ассоциация под воздействием общего внешнего фактора») у П.А. Сорокина; преобладающее влияние одной цивилизации на другие, при сохранности исконно национальных ценностей и институтов (тип «взаимодействие и образование мультицивилизационных систем») у С. Хантингтона. Модернизация не насильственна: направлена не на разрушение, а на преобразование культур [14; 14]. Э. Гидденс рассматривает глобализацию как продолжение модернизации: современности (modernity) внутренне присуща глобализация: интенсификацию распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые «связывают удаленные места (localities) таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот» [9, p. 64]. Глобализация трактуется двойственно [9; 15]. Например, в духе «захламленного чердака» П. Сорокина или в духе максимальной смысловой (культурной) интеграции. Она также трактуется как мондиализация — принудительное объединение стран и формирование однополярного мира, в котором бесчинствуют государство с его правоохранительными институтами и мальтузианская, компрадорская буржуазия (ТНК), занимающаяся системным геноцидом и отбором культур и наций, наращиванием систем управления сообществом и человеком, беспрепятственного и неограниченного вторжения в его жизнь (тотальное порабощение и насилие на всех уровнях жизни, формирование людей-слуг и людей-господ, сценарий «матрицы»). Р. Робертсон выявляет две направленности глобализации:

1) глобальная институционализация жизненного мира, организация повседневных локальных взаимодействий и социализации непосредственным воздействием макроструктур мирового порядка (экспансия «общечеловеческих ценностей», распространением стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов глобальными сетями СМИ и ТНК;

2) локализация глобальности [19, p. 15–17], тенденция становления глобального через локальное — через превращение взаимодействия с представителями иных государств и культур в рутинную практику, через включение в повседневную жизнь элементов инациональных, «экзотических» локальных культур. Она не уменьшает разнообразие культур, но даже увеличивает его: возникает «глокализация» по Р. Робертсону.

Глобализация может выступать как «транслокализация», она обусловливает и де-локализацию, и ре-локализацию: соотноситель-

ность и взаимопроникновение глобального и локального, сочетание тенденций к гомогенности и к гетерогенности. А. Аппадурраи рассматривает глобализацию как детерриториализацию — утрату привязки социальных процессов к физическому пространству, становление транснациональных и диаспорных сфер публичной жизни людей, более или менее связанных с исходными территориально определенными публичными сферами соответствующих наций, но обладающих собственной и достаточно автономной динамикой [7, р. 301].

Креолизация или гибридизация — производство глобальных культур как «культурной смеси» (смешанные формы кооперации и развитие транслокальных культур) описана У. Ханнерцом, Дж. Фридманом и Я. Питерсом как один из основных процессов в глобализации. Развитие «глокальных» культур в условиях глобализации связано с тем, что они, будучи не привязаны ни к месту, ни ко времени, приходят к ре-локализации — в глобальных рамках по-новому открывают свои культурные особенности и/или настойчиво транслируют их через фундаменталистские движения и протесты. Это «смешанные времена сосуществования предсовременности, современности и постсовременности. «Креолизация» У. Ханнерца особенно актуальна для мультикультурализма, предполагает культурное многообразие, базирующееся не на автономии культур, а на их связях: при «креолизации» речь идет не просто о «культурном плюрализме», а об «организованном культурном многообразии» [10; 11; 15].

Таким образом, в работах самых разных, в том числе величайших представителей культуры и науки, встречаются попытки построения интегративных моделей и мета-моделей межкультурных отношений. Отмечается множественность мотивов, последствий и вариантов взаимодействия внутри и между мультикультурными сообществами современности.

Библиографический список

1. Апресян Р.Г. Политическая социология ненасилия Дж. Шарпа // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 8. М., 1995. С. 234–246.
2. Вшивцева Л.Н. Ненасилие в культуре современного российского общества: дисс... канд. философских наук. Ставрополь, Ставроп. гос. ун-т, 2008. 158 с.
3. Кузнецова Т.Ф. Социокультурные взаимодействия и межкультурные коммуникации // Философские науки. 2003. — № 5. С. 129–135.

4. Мир / Peace: Альтернативы войне от античности до конца Второй Мировой войны. Антология. Отв. ред.: Ч. Лэтфилд, Р.М. Илюхина. М.: Наука, 1993. 349с.
5. Цатурян, С.А. Ненасильственная революция. От теории к практике: монография. Москва: РУДН, 2015. 280 с.
6. Albrow M. The global Age. Stanford: Stanford University Press, 1997. 246 p.
7. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture. Ed. by M. Featherstone. London, 1990. 340 p.
8. Aspects of Intercultural Dialogue. Theory · Research · Applications / Aalto N., Reuter E. (Hrsg.). — Köln: Saxa, 2007. 380 p.
9. Bennett, M.J. A developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // Intercultural Journal of Intercultural Relations. 1986. № 10 (2). P. 179–196.
10. Bharati A. The Hindu Renaissance and its Apologetic Patterns // The Journal of Asian Studies. — 1970. Vol. 29, № 2. P. 267–287. DOI:10.2307/2942625.
11. Bharati A. Indian Expatriates in North America and Neo-Hindu Movements // The Communication of Ideas / Yadava J.S., Vinayshil G. (Eds.). New Dehli: Concept Publishing Company, 1980. P. 245–255.
12. Borup J. Zen and the Art of Inverting Orientalism: Religious Studies and Genealogical Networks // New Approches to the Study of Religion / Eds.P. Antes, A.W. Geertz, and R.R. Warne. Berlin: Verlag de Gruyter, 2004. Vol. 1, Regional, Critical, and Historical Approaches. P. 451–487.
13. Gallaher, C.; Dahlman, C. T.; Gilmartin, M.; Mountz, A.; Shirlow, P. Key Concepts in Political Geography. London: SAGE, 2009/2014. P. 392.
14. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990
15. Hannerz U. Transnational Connections. London: Routledge, 1996. 290 p.
16. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y., 2004. P. 87.
17. Ortiz, F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar, Durham, NC: Duke University Press, 1995. — 380p.
18. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation. American Anthropologist, 1936. Vol. 38, No. 1. P. 149–152.
19. Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. Ed. by M. Featherstone. London, 1990. 304 p.
20. Thurnwald R. The Psychology of Acculturation // American Anthropologist XXXIV. 1932. P. 557–569.
21. Ziff B., Rao P.V. Introduction to Cultural Appropriation: A Framework for Analysis // Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1997. 337 p.

Голубицкий Ю.А.

**КРИТИКА СОВЕТСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОСТСТАЛИНСКОГО
ПЕРИОДА ПОСРЕДСТВОМ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ АРТЕФАКТОВ
И АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СИСТЕМ
(ОТ ЛОЯЛЬНОСТИ К ВЛАСТИ
К ДИССИДЕНТСТВУ)**

CRITICISM OF THE SOVIET REALITY OF THE POST-STALIN PERIOD
BY MEANS OF GRAPHIC ARTEFACTS AND AUDIOVISIONS
(FROM LOYALTY TO THE POWER TO RECUSANCY)

Голубицкий Юрий Александрович, к. социол. н., старший научный сотрудник
ИСПИ РАН, e-mail: golub9900@mail.ru

Yury A. Golubitsky, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher,
Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, e-mail:
golub9900@mail.ru

Аннотация. На примерах концептов и артефактов живописцев «лианозовской школы», сов-арта, концептуалистов, art house игрового и документального кинематографа Оттепели, автор статьи исследует попытки диссидентской творческой интеллигенции постсталинского периода утвердить свободу творчества, демократические принципы в диалоге гражданского общества и государства. При этом он осознанно избегает бинарной оппозиции в оценках сторон. Призывает к смене интеллектуальной парадигмы, отказу от восприятия советской истории как противостояния тоталитарной и антитоталитарной страт общества. Будущее социологической науки, — утверждает автор, — за разработкой и использованием более тонких исследовательских технологий, которые под влиянием социологических и культурологических дополнений отказываются сводить картину общественных отношений социальных и политических оппонентов к властному насилию с одной стороны и сопротивлению ему с другой.

Abstract. This paper explores the attempts of the dissenting Soviet intelligentsia of post-Stalin time to establish the freedom of artistic creativity and democratic dialog between the State and civil society. The author uses as a case study the concepts and artifacts of Lianosovo school of painting, conceptualism, fiction and documentary art house. He deliberately avoids binary opposition in assessing the opposing parties. He calls for the change in intellectual paradigm and rejection of perceiving the Soviet history as a fight between totalitarian and non-totalitarian segments of the society. He asserts that in the future more sophisticated research

techniques will be developed, which will stop reducing the picture of social relationship between social and political opponents to repression.

Ключевые слова: изображение, вербальность, актуализация, про-бел, визуализация, познавательный элемент, мобилизационное общество, кризис, репрессии, реализм, анти-эстетика, экспрессионизм, минимализм, колористичность, символ, образ, метафора.

Key words: imagery, verbality, actualization, gap, visualization, cognitive element, mobilization society, crisis, repression, realism, anti-esthetics, expressionism, minimalism, colouring, symbol, image, metaphor.

Во второй половине 60-х гг. офицер-политработник, участник Великой Отечественной войны, поведal в приватной беседе начинающему журналисту, автору этой статьи, что после того, как Советская Армия, изгоняя фашистские полчища, пересекла границы СССР, в ГУПП РККА¹ обсуждался вопрос, каким образом актуализировать политико-воспитательную работу с контингентом воевавших в Европе советских войск, чтобы максимально снизить у бойцов и командиров позитивное впечатление об уровне обустроенности и материального достатка стран, армии которых они побеждали. Ожидали от прошедших с боями пол-Европы соотечественников по возвращению на Родину роптаний, не исключали и политических акций, но — обошлось.

Уставшие от войны люди не требовали перемен. Этот лозунг, позаимствованный из названия песни «Перемен!» лидера рок-группы «Кино» Виктора Цоя, возникнет позже, в горбачевскую перестройку. Ветераны в конце 40-х лишь скромно напоминали соотечественникам, прежде всего — власти: «Кто воевал, имеет право, у чистой речки отдохнуть»². При этом не жалели сил, поднимая из руин страну, обустрaивая свой скромный быт.

То время в повседневных делах и чаяниях современников, в деталях их быта и межличностных отношений с уважительным тщанием и любовью отобразил фильм «Два Федора»³. Произведение скорее нетипичное в чреде героико-патриотических кинолент.

Кинематограф послевоенной поры — особая статья. Необустроенность быта, скудность досуговых развлечений буквально выгоняли людей в «киношку». Никогда более отечественный кинопрокат не повторит таких показателей посещаемости на одну киноустановку.

¹ Главное Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии.

² Парафраз строфы из стихотворения И. Молчанова «Свидание»: Тот, кто устал, имеет право // У тихой речки отдохнуть.

³ «Два Федора». Мелодрама. Режиссер — М. Хуциев, сценарий — В. Савченко, оператор — В. Тодаровский. Гл. роли: В. Шукшин, Т. Семина. Одесская киностудия. 83 мин. 1958.

Во многом изложенные причины убедили нас ограничить это исследование изобразительным материалом, оставив в стороне столь важный для понимания советского диссидентского движения литературный процесс. К тому же, его до нас уже основательно исследовали историки, социологи, политологи и сами литераторы, серьезно интересующиеся движением политического и эстетического протеста советской неконформистской интеллигенции постсталинского периода.

О влиянии литературы и отчасти кинематографа на гражданское становлении тех наших соотечественников, кого впоследствии на разных временных отрезках назовут «шестидесятниками», «поколением застоя», «прорабами перестройки» сказано и написано немало. О социально-политическом воспитании живописью не сказано почти ничего. Возьмем на себя смелость частично заполнить пробел.

И еще. На наш взгляд, именно в пятидесятые началась невидимая, пролонгированная переориентация «мыслящего тростника» страны с литературоцентричной культуры на изобразительную. Складывался новый тип молодого художника (в широком смысле слова), исследователя и, естественно, массового потребителя культуры. Переходную двойственность этой генерации четко уловил философ, писатель и композитор В. Мартынов: «Я начал по-настоящему осознавать себя в тот момент, когда одна культурно-цивилизационная парадигма стала менять другую, а именно: когда вербально ориентированная парадигма начала сменяться визуально-ориентированной»⁴.

Подтверждающее этот вывод «полевое социологическое исследование» мог провести каждый элементарно наблюдательный житель страны, проживавший в ней с 50-х г. до наших дней. Для этого надо было спуститься в метро и обратить внимание на то с какого носителя считывают информацию пассажиры по время поездки. Ответ очевиден и однозначен: с бумажного — газеты, журналы, книги. Также очевиден ответ, с какого считывают теперь — с т. н. «гаджетов». При этом в подавляющем большинстве случаев, это не появляющийся на экране текст, а аудиовизуалика.

К 70-м по весьма приблизительной (иная в данной ситуации невозможна) статистике более половины написанных в СССР текстов относились к сценариям. Конечно, не только и не столько сценариям кинофильмов, как аудиовизуалики в целом.

⁴ Мартынов В. Время Алисы. М., Классика XXI, 2010. С. 5.

И все же не кинематограф, требующий специальных условий показа, в домашних условиях невозможный⁵, а живопись становится в СССР раннего послевоенного периода неформальным изобразительным символом. На наш взгляд, живопись «малых голландцев».

Этот феномен, к которому относится большинство голландских живописцев XVII в., отражал немудреные эстетические пристрастия, душевное состояние большинства советских людей. Малые по размеру полотна, ибо предназначались они для жилищ граждан, тщательно выписанные, с простым, понятным всякому зрителю сюжетом, будь то бытовая сценка, изобразительная шутка или натюрморт, что говорится, «легли на душу» и маршалу, и рядовому. И потекли в СССР в качестве личных трофеев полотна голландских «мастеров обыденности» А. ван Остаде, А. Паламедеса, Г. Терборха, П. де Хоха, П. Поттера, Ф. де Мушера и др. Уловив конъюнктуру, художники в СССР принялись на потоке копировать «малых голландцев», а тем, кому и копии были не по карману, магазины канцтоваров предлагали «малоголландские» литографии и совсем общедоступные цветные типографские оттиски.

Почему именно «малые голландцы» через три столетия обрели столь значимую эстетическую и житийную роль, да еще в далекой, всегда загадочной для европейцев России? Укажем на свое усмотрение три причины:

— *иностранный происхождение* живописных полотен. Так устроен в массе своей русский человек, что чужое, инородческое влечет его больше, чем свое, доморощенное;

— *принадлежность истории* изображенных в картинах сюжетов. Познавать вчерашний день, дополняя фантазией утраченные временем пустоты, поправляя и дописывая события, свидетелей которым давно нет в живых, занятие и увлекательное, и ласкающее самолюбие. Кто же откажется хотя бы на малый срок стать творцом и повелителем канувших в Лету судеб;

— *познавательный элемент*. Почти все, что отражено в картинах «малых голландцев», от трехмачтовых океанских бригов до изящного серебряного ножичка для фруктов с ручкой слоновой кости было незнакомо подавляющему большинству советских людей. Отсюда желание подолгу вглядываться в мельчайшие детали запечатленного вещественного мира, сознательно или бессознательно примеряя его к своему прогорклому унылому бытию.

⁵ Пройдет немного времени, и уже телевидение потеснит слово: телерепортаж урежет пространство радиорепортажа, кинофильм в ещё большей мере заменит роман; пресловутый «ящик» станет и окном в социальный мир, и домашним кинотеатром.

Но главная причина — это доминантная для живописи «малых голландцев» тема *устойчивого покоя*. Борьба, разного рода социальные и корпоративные противостояния, конфликт как таковой и даже труд отсутствуют на их полотнах. «В живописи малых голландцев нет ничего героического, однако настоящему поэту не нужен особый повод для создания стихотворения; для него сама жизнь, ее бесконечные проявления и есть неисчерпаемый источник творчества. Вот в этом и заключается главная заслуга малых голландцев — они подняли ценность обычной, повседневной жизни на недостижимую до этого высоту. И, возможно, остались в этом непревзойденными»⁶.

Это что касается эстетического и бытийного аспектов феномена «малых голландцев». Что до социально-политического, латентно диссидентского (в контексте нашего исследования), то эти аспекты не столь проявлены, отсюда неочевидны и посему спорны. И все же изложим свою версию.

Конец 40-х гг. озаменован если и не свертыванием *мобилизационного общества* (оно по мнению социолога Ю. Левады наступит значительно позже, в первый постперестроечный кризисный перелом и будет характеризовано социальной ситуацией, при которой «монополия власти выступает единственным источником общественной активности, политический лидер — главный фактор перемен, общество не структурировано, политические интересы не организованы»⁷), то, по крайней мере, попыткой прогрессивной части властных структур ослабить вожжи тоталитарного правления. Тот факт, что не прошла и была погашена в течении трех месяце (январь-март 1953 г.) очередная волна политических репрессий, т. н. «дело врачей-вредителей», убедительно свидетельствует об этом. Оклеветанные врачи были выпущены на свободу, полностью реабилитированы и восстановлены на руководящих должностях в ведущих медицинских учреждениях страны.

Когда ослабевает надзор власти, когда появляется какой-никакой досуг, нормальному человеку естественно потратить часть этого времени на размышления. О себе, своей стране, о ее прошлом и будущем.

Могло ли в сознании советских людей, большинство из которых прошли ад самой жестокой и кровопролитной в мировой истории войны, кто обогатился новым знанием, в том числе и о возможности иной, нежели в своей стране, структуры и наполнении социальной жизни, возникнуть в качестве реакции на едва приметные

⁶ Костыря М. Малые голландцы // Поэзия повседневности. СПб., 2002. С. 25.

⁷ От мнения к пониманию // Социологические очерки 1993–2000. М., Мониторинг общественного мнения. 2000. С. 25.

послабления предвидение, в конце концов — *предчувствие* грядущей неизбежности кардинальных социально-политических катаклизмов? Могло ли *социальным индикатором* этих предвидений-предчувствий стать увлеченное на дальних подступах к переменам изменение тренда на трансформацию общественно-политических предпочтений масс? Могли ли изменения эти являть собой скрытое, а большинством народа еще даже не осознанное стремление к возврату в буржуазность?

Вопросы чрезвычайно сложные, требующие тончайшего социально-психологического анализа. К тому же анализа массового сознания (коллективного бессознательного) уже не существующего в социуме поколения. И все же то самое пресловутое предчувствие — родная сестра предвидения, понуждает положительно ответить на них.

Напомним, до ползучей антисоциалистической буржуазной контрреволюции, если таковой считать горбачевскую перестройку и последовавшее за ней радикальное неолиберальное реформирование, контрреволюции, «отменившей» социализм в угоду капитализму, оставалось менее полувека...

Выходит, «малые голландцы» как посланцы грядущей буржуазности оказались в нашей стране еще и одними из первых художественных диссидентов! В компании с символическими канарейками В. Маяковского, которым этот Робеспьер Октября советовал свернуть головы: «Скорее // головы канарейкам сверните — // чтоб коммунизм // канарейками не был побит»⁸...

Официальная советская живопись популяризирует в это время не обывательское умиротворение, а боевитый историко-революционный жанр. В 1950 г. группой художников создана большая картина «Выступление В.И. Ленина на III съезде комсомола» (Сталинская премия I ст.), которую критика объявила эталоном. Картины «Возвращение» В. Костецкого, «Письмо с фронта» А. Лактионова (Сталинская премия I ст.), «Отдых после боя» Ю. Непринцева (Сталинская премия I ст.) и др. продолжали тему минувшей войны. Монументальный жанр активно осваивал не только экспозиции музеев и галерей, но и стены и купольные потолки станций метрополитена, интерьеры иных общественных зданий, покрывая их парадными живописными фресками и мозаиками, украшая соответствующей по пафосу скульптурой малых форм.

В такой, казалось бы, консолидированной обстановке тотального парадного соцреализма вызрела в бараке вблизи подмосков-

⁸ Маяковский В. О дряни. В кн. Маяковский В. Навек любовью ранен. М., 1998.

ной станции Лианозово творческая группа художников и поэтов, исповедующая в отражении окружающего мира неприятие официальной советской эстетической традиции. Практически каждый «лианозовец» мог вслед за А. Синявским заявить: «У меня с советской властью шли в основном эстетические разногласия»⁹.

За «Лианозовской группой» тотчас был установлен административный надзор, но от репрессий власть воздержалась; друг физкультурников, вождь народов уже покоился в мавзолее на Красной площади.

К тому же сами «лианозовцы», по крайней мере, на первых порах, не декларировали интереса к социальным проблемам, им не был свойственен социальный критицизм. Неверно было бы соотносить их поиски с более поздней практикой критического реализма художников 1960-х. Скорее они страшились современности и бежали от нее. Главное, что составляло для них интерес — это эстетика, в канонах официального советского искусствоведения — «анти-эстетика»¹⁰.

Нервная, ломанная изобразительная манера, близкая немецкому экспрессионизму 30-х, мрачные тона превращали в «гротески» полотна художников «лианозовской школы» О. Рабина, Н. Вечтомова, Л. Мастерковой, Л. Кропивницкого, В. Немухина. От этого декларирующие уход от социальных проблем творцы, объективно становились в позицию критиков власти. Гротеск, не говоря о сатире, был крайне опасен тоталитарному обществу.

На гротеск «лианозовцы» не скупались. Рожденная в бараке живописная школа раз за разом в работах своих адептов тиражировала барак, пока ни стал он Баракком — символом, а затем и метафорой безысходной неустроенности социальных низов советского общества.

Чего только стоит полотно О. Рабина «Оптимистический пейзаж»! Так художник ернически назвал особо выдающийся по экспрессивной изломанности линий барак с покосившейся дверью и подслеповатыми оконцами, окрашенный в желтый цвет пустыни. Мало того, что он уродлив, он не удержался в пределах картинной рамы и, вырвавшись за ее пределы, в обе стороны неведомо на сколько распростер свои дощатые, с облупившейся штукатуркой, стены-клешни. На полстраны, возможно. На Подмосковье — точно.

Наша воля, именно бы этот барак утвердили гербом, «лейблом» мрачного Лианозово...

⁹ Синявский А. Диссидентство как личный опыт. // Синтаксис. № 15. Париж. 1985.

¹⁰ Веснина Б. Лианозовская школа // Энциклопедия Кругосвет — www.krugosvet.

«У забора проститутка. // Девка белобрысая. В доме 9 — ели утку // И капусту кислую. Засыпала на постели // Пара новобрачная. // В 112-ой артели // Жизнь была невзрачная».

Кто виноват и что делать? Эти «вечные» для российской жизни вопросы от революционного демократа Н. Чернышевского всплывают в сознании после прочтения вышеприведенного стихотворения «лианозовского» поэта и живописца Е. Кропивницкого¹¹.

Конечно, всегда и во всем виновата советская власть. Но, может быть, стоит хотя бы разок взглянуть и на себя в мутное зеркало барачного платяного шкафа?..

Изучая в свое время русский физиологический очерк 1830–1840 гг., автор проштудировал тексты, рассказывающие о «малой промышленности московской», у которой в житейском, да и профессионально-производственном планах оказалось много общего с обитателями таких вот собирательных окраинных «Лианозово» недавних советских времен. Пожалуй, кардинальным образом отличало лишь наличие у тех делателей малой промышленности московской из XIX в. Свободы. В нашем случае — экономической. Боже, какое важное отличие! Именно свобода предпринимательства, возвращенная еще в предшествующих поколениях приверженность принципам субсидарности, ответственности за себя, свою семью, свое сообщество и позволяла малой промышленности московской, «<...> которая от роду не учась ничему, берется почти за все, существуя везде <...>»¹² не только выживать, но и сохранять то, чего лианозовцы, судя по стихотворной зарисовке Кропивницкого, неуклонно лишались: достоинства и высоких нравственных императивов. «Порядок удивительно как скрывает темные пятна нищеты, а бережливость дает мелкой промышленности средства позволить себе иногда кое-какие удобства в жизни. Редкий день пройдет без чаю; <...> и ни один нищий в праздник не отойдет от окна человека не многим богаче его без посильного подаяния»¹³.

Отчего бы обитателям лианозовских барачков не позаимствовать опыт делателей малой промышленности московской? Или поискать иные эффективные формы трудовой самоорганизации? Примеры тому были и в суровое время тотального контроля советского государства над личностью¹⁴.

¹¹ Кропивницкий Л. / В статье Б. Весниной «Лианозовская школа». // Энциклопедия Кругосвет — www.krugosvet.ru. Последнее посещение — 23.04.2019.

¹² Кокорев И. Мелкая промышленность в Москве. // Очерки Москвы 40-х гг. Л., 1932. С. 65.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Объективности ради, отметим, что советская власть познесталинского и раннего постсталинского периодов позволяла внегосударственные формы труда. По данным Госстата СССР рыболовецкие, ста-

Но не в форме организации труда, скорее всего, коренится причина длящегося из поколения в поколение жалкого существования посадского люда, проживающего рядом с опальными художниками и поэтами. (Напомним, что вирши Кропивницкого живописуют не государственных рабочих, а работников некой 112-й артели!). В непреодолимой русской лени причина, — с удовольствием укажут русофобы-либералы. В бессребреничестве, не стяжательстве тех же русов — поправят патриоты-почвенники.

Возразим обеим: это частности. Причина в том, что утратил народ-богоносец еще со времен татаро-монгольского ига чувство Хозяина. Своей судьбы, своей Земли. Очень хочется верить, что первые «не поротые» поколения, родившиеся в новой России, наконец восстаноят «дней связующую нить»¹⁵...

В отношении художественных результатов «лианозовская школа» не оставила заметных следов в искусстве. Критика и искусствоведение за годы существования группы даже не выработали четко-го, общепризнанного определения того художественного направления, которого они придерживались. Эстетизм, минимализм, поставангардизм, нонконформизм, «эпос маргинальной жизни» (В. Кулаков) — эти определения от доброжелательно настроенных к группе критиков и теоретиков так и не прижились к их творчеству в силу расплывчатости и чрезмерной универсальности. И, зачастую, осознанного нежелания каждого из членов опального сообщества художников сбиваться в стаю, исповедовать единые творческие принципы.

По высказываниям «лианозовцев», их объединяла несвобода и желание свободу обрести. Для начала хотя быту свободу, которую И. Берлин определил, как негативную, «свободу от»; в их случае — внешнего вмешательства, в особенности государственного аппарата¹⁶.

Недоброжелатели оказались конкретней. Была опубликована серия статей, не то чтобы критической — хамской коннотации. Вот их заголовки: «Жрецы помойки № 8», «Дорогая цена чечевичной похлебки», «Бездельники карабкаются на Парнас» и т.п. Дошла очередь и до оргвыводов. В 1963-м г., вскоре после посеще-

рательские, занятые лесоповалом, сбором вторсырья, заготовкой дикоросов и др. артели, держатели патентов в городах: т.н. «холодные» сапожники, чистильщики обуви, портные, массажисты, костоправы, гомеопаты и иные частные предприниматели в разные годы вносили в копилку ВВП страны от 3 до 5%! Очерк известного публициста Ю. Черниченко «Помощник-промысел» об успехах промысловых бригад мясницкого колхоза «Большевик» был опубликован в самом популярном «толстом» журнале «Новый мир» (№ 8, 1966), что по тем подцензурным временам означало, что он одобрен партийно-советской властью и рекомендован хозактиву как положительный пример.

¹⁵ Порвалась дней связующая нить. // Как мне её концы соединить! *Шекспир У. Гамлет. Акт I, сцена V.* / Пер. Б. Пастернака.

¹⁶ Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19–43.

ния Н. Хрущевым выставки в Манеже, из Союза художников СССР был исключен «лианозовец» Е. Крапивницкий. Уволен за формализм. Определение было спущено сверху — «формализм». Вскоре его в отношении «лианозовцев» приняли на вооружение искусствоведы.

И все же, в активе опальных художников есть общественно ценные достижения. Они весьма успешно проявили себя просветителями и культуртрегерами. «По воскресеньям в лианозовском бараке проходили своеобразные живописные выставки, где можно было и посмотреть чужие работы, и показать свои собственные. Говорили об искусстве, обменивались мнениями, спорили. Среди постоянных посетителей были киносценарист С. Лунгин с женой (Лилей, известным переводчиком, подругой Астрид Линдгрэн — Ю. Г.), ярый поклонник новой живописи литературовед Л. Пинский. Приезжали в Лианозово поэты Б. Слуцкий, Л. Мартынов, Назым Хикмет. Посетил одну из воскресных выставок И. Эренбург, не высказавший, однако, напрямую своего мнения о картинах¹⁷.

Так без ярких взлетов, но усердно и добросовестно из года в год трудилась «лианозовская группа», «официально не запрещенная, но и не разрешенная вполне» (А. Чехов). Пока близко перед самороспуском группы пассионарий О. Рабин ни «хлопнул дверью», совершив антисоветскую акцию. Ею стала картина «Неправда». На фоне погруженного в мрак поселка бараков, на окраине которого полыхает пожар, на переднем плане на обрывке первой полосы газеты «Неправда» возлежит протухшая рыбина. Стоит ли говорить, что дизайн этой несуществующей газеты повторяет дизайн парвополосной «шапки» партийной «Правды»?

Перефразируя классика, можно сказать, что «лианозовцы» в какой-то мере «разбудили» концептуалистов, подготовили их приход.

С точки зрения науки, концептуализм является одной из двух процедур в познавательной человеческой деятельности. «Концептуализация (conception) — мыслительный инструмент праксиологии; понимание-интерпретация (understanding) — специфическое средство истории. Парапсихологическое познание понятийно. Праксиология обращается к необходимым сторонам человеческой деятельности. Это познание универсалий и категория¹⁸».

Стремительно набирающий массовую популярность и признаки «высоколобох», концептуализм — «познание универсалий

¹⁷ Веснина Б. Лианозовская школа // Энциклопедия Кругосвет — www.krugosvet.ru. (Последнее посещение — 23.04.2019).

¹⁸ Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность. М., СОЦИУМ, 2012. С. 32.

и категорий» совершил воистину революцию в изобразительном искусстве. Его эпатазирующие массового зрителя принципы содержат отказ от представления красоты в классическом, реалистическом смысле. Красота как эстетическая категория игнорируется в угоду извлечения смыслов и передачи идей творца. Как следствие, обесценивание живописного мастерства.

В наибольшей мере этот постулат проявился в творчестве представителей т.н. «соц-арта». Например, у Э. Пулатова в картине «Слава КПСС», где голубое небо почти полностью заслоняет кроваво-красный одноименный лозунг, нарочито выполненный стандартным плакатным шрифтом, вообще отсутствует какая-либо фигуративность, зато сверх меры неприятия власти руководящей партии;

— сокращение материального присутствия в картине до абсолютного минимализма (Как тут не вспомнить «Черный квадрат» К. Малевича?!);

— создание «искусства о самом себе»;

— стремление к живописи, которая не вызывает переживаний на эмоциональном уровне; картины создаются для интеллектуального восприятия.

Антисоветская, диссидентская направленность концептуалистов уже не скрывается ими, а декларируется открыто. Отчасти это обусловлено несколько большей, по сравнению с периодом «лианозовцев» либерализацией правящего режима, но главное — массовой ориентацией художников на Запад. Диссидентство в СССР приобретает признаки *профессиональной деятельности*¹⁹. Антисоветская направленность произведений — продажа их за рубеж — накопление капитала — эмиграция — вот схема «дорожной карты» ряда советских концептуалистов.

Естественно, что неприятие таких деятелей изобразительного искусства со стороны власть предержащих обретает все более жесткий характер. А как, спрашивается, можно отнестись, скажем, к перформансу А. Косолапова «Котлеты «Правда», в ходе которого художник и его ассистенты перемалывают в подобие котлетного фарша... номера партийной газеты «Правда»?

Критическое неприятие концептуализма демонстрировали не только идеологические функционеры партийного аппарата и советской власти, кому такая позиция вменялась служебным статусом, но и деятели культуры. Так философ, художник, писатель М. Кантор подверг не просто остракизму, но и сатирическому ос-

¹⁹ Процесс этот детально и художественно убедительно описан Л. Улицкой. (Улицкая Л. Зеленый шатёр. М., АСТ, 2016).

менянию этот вид художественного творчества. Чего только стоит художник-концептуалист, гастролирующий по России с перформансом, в котором он демонстрирует публике... соитие со скунсом! Но, будем справедливы, большинство интеллигенции положительно воспринимали и продолжают воспринимать этот вид искусства.

Мы отнюдь не намерены начинать полемику в системе бинарной оппозиции: хорошо — плохо, правда — ложь. Время уже многое расставило по своим местам. Интеллектуальная парадигма, относящаяся к «антитоталитарной» модели советской истории, под влиянием социологических, а затем и культурологических дополнений теперь изучает более сложные технологии власти, которые не сводятся к властному насилию и прямому противостоянию ей оппонировующих социальных страт. «Политические явления перестали рассматриваться как нечто исключительное, существующее лишь в виде особых проявлений или в особых местах (например, в партийном аппарате или в кругу диссидентов), а приобрели черты обыденности; политическое стали находить в контексте обычного существования обычных граждан»²⁰.

Можно лишь приветствовать дальнейшую демократизацию и расширение исследовательского подхода и методологий; они сулят, на наш взгляд, возможности воссоздать более объективную историю советского диссидентства...

В отличие от живописи андеграунда, советский кинематограф начального этапа постсталинского периода демонстрировал умирительную лояльность к власти. Поскольку в обстановке «преодоления последствий культа личности» кинематограф — «важнейшее из искусств» — совершенно без социальной критики обойтись не мог, критика на киноэкране строго дозировалась и, главное, направляла свое острие на совсем уж ничтожных персонажей социума. Таких, как директор Дворца культуры Огурцов (И. Ильинский) из «Карнавальная ночь». Никчемный провинциальный начальник строительства Нехода (А. Грибов) из кинофильма «Верные друзья». Директор пионерского лагеря товарищ Дынин (Е. Евстигнев) из «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». Разного рода коллизий в этих кинофильмах более чем достаточно, чтобы участвующие в них нерадивые чиновники саморазоблачились на глазах зрителя и были наказаны их, зрителей, смехом. Для дидактической полноты урока драматургия кинофильма предусматривала еще и наказание нерадивцев, как говорится, «не отходя от кассы», вышестоящими правильными руководителями.

²⁰ Беляев А. Предисловие // В кн. А. Юрчак. Это было всегда, пока не кончилось / Последнее советское поколение / Пер. с англ. М., ИЛО, 1014. С. 9.

Те прислушивались к голосу местной советской молодежи, борющейся с бюрократом, и прерывали его служебную карьеру.

Не только комедии использовали сей незамысловатый прием. Прибегали к нему и создатели кинодрам. Драматургическая схема та же, но, как говорится, «фактаж» посерьезней. Да «Бог из машины» — восстанавливающий «принципы социалистической законности» или помогающий людям разобраться в важных для них вопросах руководитель — весомей, художественно достоверней. Такую серьезную роль поручали актеру всенародно любимому. Алексею Баталову, например, («Свет далекой звезды»). Его секретарь горкома Петр Лукашев, обаятельный, интеллигентный, недавно избранный на столь высокий пост и ничем не запятнавший себя в неприглядных делишках периода культа личности Сталина, решает вопрос по-человечески трогательный, пронзительный, с судьбой опаленного войной человека связанный. И хоть решить по не зависящим от него обстоятельствам не может (любимая женщина, которую с войны ищет обратившийся за помощью в горком герой фильма погибла уже в мирное время при взрыве секретной лаборатории), не возникает сомнений, что такой партиец для людей, в принципе, многое сможет, ибо наш, свой...

Массового зрителя устраивал сложившийся в стране уровень критики общества. «Большинство советских людей чувствовали себя вполне свободными, потому что освоились в обществе, в котором жили. <... > Советский социальный костюм 60–70-х гг. «не жал», потому что прежний — довоенного образца — был слишком тугим»²¹. Они воспринимали доступную им свободу как позитивную (в квалификации И. Берлина)²², т. е. «свободу для». Для развития личности, освоения навыков эффективной работы, для построения успешной карьеры и т. п. И лишь незначительная часть общества стремилась трансформировать единственно разрешенную им позитивную свободу в негативную — «свободу от», то есть от внешнего вмешательства, в особенности вмешательства государственного аппарата.

Казалось бы, силы настолько не равны, что нет никак причин власть предрержащим тревожиться о завтрашнем дне. Но история учит: радикальные перемены в обществе готовят и свершают не миллионы инертных, а авангард нации, немногочисленные отряды пассионариев.

Идейно-политические требования цензуры к произведениям искусства в Советском Союзе были одинаковые, но онтологиче-

²¹ Шубин А. Тайны советской эпохи // Диссиденты, неформалы и свобода в СССР / М., ВЕЧЕ, 2008. С. 4.

²² Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19–43.

ские особенности разных видов искусств помогали творцам некоторых из них иногда обходить строгих цензоров. Чаще других это удавалось кинематографистам. Вот некоторые из причин, по которым аудиовизуалика в отношении цензурной уязвимости оказалась предпочтительнее статичных изобразительных артефактов.

1. Скоротечность аудиовизуального изображения порождает более поверхностное восприятия содержащегося в нем смысла, нежели константность живописного полотна, листа графики, скульптурной композиции. Следовательно, по отношению к последним у цензора больше возможности подробно рассмотреть статичные артефакты и вынести по отношению их художественное, смысловое и т. д., вплоть до идейно-политического, суждение.

2. Живописная картина, как правило, монотематична и моноколористична, что в значительной мере определяет ее оценку зрителем. У него не возникает сомнений в том, что мир Иеронима Босха враждебен человеку. Как, скажем, и диссидентский мир сов-арта Комара и Меламида. Содержание же кино-видеопроизведения шире, социальные краски отображаемого им мира полихромны, отчего и смысл итогового произведения в той либо иной мере анбивалентен.

3. Символика живописной картины, если, естественно, таковую можно обнаружить и определить ее смысл, единична и однозначна и от этого не предполагает внутренней полемики различных частей произведения. Кино-видеоартефакт, напротив, чаще всего демонстрирует полифонию, симфонизм символических смыслов, из которых в итоге складывается (или не складывается) единая на все произведение метафора.

4. Развивая мысль предшествующего пункта, акцентируем внимание на «понижающем коэффициенте давления на зрителя *социальной критики*». Коэффициент не определяется в этом случае математическими величинами, а исключительно ментальными ощущениями творца.

Почти всегда создатели фильма имеют возможность разбавить «чернуху» социальной жизни на экране, изобразив позитивную альтернативу. Чаще всего такого рода «разбавителем» становится оптимистически окрашенный финал. После безымянной девочки на берегу моря, символизирующей в финале оscarоносной «Сладкой жизни» Ф. Феллини надежду на будущее поколение, десятки отечественных отроков и отроковиц в заключительных кадрах советских кинофильмов резво побежали по пустынным, избавившимся от социальной скверны (или не тронутым ею), берегам.

Возможно ли в статичном живописном произведении добиться эффекта «Понижающего коэффициента»? Пожалуй, в редких дип-

тихах, триптихах и еще более редко встречающихся гигантских, перенасыщенных персонажами изобразительных композициях, подобных мистериям И. Глазунова.

Полифония изобразительных образов неотделима от полифонии смыслов. Но для того, чтобы добраться до главного из них, ради которого и создавалась живописная картина или снимался кинофильм, нужно вычленив из созданного живописцем или кинорежиссером художественного пространства букет метафор, правильно прочесть их, в доступной мере интеллекта интерпретировать, убавить свет мыслительных прожекторов с периферийных, проходных, подсветить главные, выступающие катализатором процесса, и только тогда откроется смысл происходящего на экране.

В качестве примера пройдемся по цепочке приращения смыслов при отражении исторической действительности на примере кинофильма «Июльский дождь»²³. Точнее, эпизода этого фильма «В типографии». В ходе него героиня — инженер-полиграфист — ведет производственный разговор с коллегой на фоне остановленной на какое-то время по технической причине типографской печатной ротации. Такая машина за малое время способна отпечатать тысячи и тысячи листов текста или изображения. В нашем случае — глянцевого листов... Моно Лизы!

Аудиовизуальное изображение девальвированного от массового тиражирования гениального шедевра Леонардо да Винчи, помещенное создателями фильма на периферию кадра «Июльского дождя», становится в социальном плане метафорой времени уцененных ценностей, несбывшихся ожиданий, а в плане межличностных отношений героев, отношений Мужчины и Женщины — предчувствием финала их критически истончившихся сердечных чувств.

Что определило такое сценарно-режиссерское решение: знание научных сентенций Вальтера Беньямина²⁴ или художественное прозрение? Было у автора статьи поползновение спросить об этом Анатолия Гребнева и Марлена Хуциева, но — воздержался... Иногда недосказанность ценнее полной ясности.

Метафора в пространстве-времени кинофильма «Июльский дождь» естественна и оттого временами даже трудноразличима. Высший класс кинематографической профессии! Но, что наособицу ценно, она почти всегда социальна!

²³ Драма. Сценарий — А. Гребнев, М. Хуциев. Реж. — М. Хуциев. Оператор-постановщик — Г. Лавров. Музыка — Б. Окуджава, Ю. Визбор. В главных ролях: Е. Уралова, А. Белявский, Ю. Визбор. «Мосфильм», 1966, 107 мин.

²⁴ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Избранные эссе / Немецкий культурный центр им. Гете «Медиум». М., 1996.

Эпизод прогулки компании приятелей по лесу. Зрителю не запомнятся не то что частности, даже основной смысл разговора, который ведется на экране, но надолго останется в памяти оглушительный рев моторов истребителей, пролетающих над лесом. Сами боевые самолеты не возникают на экране, слышен только их раз за разом усиливающийся агрессивный звук. От этого тревога усиливается, ибо то, что тревожит, обретает невидимую, почти что мистическую форму.

Настойчивый повтор сформировал звуковую метафору времени политического и силового противостояния двух миров, двух политико-экономических альянсов. Возникла вполне диссидентская реакция: чтобы преодолеть эскалацию страха, пора, уважаемый Кремль, перековывать мечи на орало, договариваться с капиталистическими соседями о совместном разоружении и жить дальше пусть и не в любви, но в мире и согласии.

Так, нанизывая на нить сюжета локальные метафоры, создатели фильма складывают ожерелье, которое становится главной метафорой киноповествования. Суть ее проста и гуманна надеждой: так жить в своей стране взрослому, неглупому и, слава Богу, пока здоровому гражданину недостойно, если так, то самое время будить, встряхивать Отечество, менять в нем ритм бытования и смысл целеполагания. И начинать, конечно же, следует с себя.

Метафора отличала и лучшие документальные кинофильмы советской поры. Сохранить в 70-е–80-е годы диссидентский дух, диссидентский подтекст зачастую возможно было лишь благодаря упрятанной в кинохронику метафоре.

Небольшой литовский городок. На базе средней школы кинодокументалисты создают модным в те времена методом кинонаблюдения летопись одного класса²⁵. Регулярно наезжают в эту школу и берут у своих подопечных интервью. Мы видим, как раз от раза снижается градус восторженного оптимизма у будущих граждан республики, страны. Как неустроенный быт в семьях, проблемы родителей, несправедливости, с которым уже столкнулись ребята, неизбежное социальное расслоение в их среде преждевременно гасят их социальный энтузиазм.

Последняя командировка. Ребята окончили школу. Кто-то уехал из родного городка, но большинство остались. Работают, некоторые обзавелись семьями. Интервью с повзрослевшей девочкой, мечтавшей стать биологом. Теперь она работает киоскером в киоске «Союзпечати». Интервью, т. н. «говорящая голова» пере-

²⁵ Из-за нынешнего заграничья Литвы и раздела в своё время совместных советских кинофондов, получить литовскую фильмографию не представляется возможным.

бивается кадрами утренней торговли свежей прессой. По использованной оператором длиннофокусной оптике, ясно, что эпизод не постановочен, а наблюден с расстояния. Монотонный безразличный голос за кадром. Кадр же в это время фиксирует доведенное до автоматизма «профессиональное» действие киоскера: ладонь в вязанной перчатке, у которой отрезаны по вторую фалангу пальцы, принимает от покупателя мелочь, кладет ее в пластиковую коробку, берет из стопки газету и подает в окошко. Темп высок, ведь у киоска скопилась очередь спешащих на работу мужчин. Оператор укрупняет кадр, в котором теперь крупно ладонь с мелочью; приняла — опустила в коробку. Приняла — опустила... Раз — два, раз — два...

Вот она, спасительная для выявления смысла фильма метафора: *мелочь, на которую жизнь разменяла мечту.*

Спасительная для смысла, но трагическая для прокатной судьбы.

Мог ли такой вывод устроить тогдашнее советское киноначальство? Ответ очевиден. В результате отправленный на пресловутую «полку» фильм, т.е. отказ ему в разрешительном удостоверении для проката.

Зарубежные коллеги-кинодокументалисты никак не могли взять в толк наше пристрастие к метафоризации. Сердились; зачем, мол, тратите время, усилия и киноленту на бесполезные выкрутасы? Призвание кинодокументалистики — фиксировать, а не художественно отображать Время.

Мы чаще всего согласно кивали, смущенно пожимали плечами. Знали бы они как настойчиво начальство просило нас, как уговаривало, в конце концов приказывало фиксировать тогдашнее время, советское бытие не в поношенных одеяниях будней, а «при параде» перманентного праздника. Ну, таким, каким оно должно быть и, следовательно, будет в коммунистическом завтра...Пресловутый соцреализм в Советском Союзе был тотален и не допускал возле себя малейшего инакомыслия и иного художественно восприятия действительности.

Вот так, в художественной метафоризации, ее критическом осмыслении рождалась та изобразительная информация, которая по нынешнюю пору формирует процесс познания новейшей истории Отечества постсталинского периода.

Что касается извлечения смыслов из художественных изобразительных артефактов и аудиовизуалики, которые сознательно упрятали их создатели диссидентской направленности от строгого ока политической цензуры, то объектом этого мыслительного процесса является анализ неоднократно упомянутой нами *метафо-*

ризации и таких художественно-образительных тропов как *подтекст* и *аллюзия*. Возможно такая технология лишь при доскональном знании исследователем не только легального «текста» эпохи, но и андеграунда; для того, чтобы уяснить *что имел в виду* творец (подтекст), на какой конкретный факт, явление, идею *указывал намеком* (аллюзия) надо знать параллельные реалии современности, в которой создавался артефакт, а также возможные аналогии артефакта этого в истории.

Сама история в общепринятом варианте недолговечна даже будучи зафиксированной официальными легальными источниками. Что уж говорить о параллельном, тем более андеграундном, диссидентском ее зазеркалье? Оттого подтексты неизбежно уходят из активной художественной практики вместе с вызвавшими их социально-историческими реалиями. Намеки же аллюзий чаще всего теряют в понимании новых генераций конкретику, возвращаясь к изначально присущей им вариативности.

Теперь, пожалуй, лишь специалисты в области английской литературы способны раскрыть смысл тех многочисленных аллюзий, отсылов на конкретные события и факты британской жизни XVIII в., которыми насыщен роман Д. Свифта «Приключения Гулливера». Так же, как не всколыхнут души и сознание большинства наших современников тексты журнала «Новый мир» № 1 (1995). А ведь цензура задержала его выход на несколько месяцев и лишь личное вмешательство Л. Брежнева помогло журналу прийти к читателю.

Со способностью читать (видеть, слышать) «между строк» и верно определять авторские отсылы, дело обстоит, как с музыкальным слухом: он либо есть, либо нет его. Правда, в какой-то мере и то, и другое можно развить в себе упорным трудом. И труд этот, заметим, не останется втуне.

В современной России нет надобности в подтекстах и аллюзиях при создании художественных, публицистических и иных текстов и артефактов. Страна дожила до той степени свободного высказывания своими гражданами мыслей и чувств, до зафиксированного в ее Конституции запрета на политическую цензуру, о котором и не мечтали диссиденты из художественной среды рассмотренного нами периода. Но остается и явно набирает популярность многовалентная литература и искусство, т. н. феномен «многослойного пирога». В котором в одном произведении для различных страт социума, согласно уровню образованности и мыслительных способностей, предусмотрен свой слой «начинки»; кому захватывающий детективный сюжет, кому — изысканная философия Индии, да еще и выраженная в символических картинах С. Рериха.

Но эта благоприятная для художественного творчества ситуация была отчасти подготовлена теми, чье творчество мы рассмотрели выше. Им было трудно. Нонконформистам трудно всюду и всегда. Однако они продолжали трудиться, подвижнически веря в правоту своих поступков и идей. И за это достойны нашего признания и памяти.

Библиографический список

1. *Беляев А.* Предисловие // В кн. А. Юрчак. Это было всегда, пока не кончилось / Последнее советское поколение / Пер. с англ. М., НЛО, 1014. С. 9
2. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / Избранные эссе / Немецкий культурный центр им. Гете «Медиум». М., 1996.
3. *Берлин И.* Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19–43.
4. *Веснина Б.* Лианозовская школа // Энциклопедия Кругосвет — www.krugosvet.ru. (Последнее посещение — 23.04.2019).
5. *Кокорев И.* Мелкая промышленность в Москве. // Очерки Москвы 40-х гг. Л., 1932. С. 65.
6. *Костыря М.* Малые голландцы // Поэзия повседневности. СПб., 2002. С. 25.
7. *Кропивницкий Л.* / В статье Б. Весниной «Лианозовская школа». // Энциклопедия Кругосвет — www.krugosvet.ru. Последнее посещение — 23.04.2019.
8. *Левада Ю.* От мнения к пониманию // Социологические очерки 1993–2000. М., Мониторинг общественного мнения. 2000. С. 25.
9. *Мартынов В.* Время Алисы. М., Классика XXI, 2010. С. 5.
10. *Маяковский В.* О дряни. / В кн. В. Маяковский Навек любовью ранен. М., 1998.
11. *Мизес Людвиг фон.* Человеческая деятельность. М., СОЦИУМ, 2012. С. 32.
12. *Сельвинский И.* Лирика. // Гуно-Лист. М., Советский писатель. 1964. С. 418.
13. *Синявский А.* Диссидентство как личный опыт. // Синтаксис. № 15. Париж. 1985.
14. *Улицкая Л.* Зелёный шатёр. М., АСТ, 2016.
15. *Шубин А.* Тайны советской эпохи // Диссиденты, неформалы и свобода в СССР / М., ВЕЧЕ, 2008. С. 4.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ШКОЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

FORMATION OF THE CULTURE OF THE INTER-ETHNIC RELATIONS
OF THE SCHOOL YOUTH IN POLY-ETHNIC REGIONS

Рубан Лариса Семеновна, д. с. н., профессор, руководитель Отдела изучения проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия), e-mail: Lruban@yandex.ru
Larissa S. Ruban, Ph. d in Sociology, Professor, Head of the Research Department of the International Cooperation, Institute of the Socio-Political Researches Russian Academy of Science (Moscow, Russia), e-mail: Lruban@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования культуры межнационального общения школьной молодежи в полиэтничных регионах по результатам крупномасштабного лонгитюда, проводимого с 1991 г. по настоящее время в г. Астрахани, г. Грозном, г. Иваново, г. Краснодаре, г. Майкопе, г. Махачкале, г. Москве, г. Назрани, г. Нальчике, г. Пскове, г. Ставрополе. Анализируются взгляды, позиции и мотивы деятельности молодых людей, их отношение к представителям других национальностей, потенциал их конфликтности и толерантности. Исследование не имеет аналогов в нашей стране и за рубежом. Непрерывный этноконфликтологический мониторинг проводится в рамках международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» и программы «Молодежь в полиэтничных регионах: взгляды, позиции, ориентации», чтобы не только знать, как идет гражданское становление и этническое формирование молодежи в различных регионах, но и оказывать соответствующее и своевременное влияние с целью снижения конфликтного потенциала и формирования толерантности.

Abstract. The article investigates the process of formation of culture of interethnic communication of school youth in multiethnic regions by the results of large-scale longitudinal studies conducted from 1991 to the present time in Astrakhan, Grozny, Ivanovo, Krasnodar, Maikop, Makhachkala, Moscow, Nazran, Nalchik, Pskov, Stavropol. The views, positions and motives of young people, their attitude to representatives of other nationalities, the potential of their conflict and tolerance are analyzed. The study has no analogues in our country and abroad. Continuous ethnoconflictological monitoring is carried out within the framework of the international project «Dialogue partnership as a factor of stability and integration» and the program «Youth in multi-ethnic regions:

views, positions, orientations» in order not only to know how the civil formation and ethnic formation of young people in different regions, but also to provide appropriate and timely influence in order to reduce the conflict potential and the formation of tolerance.

Ключевые слова: лонгитюд, полиэтничный регион, межэтнические отношения, этноконфликтологический мониторинг, культура межнационального общения, толерантность, предотвращение конфликтов.

Key words: longitude, poly-ethnic region, interethnic relations, monitoring of the ethnic conflicts, system of the of the school education, culture of the interethnic relation, tolerance, conflict prevention.

В полиэтничных регионах одной из главных задач является развитие у населения культуры межнационального общения для предупреждения конфликтов, формирования межнационального согласия и консолидации российского общества. На протяжении 30 лет в рамках программы «Молодежь в полиэтничных регионах: взгляды, позиции, ориентации» автором проводится лонгитюд школьной молодежи по изучению процесса формирования гражданского сознания школьников с целью его оптимизации. В процессе опроса производилось изучение формирования культуры межнационального общения школьников, отношения их к представителям других национальностей (на основе повседневного опыта, сложившихся национальных стереотипов, системы воспитания и образования), изучение конфликтного потенциала и предрасположенности учащихся к протестному поведению, отслеживалось как менялось отношение к понятиям «интернационализм» и «национализм».

«Национальное — это тонкая ткань любви и приверженности к собственной самобытности, которая составляет сущность и дух данной исторической общности, — предупреждает Р.Г. Абдулатипов, посвятивший свою деятельность урегулированию межнациональных отношений. — Безразличие к национальному... противоречит природе становления и развития национальных и межнациональных процессов.... В национальном, если оно не антигуманно по своей сути, всегда присутствует общечеловеческое, а во всяком общечеловеческом есть национальное, если оно не «безродно». И Р.Г. Абдулатипов делает вывод, что каждое национальное — это лишь специфическое, традиционное проявление социокультурного развития человеческого, социального, духовного. Граница между приверженностью индивида к национальным ценностям и национализму не абсолютна: она может быть легко нарушена. Люди, сами того не сознавая, могут оказаться в плену национальной ограниченности, национальной исключительности и претензий к другим. Вопрос только в том, какова здесь шкала негативно-

сти, каков уровень нравственной культуры и сила осуждения дискриминационных проявлений [1, с. 4, 24].

Под влиянием социально-политических процессов в обществе «обыденный», бытовой национализм распространяется в повседневной жизни, приобретает психологическую направленность и проявляется в противопоставлении коллективного «Мы» и враждебного «Они» в хозяйственной и бытовой деятельности, на уровне обыденного сознания. Возникают социокультурные стереотипы замкнутости, обособленности жизненного пространства коренного населения по отношению к другим этническим группам, что дополняется обостренным чувством недоверия и враждебности к мигрантам. [5, с. 52].

Задачей нашего исследования было выявить отношение молодежи в полиэтничных регионах к национализму и проследить, как менялось у части школьников отрицательное отношение к этому явлению на положительное. Учащиеся выбирали из нескольких трактовок данного термина:

1 — национализм означает возвышение одного народа за счет других;

2 — национализм — это проявление сильной любви к Родине, своей истории, культуре;

3 — национализм — это антидемократизм, выражение интересов реакционных сил;

4 — национализм — единственная основа для объединения нации.

В таблице 1 четко фиксируется, что за период с 1991 по 2017 гг. у учащихся в Грозном, Иваново, Краснодаре, Махачкале, Нальчике, Пскове, Ставрополе произошла смена отрицательной оценки национализма на положительную (см. ответы 2 и 4), что не удивительно, так как за период опросов трех поколений школьников в РФ произошло изменение общественно-политического строя, идеологии, многих ценностей и норм. В г. Астрахани, г. Барнауле, г. Майкопе и г. Москве школьники при ответе выбрали отрицательные трактовки (варианты 1 и 3 и смешанные ответы).

В таблице 2 показаны в соотношении положительные и отрицательные характеристики «национализма» в ответах учащихся.

И здесь, говоря о межнациональном общении, следует вспомнить слова великого русского историка Соловьева В.С., что «история любой нации — это не только история ее противостояния другим нациям, но и история солидарности с ними. Это не только история отчуждения от других наций, но и история контактов с ними. В истории любой нации имело место не только предубеж-

Таблица 1.

Характеристика понятия «национализм»

Города / годы опросов	1	2	3	4
Астрахань, 1991	46	57	28	52
1995	21	46	7	38
1996	26	50	6	43
1998	26	42	7	36
2001	42	40	7	17
2005	22	72	6	44
2008	14	60	4	26
2011	20	48	11	29
2016	46	40	18	23
Барнаул, 2009	32	28	10	32
2017	44	35	6	24
Грозный, 2002	25	50	13	21
2005	22	72	3	
Иваново, 2005	15	59	5	22
Краснодар, 2001	13	32	5	25
Майкоп, 1999	43	35	6	22
Махачкала, 2002	22	51	2	25
Москва, 1998	58	20	27	21
2001	56	26	13	5
2007	59	19	7	11
2011	61	11	22	14
2016	67	17	23	18
Назрань, 2001	38	50	18	25
2002	2	91	2	28
2005	29	29	21	17
Нальчик, 2002	23	54	5	24
Псков, 1998	28	39	12	25
Ставрополь, 2002	31	40	9	30

дение в отношении других наций, но и понимание их, не только столкновение, но и сотрудничество с ними». В национальном характере, таким образом, «заключена двойственная черта между-народных отношений, вернее заключен разум истории, объясняющий, как добиться равновесия между этими чертами — то есть чувства равновесия между «закрытостью» и «открытостью», со-держащееся в национальном характере» [3, с. 35–36].

Для определения уровня культуры межнационального общения учащихся и их конфликтного и толерантного потенциала в шко-лах с многонациональным составом нами использовался целый ряд прямых и проверочных вопросов. Так на вопрос: **«Имеет ли для них значение национальность при выборе друзей?»** большинство учащихся ответили отрицательно.

Таблица 2.

Характеристика понятия «национализм», данная учащимися

Города / годы опросов	отрицательная	положительная	смешанная
Астрахань, 1991	20	35	45
1995	28	84	2
1996	27	71	1
1998	26	66	5
2001	49	51	10
2005,	20	75	
2008	18	82	
2011	30	70	
2016	46	44	
Барнаул, 2009	57	42	2
2017	49	48	
Грозный, 2001	13	63	4
2005	25	72	
Иваново, 2005	20	80	
Краснодар, 2001	19	61	1
Майкоп, 1999	36	54	7
Махачкала, 2002	24	73	
Москва, 1998	68	25	6
2001	56	32	11
2007	63	29	4
2011	75	25	4
2016	70	26	
Назрань, 2001	40	60	
2002	5	95	
2005	50	50	
Нальчик, 2002	25	62	3
Псков, 1998	40	46	2
Ставрополь, 2002	36	61	3

Уровень конфликтного потенциала школьников выявлялся целым рядом вопросов. Показателен в этой связи ответ на вопрос: «Есть ли национальности, к которым Вы испытываете неприязнь?»

В 2001 г. 25% учащихся в Назрани ответили, что испытывают неприязнь не по национальному, а по религиозному различию — к неверующим (немусульманам), что свидетельствует о наличии потенциальной конфликтной ситуации в связи с наличием неприязни на конфессиональной основе. Поэтому для снятия конфликтной напряженности и межконфессиональной неприязни, на наш взгляд, недостаточно просто воспитательного и образовательного воздействия. Вопрос о вере и об отношении к религии очень тонкий вопрос, и слова обычного учителя или воспитателя не встретят такого доверия и не будут столь убедительны, как слова человека,

Таблица 3.

Национальность имеет значение при выборе друзей

Города / годы опросов	да	нет
Астрахань	1	84
1995	7	88
1996	4	92
1998	19	92
2001	16	71
2005	10	76
2008	12	79
2011		75
2016		
Барнаул, 2009	8	75
2017	17	75
Грозный, 2002	13	83
2005	19	75
Иваново 2005	19	74
Краснодар 2001	17	66
Майкоп, 1999		67
Махачкала 2002	1	
Москва, 1998	4	89
2001	8	73
2007	6	72
2011	3	83
2016	4	92
Назрань?	8	86
2001	2	49
2002	8	67
2005		
Нальчик 2002	4	81
Псков 1998	4	78
Ставрополь 2002	12	75

исповедующего ту же религию, в частности, ислам, авторитетного и пользующегося уважением.

Учителю-атеисту ученик может ответить на все его доводы: «Вы не знаете ислама и те нормы, которые проповедует эта религия», поэтому, чтобы предотвратить конфликт и помочь преодолеть неприязнь к представителю другой религии, наиболее эффективно было бы привлечь к этой благородной миссии представителей мусульманского духовенства и старейшин, людей уважаемых и по-

Таблица 4.

Испытывают неприязнь к представителям других национальностей [4, с. 247]

Города/ годы опросов	да	нет
Астрахань, 1995	39	40
1996	48	33
1998	26	70
2001	47	35
2005	53	34
2008	42	48
2011	33	54
2016	36	46
Барнаул, 2009	46	46
2017	11	53
Грозный, 2002	38	63
2005	34	53
Иваново, 2005	37	39
Краснодар, 2001	39	41
Майкоп, 1999	21	49
Махачкала, 2002	15	76
Москва, 1998	20	61
2001	32	43
2007	28	53
2011	13	62
2016	17	68
Назрань, 2001	32	50
2002	26	74
2005	25	63
Нальчик, 2002	8	80
Псков, 1998	36	45
Ставрополь, 2002	40	43

читаемых. Это могло бы оказать благотворное влияние на молодое поколение и в значительной степени способствовало бы стабилизации ситуации в регионах, особенно близко расположенных к конфликтным зонам.

Данные опросов подтверждают мнение ряда ученых, что «проблема идентичности очень часто находится в тесной связи с противопоставлением «себя» «другому», постоянное создание воображаемых границ между «нами» и «другими», часто борьба за признание, которую ведут между собой индивиды и группы, представляет попытку отвергнуть статус «другого» постольку, поскольку он связан с неуважением, подавлением или неравенством» [2, с. XXVII].

Анализируя вышеприведенные эмпирические данные, мы хотели бы обратить внимание на то, что они подтверждают основные

положения концепции взаимоотношений между конкурентными инонациональными группами, а также возникновения отрицательных национальных стереотипов, разработанной еще в середине шестидесятых годов прошлого века И.С. Коном, который отмечал, что «личный опыт индивида отнюдь не причина предубежденности. Этому опыту предшествует и во многом его определяет стереотип. Общаясь с другими людьми, человек воспринимает и оценивает их в свете уже имеющихся у него установок. Поэтому он склонен замечать одни вещи, а другие — не замечать. Дело, следовательно, вовсе не в отдельных свойствах, приписываемых этнической группе, а в общей отрицательной установке по отношению к ней [4, с. 192].

Кон указывал, что стереотип, где меньшинство предстает как соперник и конкурент в экономической и социальной областях, можно охарактеризовать следующим образом: чем опаснее конкурент, тем большую враждебность он вызывает. Если поработанные и пассивные группы наделяются чертами наивности, интеллектуальной неполноценности и моральной безответственности, то стереотип группы-конкурента наделяется такими качествами как агрессивность, безжалостность, эгоизм, жестокость, хитрость, бесчеловечность, алчность. Группа-конкурент признается «низшей» в моральном отношении [4, с. 198].

Национальная предубежденность, в основе которой чаще всего лежат национальные стереотипы, и на которую влияет недостаточное знание культуры и обычаев других народов, может явиться, в известных условиях, причиной возникновения или обострения межнациональных конфликтов. Она подобно «мине замедленного действия» может вызвать взрыв национальных эмоций и привести к обострению конфликтов [3, с. 47].

В возникновении и разрастании межнациональных конфликтов велика роль социально-психологического фактора, господствующих в массовом сознании стереотипов, настроений, предубеждений. Одним из показателей, характеризующих собственно психологическую составляющую конфликта, является наличие неприязни к тому или иному народу. Попытка выявить наличие этого фактора была сделана в ходе нашего социологического исследования по опросу учащихся национальных школ и классов многонационального состава, и опросы показали, что учащиеся обладают достаточно высоким конфликтным потенциалом, который может быть реализован или не реализован в зависимости от определенных обстоятельств и влияния, оказываемого на молодежь.

Для сравнения приведем данные опросов взрослого населения разных регионов Российской Федерации, выполненных специалистами Института социологии Российской академии наук. Как отмечают исследователи Института социологии РАН, одним из ведущих признаков межэтнической толерантности является готовность к мирному урегулированию возможных межэтнических споров и конфликтов. Такие установки поддерживаются подавляющим большинством населения — 81% русских и 84% россиян иных национальностей, согласных с установкой, что «насилие в межэтнических и межрелигиозных спорах недопустимо». При этом полностью согласны с данным тезисом были 55% среди русских и 62% среди инонациональных россиян [6, с. 211].

Результаты исследований гражданского сознания школьной молодежи показали всю сложность и противоречивость этнического сознания учащихся в настоящий момент, а именно:

— с одной стороны, у школьников в полиэтничных регионах имеет место быть **сочетание высокого уровня этнической толерантности**: за весь изучаемый период ни в одной школе не было случая, чтобы ребенок отказался сесть за парту с ребенком другой национальности, учащиеся выразили положительное отношение к учебе и работе в многонациональных коллективах, а также большинство учащихся указывали, что национальность при выборе друзей для них не имеет значение;

— с другой стороны, опросы зафиксировали **наличие неприязни по национальному признаку**:

- в 1995 г. — 39%, в 2008 г. — 42%,
- в 1996 г. — 48%, в 2009 г. — 46%,
- в 1998 г. — от 20 до 36%, в 2011 г. — от 13 до 33%,
- в 2002 г. — от 8 до 47%, в 2016 г. — от 17 до 36%,
- в 2005 г. — от 25 до 53%, в 2017 г. — от 11%;
- в 2007 г. — 28%,

— **заявленное возможное участие в этнических конфликтах на стороне своей национальной группы** (суммировались ответы «безусловно» и «при определенных обстоятельствах»):

- в 1998 г. — от 60% до 83%, в 2008 г. — от 75 до 78%,
- в 2001 г. — от 73% до 89%, в 2011 г. — от 43 до 78%.
- в 2005 г. — от 66% до 91%, в 2016 г. — от 57 до 74%.
- в 2007 г. — 57%, в 2017 г. — 57%.

В то же время молодому поколению присуща четкая этническая идентификация, гордость за свою нацию, страну, родной край, любовь к Родине, ее истории, культуре и традициям и обычаям, высокий уровень патриотического сознания, сочетающийся с уваже-

нием к представителям других наций, что делает возможным снижать конфликтный потенциал молодежи и формировать позиции молодых людей на основе общечеловеческих ценностей, этнической толерантности и взаимного уважения.

Библиографический список

1. Абдулатипов Р. Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе. — Москва: Славянский диалог, 1999.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. — Москва: Логос, 2004. С. XXVII.
3. Иванов В.Н. Межнациональные конфликты // Национализм и межнациональные конфликты. Информационные материалы. — Москва: ИСПИ РАН, 1991. Вып. 1. С. 47.
4. Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир. — Москва, 1966. — № 9. С. 192.
5. Материалы регионального круглого стола «Национальное согласие и национальный экстремизм в современной России: исторические корни, реалии и перспективы». — Саратов, 2000. 52 с.
6. Российское общество и вызовы времени / под ред. Горшкова М.К. и Петухова В.В. — Москва: ИС РАН, 2015. 211 с.
7. Рубан Л.С. Лонгитюдные исследования формирования патриотического сознания школьной молодежи в полиэтничных регионах // Вестник РУДН Серия «Социология» № 2, 2017. С. 235–252.
8. Соловьев В.С. Национализм и Патриотизм // Новый Вавилон. — Москва, 1994. № 1. С. 35–36.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ, СОТРУДНИЧЕСТВА И УКРЕПЛЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Деловарова Лейла Федоровна, доктор PhD, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан), e-mail: delovarova@mail.ru

Развитие интеграционных процессов на Евразийском пространстве и начало функционирования в январе 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [1] является следствием многолетнего сотрудничества стран инициаторов и основателей ЕАЭС.

На сегодняшний день мобильность и перемещения человеческих ресурсов очень важны для всех стран-участниц Союза — Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России.

Важным аспектом деятельности Союза является функционирование общего рынка труда, посредством чего реализуется свобода передвижения рабочей силы. За три года функционирования Союза наблюдается определенная динамика и специфика, которая вносит вклад в развитие единого рынка труда на данном пространстве и в процесс легализации трудовых мигрантов, а также вклад в развитие региона в социальном и экономическом плане.

Данная сфера регулируется разделом XXVI «Трудовая Миграция» Договора о ЕАЭС. Разделом предусмотрено сразу несколько норм, направленных на развитие устойчивого рынка труда и предусматривающих социально-правовое обеспечение трудовых мигрантов (ст. 96–98) [2].

Договор дает целый ряд преимуществ трудовым мигрантам, включая действие национального режима, период пребывания и социальные гарантии, в том числе и трансфер пенсий, признание дипломов об образовании в отдельных сферах. Положения данного раздела важны для всех участников Союза, так как миграция является очень аспектом экономического и социального развития данных государств, а также серьезным фактором продвижения сотрудничества. Два участника Союза являются реципиентами и транзитными государствами (Россия и Казахстан) и три страна-

ми-донорами (Армения, Беларусь и Кыргызстан). В тоже время наблюдаются некоторые тенденции циркулярного характера миграции в странах Союза. Роль государств в подобной миграционной суб-системе в качестве ее акторов очень легко может быть трансформирована. Так, например, Казахстан уверенно позиционировал себя страной приема и государством транзитного назначения, но на протяжении последних лет все больше наблюдаются тенденции к оттоку населения. Также, углубление экономической интеграции внутри Союза и развитие совместных предприятий предполагает циркулярную миграцию во всех странах-участницах Союза и за его пределами.

В целом, мобильность на Евразийском пространстве и по его периметру проходит под влиянием глобальных и региональных трендов, таких, как урбанизация миграции, увеличение объема и значимости трудовой и образовательной миграции, увеличение объемов нерегулярной миграции, феминизации миграции, а также увеличившихся масштабов вынужденной миграции.

В данном контексте следует выделить трудовую и образовательную миграцию, которые, на наш взгляд, определяют степень и особенности сотрудничества и интеграции в рамках постсоветского Евразийского пространства.

Мобильность трудящихся в рамках Союза является важной составляющей, как на национальном, так и на международном уровне. Развитие сотрудничества в области регулирования миграционных процессов в формате ЕАЭС имеет значительный потенциал и реальные перспективы.

С точки зрения оценки роли трудовой миграции, ее эффектов и последствий, мы бы условно выделили три момента: (1) права и обязанности трудовых мигрантов; (2) вклад мигрантов в развитие принимающей и направляющей страны; (3) скоординированное управление (регулирование потока) и устойчивость миграционных потоков трудовых мигрантов.

Сотрудничество и взаимодействие по данным аспектам ведется постоянно в рамках национальных подотчетных ведомств, а также в рамках союза в целом. В тоже время, необходимо усилить гармонизацию законодательства, ускорить более скоординированное сотрудничество между странами на всех уровнях, усилить информационный обмен, обмен статистическими данными (что осложнилось с введением национального режима для мигрантов Союза). Более того, усиление многоуровневого трансграничного диалога, особенно среди молодого поколения, а также информационной популяризации Союза на местном и региональ-

ном уровнях будет способствовать катализации сотрудничества и положительных эффектов миграции.

Осознание более интенсивного применения информационных технологий уже активно обсуждается в рамках Союза, а именно их роль для комплексного решения проблем мигрантов [3]. Это, в свою очередь, очень серьезный фактор сотрудничества в эпоху цифровизации, который позволяет в минимальные сроки осуществлять достаточно сложные и многофункциональные операции по информированию мигрантов и производить мониторинг, а также скоординировано сотрудничать всем подотчетным ведомствам и станам Союза и т. д.

Объемы трудовой миграции в рамках Союза являются одним из индикаторов формирования устойчивого рынка труда, как в количественном, так и в качественном соотношении.

По некоторым экспертным оценкам казахстанских исследователей, объем миграции в ЕАЭС увеличился в целом на 17% за первое полугодие 2015 года. Наряду с положительной динамикой легальной миграции в РК необходимо учитывать и нелегальные потоки, точных данных по которым нет.

За 2016 и 2017 гг. статистика демонстрирует значительный рост объемов трудовой миграции в Россию и в Казахстан, как из стран Евразийского экономического союза, так и из неприсоединившихся к ЕАЭС стран СНГ. Так, по некоторым данным, со ссылкой на МВД России, за последние пять лет число работающих в России граждан Кыргызстана увеличилось в пять раз, а Армении — вдвое. Если в 2012 г. на территории РФ работало 79 375 чел., то в 2017 г. — уже 376 863 чел. Численность работающих в России граждан Армении за этот же промежуток времени возросла с 90 549 до 232 247 чел. При этом Кыргызстан и Армения в 2017 г. занимали первое и второе места по числу работающих в России мигрантов из стран ЕАЭС, опережая Беларусь (124 633) и Казахстан (88 202) [4].

Делая обзор такого рода данных, можно говорить о том, что миграционные процессы в рамках ЕАЭС действительно заметно активизировались и, в первую очередь, в Россию. Этому, безусловно, способствует введение национального режима, отсутствие необходимости приобретать патент на право ведения трудовой деятельности в РФ и сдавать необходимые для этого экзамены по русскому языку, истории и праву привело к тому, что число работающих в России граждан стран Союза возросло. В тоже время, необходимо отметить, что большая часть трудовых мигрантов, по-прежнему, прибывает в Россию из государств, которые не являются членами ЕАЭС.

Согласно этому же источнику, по данным МВД, за январь-март этого года с целью ведения трудовой деятельности в РФ прибыли 41,2 тыс. граждан Армении, 30,3 тыс. — Беларуси, 22,4 тыс. — Казахстана и 77,3 тыс. — Кыргызстана. В совокупности на долю стран ЕАЭС, таким образом, пришлось 171,3 тыс. трудовых мигрантов. При этом из Азербайджана в Россию с этой же целью прибыли 34,4 тыс. чел., из Таджикистана — 234,5 тыс., Узбекистана — 471,5 тыс., а из Украины — 105,7 тыс. [4]. Таким образом, можно сделать вывод, что число мигрантов из Узбекистана и Таджикистана превышают объемы трудовой миграции из всех стран Союза.

Что касается денежных переводов, то по данным Центробанка РФ в 2017 г. денежные переводы физических лиц в Кыргызстан и Казахстан по сравнению с предыдущим годом увеличились на 27%, в Беларусь — на 19%, а в Армению — только на 6%. При этом объем переводов в Узбекистан вырос сразу на 42%, в Таджикистан — на 31%, в Азербайджан и Молдову — на 21%, а в Украину — всего на 5% [4]. Это, конечно, не новая тенденция, но она показывает, что даже без льготного режима, притягивающие факторы в Россию для мигрантов из Таджикистана и Узбекистана остаются достаточно сильными. С другой стороны, и Таджикистан, и Узбекистан являются потенциальными членами Союза, и нам видится, что вопрос об их вступлении может решиться уже в среднесрочной перспективе.

На наш взгляд, пока еще достаточно сложно говорить о значительных изменениях в качественном составе мигрантов в рамках Союза, но уже на 2015 год наблюдалось увеличение топ-менеджеров в разных сферах странах участницах, например в Казахстане [5].

Трудовая миграция, включая ресурсы низкой, средней и высокой квалификации одинаково важна и для развития экономик стран Союза и усиления сотрудничества в рамках Союза.

С трудовой миграцией очень тесно связана и *образовательная миграция*, которая не только является катализатором сотрудничества, но и залогом прогрессивного развития наукоемких отраслей экономик и создания устойчивой сети университетов и сетей молодых профессионалов.

Анализируя данный тренд, необходимо отметить, что усилилась тенденция к принятию программ двойного диплома между странами-участницами, совместных образовательных программ, а также увеличился взаимный поток студентов между некоторыми странами Союза, например по вектору Армения-Россия, Казахстан-Россия, Кыргызстан-Россия, Кыргызстан-Казахстан. Это, в свою оче-

редь, важные процессы, требующие соответствующего внимания и новых подходов, особенно с учетом национальных систем образования и глобальных образовательных трендов.

Так, согласно исследованиям экспертов, совместные магистерские программы уже реализуются в РХТУ им. Менделеева, РУДН, МГТУ им. Баумана, МИСиС, РГУНИГ, МЭИ, НИЯУ МИФИ, МФТИ, РАУ и др. Обучение проходит по следующим схемам: 1+3 семестра или 2+2 семестра в вузах-партнерах. В рамках бакалавриата сотрудничество с вузами России осуществляет Российско-армянский университет (РАУ) [6]. В ВУЗах странах-участницах уже и ранее начали осуществлять программы двойного диплома. Вся эта деятельность и сотрудничество между университетами и академическими экспертами — уверенный вклад в развитие общего Евразийского образовательного пространства.

Но действительно прогрессивным шагом в деле развития международного сотрудничества стран ЕАЭС в сфере образования и науки является создание Сетевого университета ЕАЭС, основы которого были заложены руководителями образовательных организаций высшего образования государств-членов ЕАЭС 12 апреля 2016 г.

Евразийский сетевой университет — объединение вузов государств-членов во главе с Томским государственным университетом, Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом, создан для формирования новых кадров и решения научных и экономических интеграционных задач. В рамках Евразийского сетевого университета запланирована реализация магистерской программы «Евразийские исследования» [6]. В данную инициативу вовлечены все страны Союза, но необходимо более четко проработать механизмы сотрудничества и выработать гибкие подходы для введения и адаптации данной программы и других аналогичных программ.

Целью ЕСУ является развитие человеческого и интеллектуального капитала ЕАЭС, содействие глобальной конкурентоспособности и долгосрочному процветанию экономик ЕАЭС, создание условий для повышения качества жизни граждан государств ЕАЭС [7]. Это, в свою очередь будет способствовать выведению Союза на новый уровень конкурентоспособности, а также подготовке специалистов новой формации, соответствующих современным экономическим реалиям и потребностям рынка труда.

Подписание Меморандума о сотрудничестве по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на ев-

разийском пространстве между министерствами образования и науки четырех государств (кроме Казахстана, по законодательству которого необходимо дополнительное согласование таких документов) Союза 13 апреля 2016 г. [8] является очередным выражением готовности к сотрудничеству в данной сфере. Целью данного Меморандума является также и укрепление межвузовских связей стран-участниц ЕАЭС, развитие совместных научных исследований и сетевого взаимодействия. Указанные совместные договоренности на уровне министерств и университетов и проводимые мероприятия являются базой для дальнейшего развития сотрудничества в сфере образования и науки между государствами-членами Союза.

Эффективной площадкой для обмена информацией и опытом и решения совместных задач могут служить международные образовательные форумы и другие мероприятия в рамках ЕАЭС.

Развитие и поддержка образовательной сферы, в свою очередь катализируют процесс образовательной миграции посредством академической мобильной и интернационализации систем образования в странах Союза. Это очень важно, так как в современных условиях именно образовательная, и напрямую связанная с ней инновационная сфера являются приоритетными сферами сотрудничества в контексте диверсификации и дальнейшего развития экономик стран ЕАЭС его устойчивость и конкурентоспособность. Сложно говорить об объемах образовательной миграции именно в рамках Союза. Так, количество студентов из Казахстана, на начало 2018 года составляло почти 90 000 человек, а иностранных студентов порядка 14 000 человек [9]. Больше всего студентов, согласно этим данным обучалось в России, что составило почти 80% от всех обучающихся. По данным некоторых казахстанских подотчетных ведомств количество обучающихся в ВУЗах России, включая программы дистанционного обучения, насчитывает порядка 100 000 человек из 120 000 человек в целом [10]. В Казахстане же на сегодняшний день насчитывается порядка 20 000 иностранных студентов [11], большая часть из которых представлена гражданами стран СНГ (Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан в порядке убывания), Индии и Китая.

Что касается Российской Федерации, то по некоторым оценкам в настоящее время в ней обучается до 250 000 тысяч иностранных студентов, или 5% от общего числа учащихся в вузах. При этом на 2017 года официальная статистика Министерства образования была порядка 243 000 студентов [12]. География студентов включает СНГ, Китай, Индию, но также есть студенты из Африки, и уве-

личивается количество студентов из стран Юго-Восточной Азии, в первую очередь, из Вьетнама [13].

Россия и Казахстан уверенно позиционируют себя образовательными хабами в рамках ЕАЭС, но при этом значительный по объемам обмен студентов происходит из Казахстана в Россию. Доля других стран Союза в данном объеме незначительна. Но ситуация может измениться при уверенном формировании и укреплении единого образовательного пространства.

Для дальнейшего формирования единого образовательного пространства необходимы согласованные меры всех государств союза, развитие сотрудничества в сфере образования и формирование научно-образовательного потенциала, а именно комплекса мероприятий, институциональных преобразований, направленных на развитие структуры подготовки квалифицированных кадров, а также совершенствование механизмов функционирования образовательной системы. Необходимо также принять во внимание и различную степень интегрированности стран-участниц Союза в Болонский процесс.

Общим вызовом для трудовой и образовательной миграции для Союза может расцениваться *отток квалифицированной рабочей силы и обучающихся (студентов) стран-участниц за пределы союза.*

Россия и Казахстан все больше рассматриваются трудовыми мигрантами и обучающимися (студентами) в качестве транзитных государств для получения необходимых навыков (включая языки — русский, английский) и продолжения обучения в Европе, США, ОАЭ, Китае и т. д. В тоже время миграция по данным направлениям может быть основанием для расширения Союза или для укрепления сотрудничества с ним.

Представляется, что именно трудовая и образовательная миграции являются определяющими факторами интеграции ЕАЭС, а также усиления сотрудничества в разных сферах и на разных уровнях в силу многоаспектности данного явления. Обоснованием данного аргумента может служить то, что именно свободное и эффективное перемещение рабочей силы разной квалификации является одним из индикаторов экономического сближения, а образование и развитие сотрудничества с фокусом на наукоемкие отрасли экономики — это в современных условиях основа экономического развития и диверсификации. Трудовая и образовательная миграции также способствуют и развитию транспортных, информационно-коммуникационных сообщений, укреплению культурных и других взаимоотношений, повышают взаимный обмен

товаров и услуг, укрепляют уже созданные мосты доверия и сотрудничества.

В тоже время необходимо понимать, что период существования Союза пока не позволяет делать серьезных выводов, но анализ ключевых тенденции именно в миграционной сфере, безусловно, важен для его оценки в качестве полноценного интеграционного объединения и активного участника региональных и международных процессов.

Библиографический список

1. Евразийский экономический союз // Accessmode: <<<http://www.eaeunion.org/#about>>> [05.01.2015]
2. Договор о Евразийском экономическом союзе, Астана, 29 мая, 2014 (Вступил в силу 01.01.2015) // <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument>.
3. Применение информационных технологий для решения проблем мигрантов обсудили в Бишкеке // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/20-09-2018-2.aspx>
4. Александр Шустов Трудовая миграция в Россию: страны СНГ обгоняют ЕАЭС // <http://eurasia.expert/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-strany-sng-eaes/>
5. В Казахстан хлынул поток менеджеров из России и Украины // Accessmode: <<<http://forbes.kz>>> [05.07.2015].
6. Чавыкина М.А. Предпосылки формирования единого образовательного пространства государств-членов ЕАЭС // http://www.colloquium-publishing.ru/library/index.php/NU_EP/article/view/2122/2093
7. В Союзе развивается евразийский кадровый потенциал // <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-05-2018-1.aspx>.
8. Подписан Меморандум по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве // <https://xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/8152>
9. Global Flow of Tertiary-Level Students // <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>
10. Сколько казахстанских студентов учится за границей // <http://today.kz/news/kazakhstan/2018-05-03/765342-skolko-kazahstanskih-studentov-uchitsya-za-granitsey/>
11. Сколько иностранных студентов примет Казахстан // <https://24.kz/ru/news/obrazovanie-i-nauka/item/276840-skolko-inostrannykh-studentov-primet-kazakhstan>
12. Минобрнауки поставило задачу в три раза увеличить число иностранных студентов // <https://www.interfax.ru/russia/573927>
13. Диплом без перевода. К 2025 году число иностранных студентов вырастет в три раза // <https://rg.ru/2018/09/27/k-2025-godu-chislo-inostrannyh-studentov-v-rossii-vyrastet-v-tri-raza.html>

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС
И РОБОТИЗАЦИЯ В ЯПОНИИ**

DEMOGRAPHIC CRISIS AND ROBOTICS IN JAPAN

Рязанцев Никита Сергеевич, студент факультета Международных отношений Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД РФ), программист Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН), e-mail: nikita@ryazantsev.org
Nikita S. Ryazantsev, Student of Moscow State University of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Web Developer in Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, e-mail: nikita@ryazantsev.org

Аннотация. Современная Япония, попав в демографическую яму, начинает еще более эффективно использовать свои финансовые, демографические и технологические ресурсы для стабилизации социально-экономического положения внутри страны. Японские компании массово роботизируют, автоматизируют и цифровизируют все сектора производства, а японское правительство изменяет миграционную политику, которая теперь ориентирована на частичное замещение недостающей рабочей силы именно в тех сферах, которые наиболее всех подвержены влиянию демографического кризиса. При этом такой подход к решению проблемы является временным.

Abstract. This article shows the way how the Japanese governmental forces try to use all their financial, demographic, and technologic sources to solve current demographic crisis. The most of socio-economic spheres in society are under the pressure of automatization, robotization, and digitalization, therefore there is no doubt that a new migration policy of Japan involves just a temporal occupation of blue-color workers in the country. As a result, all these attempts of solving the demographic problem only make the Industry 4.0 appear much faster.

Ключевые слова: Япония, миграционная политика, трудовая миграция, рынок труда, социально-экономическое развитие, Четвертая промышленная революция, роботизация, автоматизация.

Key words: Japan, migration policy, labor market, socio-economic development, Industry 4.0, robotics, automatization.

Тенденции роботизации в мире и Японии, в частности

В начале XXI века наиболее развитые страны Северной Америки, Европы и Азии, а именно США, КНР, Германия, Республика Корея и Япония встали на путь формирования нового социально-

экономического уклада, именуемого Четвертой промышленной революцией. Ее движущим фактором является автоматизация производства, достигаемая широким, повсеместным внедрением роботизированной техники на все этапы производства и реализации продукции.

В 1987 г. была основана Международная федерация робототехники (англ. «International Federation of Robotics, IFR», далее — МФР), целью которой является развитие робототехники во всем мире, то есть защита интересов компаний-производителей промышленных роботов, введение и составление статистических данных об актуальном статусе развития робототехники в разных странах, путем издания ежегодных отчетов в сборнике «World Robotics», который основан на регулярных исследованиях международного рынка робототехники. МФР имеет несколько десятков активных участников. Это не только международные государственные организации такие как, например, Испанская ассоциация роботизации и автоматизации (Spanish Association of Robotics & Automation, SARA), Британская ассоциация автоматизации и роботизации (англ. «British Automation & Robot Association, BARA»), Ассоциация роботизации Кореи (англ. «Korea Association of Robot Industry, KAR»), Китайский альянс индустрии роботов (англ. «China Robot Industry Alliance, CRIA»), Российская ассоциация роботизации (англ. «Russian Association of Robotics, RAR»), Институт исследования роботов (англ. «Robot Research Initiative, RRI»), Норвежский университет науки и технологий (англ. «Norwegian University of Science and Technology, NUST») и многие другие, а также известные во всем мире производители электроники: «Panasonic», «Yaskawa» и «Kawasaki» [1]. Таким образом, роботизация активно развивается и в Японии.

Сегодня многие производители электроники не ограничиваются производством таких массовых потребительских товаров как холодильники, микроволновки, кофемашины и автомобили. Например, такие известные японские концерны как «Toyota», «Mitsubishi», «Sony», «Yamaha» и «Honda» уже активно борются между собой за рынки сбыта своей продукции не только на локальном, но и на международном рынке. Количество производителей робототехники в Японии крайне мало, но годовой показатель количества производимых роботов этих производителей составляет 56% от общего объема производимой роботизированной продукции в мире. За 2017 г. уровень экспорта японских роботов увеличился на 45%. Основными странами-покупателями новой техники стали КНР и США. В самой же Японии продажи увеличились всего на 18% и составили почти 46 тыс. ед. [2].

Более 90% всех роботов в мире в 2016 г. было сосредоточено в секторе обрабатывающей промышленности. Большая часть этих роботов сосредоточена в производстве электроники, автомобильной промышленности. На их долю машиностроения приходится порядка 33% от общего количества роботов. Это связано, в первую очередь, с тем, что технологии производства новых моделей автомобилей с каждым годом усложняются, поэтому для более качественной работы производители предпочитают доверять производству более «точным» работникам.

На металлургию приходится порядка 10%. Отечественный предприниматель А.А. Мордашов, владелец одной из крупнейших металлургических компаний России, убежден, что человечеству не стоит бояться автоматизации и сокращением рабочих мест. На его взгляд, исчезновение и появление новых профессий — естественный процесс, поэтому человек сможет легко реализовать себя в любой другой отрасли [3].

Наибольшее количество роботов, вовлеченных в производственный процесс, приходится на Южную Корею. Согласно данным МФР, в 2017 г. на 10 тыс. работников на производствах там приходилось 710 единиц робототехники. Немного отставал Сингапур, с 658 ед. машин. Дальше разрыв значительно увеличивается: в Германии — 322 ед., в Японии — 308 ед. Таким образом, сегодня Япония занимает уже четвертое место в мировом рейтинге. Пятерку лидеров замыкает Швеция с 240 ед. робототехники.

Рис. 1. Мировое распределение роботов по отраслям (2016 г.)

Источник: данные МФР

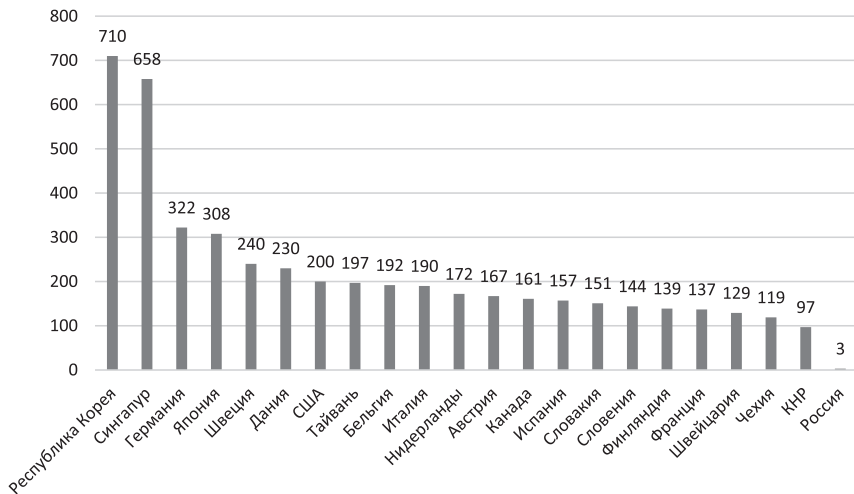

Рис. 2. Количество вовлеченных в производство роботизированных станков по странам
 Источник: данные МФР

Если сравнивать данные по регионам, то средний уровень для Европы составил 106 ед., для Америки — 91 ед., а для Азии — всего лишь 75 ед. Средний же мировой показатель — 85. К сожалению, на отечественных предприятиях в 2016 г. на 10 тыс. работников приходилось всего лишь 1–2 ед. Сегодня этот показатель составляет 3–4 ед. Согласно данным Национальной ассоциации участников рынка робототехники (НАУРР) за 2018 г. на российских предприятиях было установлено 860 роботов. Это на 21% больше, чем годом ранее [4].

В 2015 г. мировое производство роботов превысило 240 тыс. ед. Лидером же закупок промышленных роботов стала КНР. В 2015 г. китайские компании внедрили на свои производства почти 70 тыс. ед. промышленных роботов, то есть 16% от числа произведенных в мире роботов в тот год. Рост по сравнению с 2014 г. составил 20%. Однако пик роста пришелся на 2013 г., тогда он был 56%.

Интересные прогнозы сделал «Сбербанк России». По мнению его специалистов, к 2020 г. основа ранка промышленной и сервисной робототехники измениться. Наиболее перспективными направлениями специалисты считают беспилотный пассажирский транспорт, персональные роботы-помощники и промышленные экзоскелеты [5]. Подтверждению этому служат готовые прототипы беспилотных такси в Японии, которые уже сегодня производят рейсы по определенному маршруту в тестовом режиме [6]. Это но-

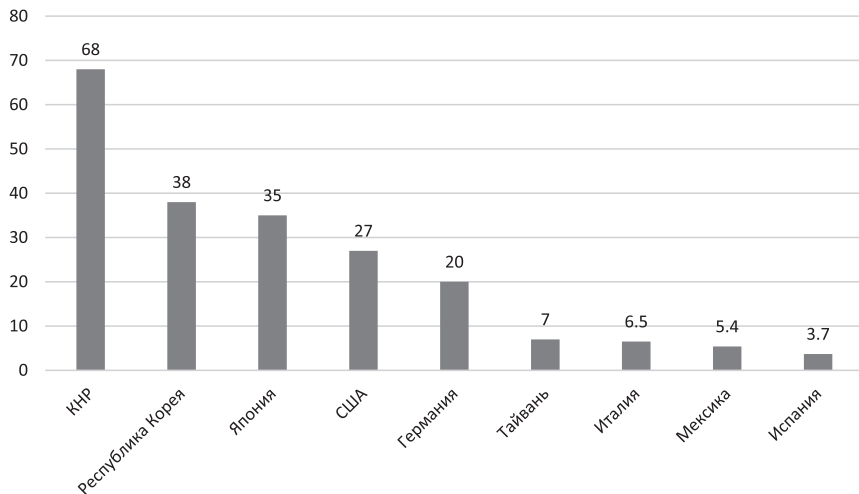

Рис. 3. Страны-лидеры по закупке промышленных роботов, тыс. ед.

Источник: данные МФР

вовведение предназначено для развозки туристов во время проведения зимних Олимпийских игр в Токио в 2020 г., это также поможет ликвидировать недостаток рабочих сил и одновременно исключит внедрение иностранных трудовых мигрантов в данную сферу услуг.

Несмотря на очевидные преимущества активного внедрения роботов в производство, эксперты все же обеспокоены рынком

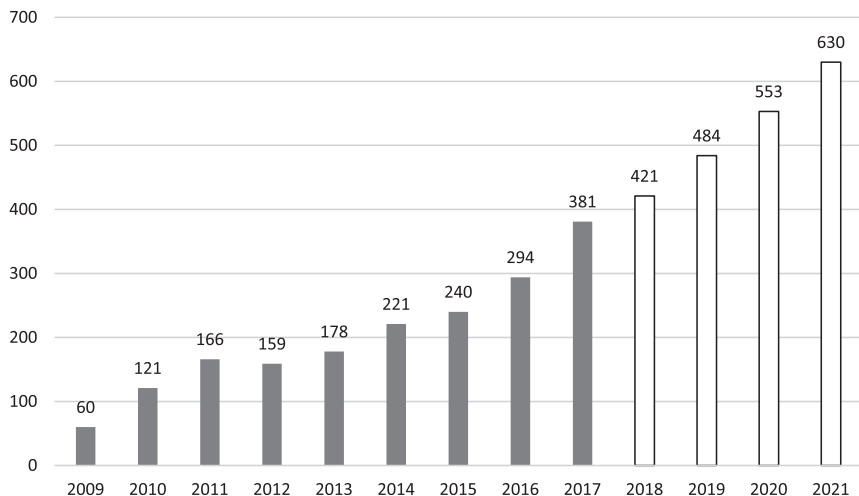

Рис. 4. Динамика продаж роботизированных станков с 2009 по 2021 гг., ед.

Источник: данные МФР

труда, который, по их мнению, может претерпеть серьезные изменения. Так, по прогнозу международная консалтинговая компания «McKinsey», к 2030 г. около 800 млн рабочих (это приблизительно 20% рабочей силы по всему миру) могут потерять работу из-за стремительного внедрения автоматизации в процессы производства и реализации товаров и услуг [7]. А вот японская технологическая компания «Mitsubishi» считает, что пока для Японии автоматизация не представляет большой угрозы. К 2030 г. в Японии число рабочих мест может сократиться в целом на 7,4 млн человек. Однако компенсировать уменьшение численности рабочих поможет постоянно увеличивающийся спрос на специалистов в области робототехники, искусственного интеллекта и цифровых технологий. Согласно прогнозам, эта область рынка труда пополнится 5 млн новыми кадрами. Таким образом, сокращение составит только 2,4 млн человек. При этом специалисты отмечают, что к 2030 г. развитие такого рода технологий может привести к 10% росту экономики, которая даже во время серьезного демографического кризиса продолжает занимать третье место в мире по объему ВВП [8].

Нынешняя демографическая ситуация в Японии

Вместе с тем, с 2010 г. Япония переживает демографический кризис, проявлениями которого является увеличение средней продолжительности жизни и доли пожилого населения, сокращение числа браков, падение уровня рождаемости, увеличение числа преждевременных смертей среди трудоспособной части общества из-за повседневных переработок. Особым феноменом является японский менталитет, из-за которого молодые специалисты предпочитают семейным отношениям построение карьеры. Все это увеличивает социальные расходы государства. Например, в настоящее время правительство тратит на выплату пенсий около 10% годового ВВП страны, который, по данным Международного банка, в 2018 г. составил 4,8 млрд долларов США. При этом минимальный размер пенсии в Японии составляет около 650 долларов США, но среднестатистический японец, как правило, получает сумму в два раза больше [9].

В 2018 г. японцы пенсионного возраста, то есть граждане старше 65 лет, составляли одну треть населения страны. В этот же году средняя продолжительность жизни для мужчин составила 81 год, для женщин — 87 лет. Это самый высокий показатель в мире. По официальным прогнозам, в 2060 г. средняя продолжительность жизни может уже составить 84 и 91 год соответственно [10].

Реализация новой миграционной политики

Концепция новой миграционной политики была сформирована после нескольких месяцев бурных обсуждений в парламенте. В итоге правительство решило одобрить новую систему выдачи виз для нескольких категорий иностранных граждан, уточнив, что в течение реализации новой демографической стратегии, некоторые пункты программы, скорее всего, будут дорабатываться и изменяться.

Первая категория трудовых мигрантов — низкоквалифицированные работники. Они смогут работать только в 14 специально выбранных областях. Сюда относятся ресторанный бизнес, строительство, охрана, торговля, перевозки и т.д. Всего планируется впустить от 240 до 345 тыс. таких мигрантов. Срок действия их виз будет ограничен пятилетним сроком [11].

Вторая категория — высококвалифицированные специалисты в области медицины, науки, финансов, геномной инженерии и компьютерных технологий. Срок действия виз этих работников не будет ограничиваться каких-либо периодом времени. Однако, в отличие от низкоквалифицированных работников, семьи этих работников будут иметь возможность сопровождения своего ближайшего родственника в Японию в период его работы.

По официальным данным сегодня в Японии насчитывается порядка 2,3 млн трудовых мигрантов. Основными странами-донорами низкоквалифицированных трудовых мигрантов являются КНР (более трети от общего потока мигрантов), Южная Корея (17%) и Филиппины (9%) [12]. Среди высококвалифицированных работников — это, прежде всего, граждане США, Западной и Центральной Европы. Россия также входит в этот список. То есть Япония, в отличие от многих других развитых стран, абсолютно не подвержена проблеме «утечки мозгов», например, как Россия.

Заключение

Нужно понимать, что миграция — процесс вторичный. В первую очередь, люди смотрят на социально-экономическое положение дел в своей стране, а также тот потенциал, который они могут увидеть, если будут продолжать работать здесь. Японские же работники видят хороший карьерный и, как следствие, финансовый потенциал, на родине, из-за этого они остаются, а не эмигрируют, однако и не создают семьи.

Среди общих особенностей трудовых мигрантов в России и Японии можно выделить их трудовую мотивацию. Работники настроены именно работать в новой стране пребывания, а не получать всевозможные государственные субсидии, выплаты и льготы. Однако это, в свою очередь, затрудняет получение статуса беженца, так как правительство рассматривает всех иностранных граждан сугубо как временные трудовые ресурсы. В 2017 г. только 20 человек в Японии смогли получить статус беженца [13].

Таким образом, с каждым годом становится все очевиднее, что современная Япония является хорошим примером мирового сообщества, который все в большей и большей степени показывает наиболее рациональное, эффективное использование и распределение своих финансовых, технических и технологических ресурсов для выхода из демографического кризиса. Однако, если Россия уже загнала себя в ловушку, сформировав мигрантозависимую экономику, то для Японии приток низкоквалифицированных работников, к которым так негативно относится большая часть коренного населения, не несет за собой подавление импульса развития инновационного производства, как в России, а является только временным инструментом для преодоления демографического кризиса и достижения более глобальной цели по формированию Четвертой промышленной революции [14].

Библиографический список

1. IFR. IFR Members. URL: <https://ifr.org/members-list> (дата обращения: 27.05.2019)
2. Global industrial robot sales doubled over the past five years: World Robotics — Industrial Robot Report 2018 published. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/global-industrial-robot-sales-doubled-over-the-past-five-years> (дата обращения: 27.05.2019)
3. Интервью миллиардера Алексея Мордашова на Forbes Club. URL: https://www.youtube.com/watch?v=xw75_aGZMPI (дата обращения: 27.05.2019)
4. Промышленные роботы. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Промышленные_роботы (дата обращения: 27.05.2019)
5. Сбербанк. Аналитический обзор мирового рынка робототехники. URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2018/analiticeskij-obzor-mirovogo-gynka-robototehniki.pdf> (дата обращения: 27.05.2019)
6. Tokyo Olympic Games 2020. URL: https://twitter.com/tyo_olympic2020/status/1033942952555438081?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwtterm%5E1033942952555438081&ref_url=https%3A%2F%2Fwww.novayagazeta.ru%2Fnews%2F2018%2F08%2F27%2F144537-v-yaponii-zapustili-bespilotnoe-taksi (дата обращения: 27.05.2019)

7. Jobs lost, job gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and wages. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages> (дата обращения: 27.05.2019)
8. В Японии к 2030 году число рабочих мест сократится на 2, млн из-за внедрения роботов. URL: <https://tass.ru/nauka/3927212> (дата обращения: 27.05.2019)
9. Japan Pension Service. National Pension System. URL: <https://www.nenkin.go.jp/international/english/nationalpension/nationalpension.html> (дата обращения: 27.05.2019)
10. Рязанцев Н.С. Иммиграция в контексте демографического кризиса в Японии: эффекты и риски (дата обращения: 27.05.2019)
11. Коммерсантъ. Япония открыла шлюзы для мигрантов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3826173?query=Япония%20открыла%20шлюзы%20для%20мигрантов> (дата обращения: 27.05.2019)
12. Газета.ru. Японское солнце восходит для мигрантов. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/16/10528511.shtml#page1>
13. ЕНВ. Все о правилах приёма беженцев в Японии. URL: <https://novostivl.ru/msg/27192.htm> (дата обращения: 27.05.2019)
14. Сергей Рязанцев: «Низкоквалифицированные «понаехавшие» — ловушка для развития страны». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ТСсоо1jSon8> (дата обращения: 27.05.2019)

Редколлегия и Редсовет журнала «Наука. Культура. Общество»
сердечно поздравляет со знаменательными юбилеями

90-летием со дня рождения

Геннадия Васильевича ОСИПОВА,

действительного члена Российской академии наук,
директора Высшей школы
современных социальных наук (факультет)
МГУ им. М.В. Ломоносова

85-летием со дня рождения

Вилена Николаевича ИВАНОВА,

Член-корреспондента Российской академии наук,
советника РАН,
эксперта по федеративным отношениям
и массовому сознанию,
члена Союза писателей России

**Желаем им новых творческих успехов
и крепкого здоровья!**

Журнал «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»

зарегистрирован

в СМ И П И

Свидетельство о регистрации №ФС77-37675

от 01 октября 2009 г.

Учредители и издатели:

Институт социально-политических исследований

Российской академии наук

Российская Академия социальных наук

Главный редактор:

В.Н. ИВАНОВ

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинский проспект, 32а

e-mail: bezvad@mail.ru

Материалы журнала размещены на сайтах:

WWW.C-SOCIETY.RU;

WWW.VIPERSON.RU

Подписано в печать 02.07.2019

Формат 62 × 94 ¹/₁₆

Гарнитура «Pragmatica»

Тираж 1000 экз.

8 усл. п.л.

